Θ. Е. МЕЛЬНИКОВЪ.

РАЗСМОТРѢНІЕ

КНИГИ

„ПРАЩИЦА ДУХОВНАЯ“

И

СОБОРНАГО ДѢЯНІЯ

НА

МАРТИНА АРМЯНИНА.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ
1915

1г.
БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ
3-24
1г

ВХ
50
Мел

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

* * *

Только что вышла четвертымъ изданіемъ книга «Пращица духовная». Въ первый разъ она вышла изъ печати въ 1721 году въ Петроградѣ, во второй—въ 1726 году въ томъ же городѣ, въ третій разъ издана въ Москвѣ въ 1752 г. Первое изданіе вышло съ одобренія и благословенія «преосвященныхъ архіереевъ» русской господствующей церкви, два послѣдующихъ—по благословенію «святѣйшаго правительствующаго синода». Издавалась «Пращица» всѣ три раза съ цѣлію—изобличить старообрядцевъ въ неправдѣ и лжемудрствованіи. Нынѣ же она издана какъ цѣнный историческій матеріалъ, раскрывающій взгляды господствующей церкви на многіе церковные вопросы и выясняющій отношеніе ея къ старообрядчеству въ царствованіе императора Петра Великаго и въ послѣдующее за нимъ время.

«Пращица духовная» составлена нижегородскимъ архіепископомъ Питиримомъ. Въ исторіи старообрядчества онъ извѣстенъ не только какъ авторъ настоящей книги, но и какъ жестокій гонитель и истребитель старообрядцевъ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ самое мрачное для старообрядчества время. Тогда были въ силѣ изданныя по настоянію московскаго патріарха Іоакима статьи царевны Софіи. По нимъ требовалось пытать и сжигать старообрядцевъ за ихъ противленіе господствующей церкви, говоря точнѣе, за ихъ неже-

ланіе измѣнить завѣтамъ и преданіямъ древней Церкви. Статьями Софьи приказывалось «казнить смертію безо всякаго милосердія» даже тѣхъ, кто, будучи виновенъ въ перекрещиваніи, искренно въ этомъ раскаивался и присоединялся къ господствующей церкви. О нихъ рѣшительно сказано: «хотя они церкви Божьей и покоренье приносятъ и отца духовнаго и св. Таинъ причаститься желати будутъ истинно и ихъ, исповѣдавъ и причастивъ, казнить смертію безъ всякаго милосердія» («Новые матеріалы для исторіи старообрядчества», собр. Е. В. Барсовымъ, стр. 27)

Эти убійственныя предписанія вынудили старообрядцевъ бѣжать изъ центральныхъ городовъ и селеній Россіи и искать себѣ убѣжища на далекихъ окраинахъ. По свидѣтельству П. И. Мельникова-Печерскаго, «вскорѣ отдаленное Поморье и южныя украйны на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ, въ Сибири—наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ старообрядчество *) почти поголовно. Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны старообрядцами. Царевна Софья или вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, малороссъ, самый ужасный изъ всѣхъ гонителей старообрядчества, въ 1689 году велѣлъ «смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся—самихъ ссылать, пристанища ихъ разорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву». Преосвященный Макарій въ своей «Исторіи раскола» говоритъ, что «расколъ

*) Мельниковъ часто называетъ старообрядчество расколомъ, а старообрядцевъ—раскольниками. Мы позволили себѣ эти бранныя опредѣленія замѣнить настоящимъ именемъ старообрядчества Сдѣлали мы это въ цитатахъ, взятыхъ и у другихъ писателей.

рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи и никто ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили вѣру свою, или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ разоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій, а въ случаѣ нераскаянности, предавали градскому суду и часто смерти» («Акты историческіе», V, № 223). И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго страшнаго положенія, въ каковомъ находились старообрядцы, особенно во время Іоакимова патріаршества. Имъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ пустыняхъ Куда же было дѣваться? Ушли они въ лѣса поморскіе, сибирскіе, печерскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе; ушли туда, гдѣ, быть можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя старообрядцами, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись, въ виду казни, къ господствующей церкви, готовъ былъ срубъ или костеръ. Если не сознавались въ расколѣ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же наконецъ они обращались въ православіе, имъ, все-таки, на основаніи Софіиныхъ статей 1685 года, «чинили наказаніе», послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіальнаго архіерея «ради исправленія» на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на воду. Старообрядцы бѣгали по лѣсамъ, съ разоренныхъ жилищъ въ глубокія трущобы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ. Въ это тяжкое для старообрядцевъ время изъ конца въ конецъ русской земли раздался голосъ наставниковъ старообрядчества: «за рубежомъ древлее благочестіе во ослабѣ» (т.-е. заграницей старообрядчество

свободно, не преслѣдуется). И громадныя толпы бросились въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію». («Полное собр. соч. П. И. Мельникова», т. VII, стр. 32—33, изд. Маркса). Только здѣсь, подъ покровомъ чуждаго намъ правительства коренные русскіе люди находили себѣ спасеніе. На родинѣ же не могли ихъ укрыть отъ сыщиковъ ни горы, ни пустыни, ни болота, ни лѣса и никакія другія тайныя мѣста. Повсюду ихъ ловили и предавали безпощадно истребленію.

Многіе изъ старообрядцевъ еще въ патріаршество Никона и особенно послѣ собора 1667 г. бѣжали въ нижегородскіе предѣлы, преимущественно на рѣку Керженецъ, лѣвый притокъ Волги, впадающій въ нее въ шести верстахъ отъ большого торговаго села Лыскова. Имя рѣки, захватывающей своимъ теченіемъ, вмѣстѣ съ притокомъ Бѣлбашъ, значительную часть Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губ., усвоилось и всей окрестной мѣстности. Керженскіе и чернораменскіе лѣса давали возможность русскимъ вѣрующимъ людямъ найти здѣсь безопасное убѣжище отъ правительственныхъ преслѣдованій. На первыхъ порахъ они зажили на Керженцѣ дѣйствительно спокойно и даже свободно. Средоточіемъ религіозной жизни здѣсь были многочисленные скиты, вліяніе которыхъ простиралось далеко за предѣлы сосѣднихъ старообрядческихъ поселеній. Мѣстное преданіе связываетъ начало скитовъ съ славными именами первыхъ старообрядческихъ проповѣдниковъ въ нижегородской области: игумена Бизюковскаго монастыря о. Сергія Салтыкова (происходившаго изъ рода смоленскихъ бояръ), инока Ефрема Потемкина и др. выходцевъ смоленскаго края. Основанный ими скитъ *Смольяны* возникъ, какъ гласитъ преданіе, еще въ 1656 г.; въ немъ поселились царскіе

бояре, не хотѣвшіе принять Никоновыхъ новшествъ. Во второй половинѣ XVII в. эта св. обитель была главнымъ центромъ церковной жизни на Керженцѣ. Первымъ руководителемъ ея былъ священноинокъ Діонисій Шуйскій, который имѣлъ при себѣ запасы св. Даровъ и мура, освященныхъ патріархомъ Іосифомъ. Преемникомъ о. Діонисія, около 1690 г, сталъ священноинокъ Ѳеодосій (изъ г. Рыльска). Вмѣстѣ съ настоятельствомъ въ скитѣ о. Ѳеодосій управлялъ и внутренними дѣлами старообрядческой церкви и на всемъ Керженцѣ, ревностно занимаясь распространеніемъ древней истинной вѣры, собирая церковные соборы и принимая къ св. Церкви приходящихъ къ ней отъ никоніанства іереевъ. Но правительственные розыски о немъ заставили о. Ѳеодосія бѣжать сначала въ Калугу, а отсюда на Вѣтку—другой тогдашній церковный центръ старообрядчества. Отсюда священноинокъ Ѳеодосій продолжалъ, однако, управлять и Керженцемъ. Возникновеніе другого скита преданіе относитъ ко временамъ знаменитаго Соловецкаго сидѣнія, когда царскій воевода Мещериновъ обложилъ древнюю Соловецкую обитель и уже не оставалось надежды на избавленіе ея. Въ это время монастырская икона Казанской Божіей Матери, бывшая раньше комнатною иконой царя Алексѣя Михайловича, была чудеснымъ образомъ перенесена по воздуху въ пустынные лѣса чернораменскіе, на урочище *Шарпанъ* (близъ г. Семенова); руководимый ею, также чудесно, черезъ дебри, непроходимыя болота и другія препятствія, пришелъ ветхій инокъ-схимникъ Арсеній и основалъ здѣсь свой скитъ, послужившій разсадникомъ множества новыхъ скитовъ по заволжскимъ лѣсамъ. Съ именемъ соловецкаго же выходца, священно-инока Софонія, связывается начало *Софонтіева* скита (верстахъ въ 15 отъ г. Семенова), основатель котораго прибылъ въ керже-

скіе лѣса еще при Діонисіи Шуйскомъ (около 1677 г.) Изъ насельниковъ этого скита получилъ большую извѣстность въ началѣ XVIII в. приходскій священникъ Авраамій Ивановъ. Почти одновременно съ двумя послѣдними скитами (не позже 1678 г.) возникъ скитъ *Онуфріевскій*. Во главѣ его стоялъ старецъ Онуфрій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на окрестныхъ скитниковъ. Изъ женскихъ скитовъ, появившихся на Керженцѣ также еще во второй половинѣ XVII вѣка, большою извѣстностью пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ *Оленевскій* скитъ (въ 12 верстахъ отъ г. Семенова), основанный родственницею св. Филиппа, московскаго митрополита, Анфисою Колычевой (см. «Богословскую энциклопедію», т. IX, столб. 520—523). Всѣхъ обителей старообрядческихъ на одномъ Керженцѣ къ концу XVII столѣтія было около сотни, а всѣхъ старообрядцевъ въ одной Нижегородской губерніи насчитывали сотнями тысячъ душъ.

Разумѣется правительство не оставило въ покоѣ этихъ мирныхъ и глубоко вѣрующихъ русскихъ людей. Сюда былъ командированъ Питиримъ, стяжавшій себѣ громкую извѣстность въ исторіи старообрядчества своей борьбой съ нимъ. Какъ характеризуетъ его дѣятельность свящ. А. Синайскій, «Питиримъ былъ и сыщикомъ, и миссіонеромъ, и администраторомъ, и писателемъ-обличителемъ, и совѣтникомъ Петра» (А. Синайскій: «Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 50). Столь разнообразный дѣятель происходилъ изъ простыхъ крестьянъ Нижегородскихъ предѣловъ. Родился Питиримъ въ 1665 году. Въ молодыхъ лѣтахъ ушелъ на польскую границу, въ Стародубскую область. Монашество онъ получилъ, вѣроятно, на Вѣткѣ, здѣсь Питиримъ пробылъ недолго. Онъ возвратился на родину и уклонился въ никоніанство. Что заставило его измѣнить старообрядчеству, остается неизвѣстнымъ.

Впрочемъ послѣдующая его дѣятельность убѣдительно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ способенъ на какое-угодно дѣло, поэтому его отступничеству отъ старообрядчества удивляться не приходится. Отступники обыкновенно фанатики. Таковымъ былъ и Питиримъ. Но его фанатизмъ особенный, проникнутый необычайной жестокостью и ядомъ смерти.

По присоединеніи къ господствующей церкви онъ поселился въ Никольскомъ Переяславскомъ монастырѣ, что въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Здѣсь обратилъ на него вниманіе Петръ I, посѣтившій этотъ монастырь во время шведской войны. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1707 г. и по благословенію Стефана митрополита рязанскаго и муромскаго Питиримъ назначенъ былъ въ Нижегородскіе предѣлы миссіонеромъ для искорененія здѣсь старообрядчества. Въ его вѣдѣніи находились двѣнадцать участковъ: Нижній, Балахна, Юрьевецъ, Городецкая волость, Чернораменскіе лѣса, Арзамасъ, Алатырь, Курмышъ, Гороховецъ, Вязники, Ерополчь и Ветлуга. За порученное ему дѣло Питиримъ принялся съ большой настойчивостью и рѣшительностью. На мѣстѣ своей дѣятельности онъ обнаружилъ, что почти все населеніе Нижегородскаго края принадлежитъ къ старообрядчеству, даже т. н. православные искренно сочувствовали старой вѣрѣ, а священники господствующей церкви покровительствовали старообрядцамъ и втайнѣ, а иные и явно, переходили на ихъ сторону. На сторонѣ старообрядцевъ была и гражданская власть, во главѣ съ нижегородскимъ «ландрихтеромъ» Нестеровымъ Имѣя обширныя полномочія, Питиримъ озаботился прежде всего убрать отсюда г. Нестерова, на мѣсто котораго, по ходатайству Питирима, былъ назначенъ капитанъ гвардіи Юрій Ржевскій. О немъ Питиримъ отзывался, какъ о ревностномъ своемъ сотрудникѣ по обращенію старообрядцевъ.

«Я имъ зѣло доволенъ»,—писалъ Питиримъ Петру («Раскольничьи дѣла», Есипова, часть II, стр. 265, прилож.).

Въ царствованіе Петра Великаго старообрядцы подвергались безчеловѣчному преслѣдованію. Но въ этомъ дѣлѣ повиненъ не столько Петръ и гражданская власть, сколько іерархическая власть. Великій преобразователь Россіи имѣлъ раньше намѣреніе дѣйствовать на старообрядцевъ мирными способами Равнодушный къ религіи, сильно занятый государственными и военными дѣлами, Петръ едва ли разбирался въ тѣхъ основахъ и причинахъ, которыя создали русскій церковный расколъ. Онъ не подорожилъ даже такимъ церковнымъ учрежденіемъ, каково патріаршество, смѣялся надъ самыми таинствами церковными, кощунствовалъ надъ богослуженіемъ. Въ его глазахъ никакой цѣны не имѣли ни никоновская реформа, ни опредѣленія московскихъ соборовъ, ни даже само троеперстіе, изъ-за котораго вели упорную и кровавую войну со всей Россіей архипастыри его времени. Съ ногъ до головы онъ былъ государственнымъ человѣкомъ. Но современное ему духовенство втянуло его и въ религіозную войну со своимъ же народомъ, больше его самого любившимъ свою дорогую родину—святую и благочестивую Русь. Въ сохранившейся собственноручной его запискѣ онъ писалъ: «Съ противниками церкви съ кротостію и разумомъ поступать, по апостолу: быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ, да беззаконныхъ пріобрящу, быхъ всѣхъ вся да вси... спасу и не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ» (Кабинетскія дѣла, кн. 31, отд. I, стр. 19; у Есипова, т. II, стр. 218). Иначе смотрѣла на борьбу съ «противниками церкви» духовная власть. Наиболѣе яркимъ и откровеннымъ до цинизма выразителемъ ея принциповъ былъ Питиримъ. Донося императору Петру о

громадномъ количествѣ старообрядцевъ въ Нижегородской губ. и о томъ, что «попы *едва-ли не всѣ*» укрываютъ ихъ, Питиримъ предлагалъ слѣдующія мѣры для борьбы съ старообрядчествомъ: «ловить хватать и наказывать расколоучителей и не худо ихъ неявнымъ промысломъ смирять». Монахинь, которыхъ въ лѣсу до четырехъ тысячъ, всѣхъ взять въ монастырь и давать имъ въ пищу хлѣбъ и воду, а которые обратятся, тѣмъ «подобающую пищу».—Монахамъ запретить жить въ лѣсахъ, въ поляхъ, на погостахъ и по мірскимъ домамъ—а велѣть жить въ монастыряхъ, а причину выставить «для отводу», что по лѣсамъ въ келіяхъ живутъ бѣглые солдаты, драгуны, разбойники и разные люди, убѣгающіе отъ службы и податей.—Непремѣнно постановить, чтобъ ежегодно собирали штрафъ съ неисповѣдающихся и двойной окладъ съ раскольниковъ, а мы,—писалъ Питиримъ,—подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединяти будемъ.—Въ старосты и бурмистры раскольниковъ не выбирать. Разорить немедленно раскольническія поселенія и церковь на Вѣткѣ: «велія будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда». Произвести слѣдствіе о попахъ, утаивающихъ раскольниковъ и жестоко ихъ наказать для примѣра; къ тому и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ попы укрываютъ раскольниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Питиримъ объяснялъ Петру, что онъ, зная все, не извѣщалъ ландратамъ (мѣстной полиціи) изъ опасенія, что раскольники не будутъ приходить къ нему и бесѣдовать, обращенію будетъ препятствіе «и чтобы не дать имъ знаку», что онъ ихъ гонитъ» («Раскольничьи дѣла», Есипова, т. II, стр. 220—221). Жаловался Питиримъ Петру, что «и градскіе начальники, и волостные прикащики, и старосты» не только не помогаютъ ему въ дѣлѣ обращенія старообрядцевъ въ государственную церковь, но

и препятствіе ему чинятъ («Исторія нижегородской іерархіи», стр. 47).

Доносъ Питирима во многихъ отношеніяхъ характеренъ. Этотъ доморощенный іезуитъ предлагаетъ іезуитскія средства: «не явнымъ промысломъ смирять» старообрядцевъ, а косвеннымъ, т.-е. преслѣдовать ихъ въ дѣйствительности за ихъ вѣру, а «для отводу» придумывать иную причину преслѣдованій. Питиримъ безъ всякаго стѣсненія совѣтывалъ русскому монарху обманывать свой народъ. Предлагая Петру «жестоко наказывать» старообрядцевъ и сочувствующихъ имъ іереевъ, онъ въ то же время заботится о томъ, чтобы старообрядцамъ не было дано «никакого знаку, что онъ ихъ гонитъ». Хотѣлось ему щеголять предъ ними въ «овечьей одеждѣ».

Доносъ Питирима имѣлъ рѣшительный успѣхъ. Петръ призналъ іезуитскую дѣятельность Питирима «равноапостольной» и на его доносъ положилъ такую резолюцію: «По сему прошенію отца игумена Питирима запрещается всѣмъ—ему возбранять въ семъ его равноапостольскомъ дѣлѣ; но повелѣвается ему паче вспомогать. Ежели же кто въ семъ святомъ дѣлѣ ему препятствовать будетъ, тотъ *безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертію*, яко врагъ святыя церкви; а буде кто изъ начальствующихъ не будетъ помогать, тотъ будетъ лишенъ имѣнія своего» («Исторія нижегородской іерархіи», стр. 48). Страшная смертная казнь стала опорою въ «равноапостольскихъ» подвигахъ знаменитаго автора «Пращицы духовной». Петръ Великій пошелъ и на іезуитскую удочку Питирима. Въ инструкціи, данной имъ Юрію Ржевскому, онъ собственноручно начерталъ слѣдующія мѣры воздѣйствія на старообрядцевъ: «Буде возможно, явную вину сыскать, *кромѣ раскола*, такихъ съ наказаніемъ и, вырѣзавъ ноздри, ссылать на галеры, а *буде нѣтъ причины явной*,

то чинить съ ними по словесному указу. Объ всѣхъ этихъ дѣлахъ совѣтовать съ помянутою персоною (т.-е. Питиримомъ) *какъ можно тайно*, дабы о томъ другіе никто не вѣдали» (Есиповъ, т. II, стр. 221—222) «Въ этомъ распоряженіи явно,—говоритъ о немъ г. Есиповъ,—что Петръ Первый въ это время имѣлъ намѣреніе дѣйствовать осторожно съ расколомъ и не желалъ, чтобы раскольники думали, что Питиримъ и онъ воздвигли на нихъ гоненіе. При его рѣшительномъ характерѣ и твердой волѣ, не стѣснявшейся ни чѣмъ и не знавшей препятствій, замѣчательна уклончивость, какая-то нерѣшительность — и до такой степени, что при наказываніи и ссылкѣ расколоучителей онъ велѣлъ Ржевскому пріискивать причины внѣ раскола» (тамъ же). Такой хитрости Петра удивляется и другой изслѣдователь правительственныхъ мѣръ, направленныхъ при Петрѣ противъ старообрядцевъ (священникъ А. Синайскій). «Еще хуже были,—говоритъ онъ,—дѣйствія противъ старообрядцевъ тайныя, соединенныя съ хитростью и прикрытыя другими, quasi благовидными, побужденіями. Замѣчательно то, что къ подобнымъ, противорѣчившимъ открытому и рѣшительному своему характеру, мѣрамъ прибѣгалъ самъ Петръ, давая соблазнительный примѣръ для подражанія другимъ лицамъ; извѣстно, что царь далъ совѣтъ (т.-е. приказаніе) Питириму, при изслѣдованіи и наказаніи старообрядцевъ, «сыскивать явную вину, буде возможно, кромѣ раскола». Это значитъ: дозволялось придумать другое преступленіе для увеличенія наказанія; отыскивать такое преступленіе было не трудно: «для отводу» выставляли, напримѣръ, (если ловили тайныхъ старообрядцевъ) то, что по лѣсамъ въ кельяхъ живутъ бѣглые солдаты, разбойники и разные люди, убѣгающіе отъ службы и податей. Хотя это распоряженіе Петра дано было въ 1718 году, но оно не потеряло своего

значенія и дѣйствія и въ послѣдніе годы его царствованія» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», свящ. Синайскаго, стр. 305—6).

Заручившись такими безподобными распоряженіями самого императора, миссіонеръ Питиримъ и его сподвижникъ капитанъ гвардіи Ржевскій принялись за возложенное на нихъ дѣло вразумленія и обращенія старообрядцевъ съ присущей имъ страстью и жестокостью. Началась звѣриная ловля старообрядцевъ. Питиримовскій принципъ «хватать, ловить и наказывать» осуществлялся въ чудовищныхъ размѣрахъ. Питиримъ доносилъ Петру, что онъ тысячами обращаетъ старообрядцевъ: съ 1718 г. по 1724 г. онъ «обратилъ въ православіе» 68,462 старообрядца (мужскаго пола 35,375, женскаго—33,087). Успѣхъ необычайный. Средствами вразумленія были: штрафы, непосильныя оплаты, тюрьма, ссылка, каторжныя работы, битье кнутомъ, рванье ноздрей, пытки и смертная казнь. Истязывали и казнили не только мужчинъ, но и женщинъ, не давалось пощады и дѣтямъ. Ловили и ссылали и священниковъ. Послѣднихъ привлекали къ отвѣтственности большими десятками лицъ. Въ 1721 г. Питиримъ доносилъ Петру: «Еще предлагаю Вашему Величеству, попы разныхъ церквей *числомъ осмьдесятъ пять*, въ росписяхъ укрывали раскольщиковъ—писали не раскольщиками, неисповѣданныхъ исповѣданными, и таковыхъ Вашего Величества указомъ *повѣлено обножа священства наказавъ, посылать на каторгу*. А мнѣ о нихъ присмотрѣлося, что они въ томъ не научены и не остережены были отъ архіерея своего, и не повелитъ ли Ваше Величество отъ такового наказанія ихъ пожаловать свободою, кромѣ оныхъ, кои не исправятся впредь въ таковыхъ винахъ. А о раскольщикахъ нынѣ прилежать надобно, *не опуская со всѣхъ сторонъ*, елико можно, понеже они во всей догмѣ по прежнему изне-

могли, и инаго они о себѣ способу не смотрятъ *точію бѣжать туды*, гдѣ объ нихъ не прирадятъ ко обращенію и къ правежѣ съ нихъ денегъ за расколъ, того ради, что въ прочихъ губерніяхъ и во епархіяхъ о нихъ весьма упущено» (Есиповъ, т. II. стр. 266, въ прилож.). Какое искреннее признаніе вырвалось у Питирима относительно старообрядцевъ: онъ такъ усердно ихъ «вразумлялъ», что у нихъ не оставалось никакого иного способа избавиться отъ его «вразумленій», какъ «точію бѣжать» въ другія губерніи и епархіи. Но пекущійся о ихъ «спасеніи» Питиримъ спѣшитъ указать императору, чтобы и въ этихъ губерніяхъ и епархіяхъ не было бы «упущено» обычное у него «вразумленіе» старообрядцевъ Неизвѣстно, помиловалъ ли кого Петръ изъ числа 85 священниковъ, указанныхъ Питиримомъ. Но самъ Питиримъ, хлопотавшій за нихъ, не давалъ никакой пощады тѣмъ священникамъ, которыхъ онъ хотя бы въ чемъ-либо заподозрилъ въ склонности къ старой вѣрѣ. Въ 1723 г. Питиримъ, будучи уже архіереемъ, лишилъ сана 52 священника разныхъ селъ нижегородскаго, алатырскаго и балахнинскаго уѣздовъ,— однихъ за то, что укрывали старообрядцевъ, другихъ— за совершеніе службъ по старому требнику (Синайскій, стр. 58—59).

Огромное количество изловленныхъ Питиримомъ поповъ въ одной только Нижегородской губерніи и уличенныхъ въ склонности и покровительствѣ старообрядчеству показываетъ, что низшее духовенство господствующей церкви было на сторонѣ старообрядчества и раздѣляло его вѣрованія, а нерѣдко и страданія Сохранились донесенія императору Петру Питирима и капитана гвардіи Ржевскаго о ихъ мѣрахъ борьбы съ старообрядчествомъ. Жестоко и безчеловѣчно раздѣлывались эти «равноапостолы» съ русскими вѣрующими людьми и ихъ пастырями. Въ 1718 г.

Ржевскій доносилъ: «А нынѣ до Вашего Величества послалъ раскольщиковъ не обратныхъ сущихъ и замерзѣлыхъ, они же и указу твоему учинилися противны, и положеннаго окладу платить не хотятъ, и отреклися необратно и за то биты кнутомъ и выняты ноздри, и посланы въ каторжную работу числомъ 23 человѣка, и въ томъ же числѣ посланъ раскольщикъ не обратный Василій Пчелка, который подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ,—а посланъ съ такимъ же наказаніемъ, какъ и тѣ противники. Да такихъ же замерзѣлыхъ раскольниковъ, *женскаго полу* 46 человѣкъ, послалъ въ дѣвичій монастырь въ вѣдомство Питиримово подъ началъ, совѣтовавъ съ нимъ же Питиримомъ, негли кто и обратится, а они указу твоему воспротивилися же и положеннаго окладу платить отреклися, и за то изъ нихъ *учительницы ихъ биты кнутомъ* 13 человѣкъ, чего безъ наказанія оставить было нельзя. А при томъ *наказанія въ народѣ расколу ихъ не являли, только за противность твоего Государь указу наказаны*» (Есиповъ, т. II, стр. 195, въ прилож.). Подъ этимъ донесеніемъ подписанъ и «доброжелательный и нижайшій богомолецъ Питиримъ». Замѣчательно въ этомъ донесеніи сообщеніе, что настоящая вина наказанныхъ лицъ скрывалась отъ народа. Народу объявляли Ржевскій и Питиримъ, что они бьютъ кнутомъ русскихъ людей, вырываютъ имъ ноздри и ссылаютъ ихъ въ каторгу не за вѣру, какъ было на самомъ дѣлѣ, а «запротивность» государю. Въ этомъ фактѣ заключается признаніе тогдашней государственной и духовной власти, что русскій народъ былъ на сторонѣ старообрядцевъ Иначе зачѣмъ было бы скрывать отъ него, что старообрядцевъ преслѣдуютъ за вѣру и выдумывать на нихъ «для отводу» иную вину, совсѣмъ не религіознаго, а политическаго характера.

Въ февралѣ 1719 г. Ржевскій доносилъ Петру:

«Да присланы ко мнѣ отъ Питирима архимандрита замерзѣлыя самыя противники учители раскольническіе келейныя жители Василій Власовъ, Василій Ивановъ, и за то имъ учинено наказаніе: биты кнутомъ и вырѣзавъ ноздри посланы на каторгу» (тамъ же, стр. 202). 23 ноября 1719 года Ржевскій отправилъ 13 человѣкъ въ Петербургъ на каторгу, въ томъ числѣ двухъ поповъ, которые скрывали старообрядцевъ. Объ этихъ посланныхъ на каторгу Ржевскій доносилъ государю: «По тому твоему Царскаго Пресвѣтлаго Величества указу въ Нижегородской губерніи по сыску явились попы, которые укрывали раскольщиковъ и писали въ поданныхъ своихъ росписяхъ неисповѣданныхъ исповѣданными, и раскольщиковъ не раскольщиками, а многихъ укрывая и въ росписяхъ не писали. И за то они попы разстрижены и наказаны: биты кнутомъ и посланы въ каторжную работу. Да съ ними же посланы въ тое работу раскольщики: попъ ихъ раскольническій, который между ими называлъ себя патріархомъ, растриженъ же и битъ кнутомъ и ноздри пороты. Да заводчики раскола Нижняго-Новгорода, жители ямщики съ товарищи ихъ, наказаны жъ биты кнутомъ и ноздри пороты» (Есиповъ, т. II, стр. 212—213, въ прилож.). Всѣ наказанныя и сосланныя на каторгу лица утѣшали себя тѣмъ, что они все же остались при старой вѣрѣ, не измѣнили Церкви истинной. Вырвали у нихъ ноздри, изуродовали ихъ тѣло, но не вырвали и не изуродовали ихъ души и ихъ вѣры. Но были случаи, что принуждали людей старой вѣры отказаться и отъ послѣдней. Вотъ яркій образчикъ тѣхъ способовъ и средствъ, какими удавалось Питириму совращать старообрядцевъ въ никоніанство.

22 февраля 1720 г. Императоръ Петръ отдалъ приказаніе относительно одного старообрядца, нѣкоего Іоны Львова: «Іону пытать до обращенія или до смерти,

ежели чего по розыску не явится». За что назначенъ былъ къ такой жестокой пыткѣ Іона, въ дѣлѣ не сохранилось документовъ. Остались только отмѣтки о его пыткахъ и доказательства, что онъ «обратился отъ раскола». 22 февраля отмѣчено въ дѣлѣ: «А Іона Львовъ ко обращенію ни мало склонился и ничего не говорилъ и было ему 23 удара». На другой день снова пришлось его увѣщателямъ доказывать ему спасительность никоніанства. Доказательства приводили все тѣ же—битье. 24 февраля отмѣчено въ дѣлѣ: «А Іона ничего не говорилъ, какъ и съ прежняго розыску—было ему 15 ударовъ». Новыхъ пятнадцать доказательствъ правоты никоновской вѣры мало помогли дѣлу: Іона оставался непреклоннымъ. Тогда устроили съ нимъ диспутъ. Въ дѣлѣ значится: «25 февраля Александровскаго монастыря архимандритъ Θеодосій съ помянутымъ Іоною Львовымъ имѣлъ диспуты, при которыхъ оной Львовъ къ обращенію ни малой склонности не показалъ и говорилъ тоже, какъ въ воровскихъ его письмахъ написано». И диспутъ оказался малоубѣдительнымъ. Снова начали убѣждать Іону ударами кнута. 3 марта отмѣчено: «А Іона Львовъ, какъ и съ прежнихъ двухъ розысковъ ничего не говорилъ, было ему 11 ударовъ». «16 марта Іоною Львовымъ розыскивано въ четвертый. А съ розыску ничего не говорилъ, было ему 37 ударовъ». Начали, какъ видимъ, съ большей силой убѣждать Іону въ правотѣ никоніанства: сразу нанесли ему 37 ударовъ, но и такое количество аргументовъ не сломило стойкости мученика. «Того жъ марта 22 день выше писаннымъ Іоною Львовымъ розыскивано въ пятыя. А съ розыску не говорилъ ничего же, было ему 15 ударовъ». Снова ни къ чему не привели столь важныя доказательства истинности новой вѣры. Увѣщанія продолжались. «И марта въ 31 день выше писаннымъ Іоною Львовымъ розыскивано въ

шестыя. А съ розыску ничего не говорилъ же, было ему 55 ударовъ». Послѣднее вразумленіе по количеству своихъ ударовъ превзошло всѣ предыдущія увѣщанія. И измученный Іона заколебался. «И апрѣля 10 дня сего 720 года,—говорится въ дѣлѣ,—вышеписанный Іона Львовъ, черезъ бомбандира Никифора Соловьева, который у него на караулѣ, требовалъ, чтобъ повелѣно было къ нему быть Александроневскаго монастыря іеромонаху Прибыловичу. И апрѣля въ 13 день архимандритъ Θеодосій въ тое канцелярію прислалъ того іеромонаха Прибыловича, который помянутому Іонѣ Львову объявленъ, и вопросилъ оной іеромонахъ его Іону, чего ради онъ видѣть его требовалъ, и онъ Іона на то ему отвѣтствовалъ: какъ де мнѣ быть, я насмертникъ есть, прошу де твоего о томъ ученія. И онъ. іеромонахъ Прибыловичъ, началъ его учить о вѣрѣ, отъ святыхъ книгъ, отъ евангелія и отъ апостола, и отъ прочихъ, чтобъ онъ Іона отъ заблуждающагося пути, то есть отъ расколу, обратился къ восточной каѳолической соборной и апостольской церкви, и онъ Іона, слушая того ученія, сказалъ: изрядныя де твои *сладкія глаголы*, которымъ де послѣдую и я прежнее въ расколѣ заблужденіе отмещу и хощу де быть сынъ той восточной церкви». (Есиповъ, т. II, стр. 271—272). Наконецъ-таки убѣдили Іону «сладкими глаголы» присоединиться къ «соборной и апостольской церкви». «Сладкіе» глаголы были подкрѣплены 156-ю ударами. Нужно удивляться, какъ могъ многострадальный Іона выдержать такое жестокое увѣщаніе. Видно, крѣпкій былъ человѣкъ;—слабый съ первыхъ же дней отдалъ бы Богу душу. Били тогда безъ всякой пощады и съ звѣриной яростью. Тысячи русскихъ людей скончали животъ свой подъ воздѣйствіемъ такихъ увѣщаній, а еще большее число ихъ обратилось въ новую никоновскую вѣру, не выдержавъ внушительной силы не-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

обыкновенно «сладкихъ глаголовъ» пастырей господствующей церкви.

Съ цѣлію отыскать старообрядцевъ, какимъ-нибудь способомъ укрывшихся отъ сыска, Питиримъ пускалъ въ ходъ не одни штрафы и тѣлесныя вразумленія, онъ пользовался въ широкихъ размѣрахъ и проклятіями и анаѳемами. «Аще явный раскольщикъ, а укрывается по согласію съ попомъ церковнымъ, якобы онъ сынъ святыя церкви и попъ таковаго воровски укрывая называетъ себѣ сыномъ духовнымъ, то повелѣть,—требуетъ Питиримъ,—того раскольщика исповѣдати иному попу суще вѣрному, которой не укрылъ бы раскольщика, а по исповѣданіи оный раскольщикъ, *аще бы онъ былъ и недостоинъ святыхъ таинъ причащенія*, но убо ради о немъ достовѣрнаго свидѣтельства, подобаетъ архіерею оныя грѣхи возбраняющія отъ святаго причащенія разрѣшать и *святыхъ таинъ повелѣть причастить*, но непросто: первое въ день недѣльный привести таковаго, иже подъ мнѣніемъ, въ соборную церковь, и по облаченіи предъ часами повелѣть оному раскольщиковъ проклинать и *себя самого* сицевымъ образомъ: проклинаю всѣхъ тѣхъ, которыя святѣйшаго патріарха Никона называютъ еретикомъ и неправославнымъ, *да будутъ они прокляти и анаѳема*. Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже патріарховъ восточныхъ и московскихъ по Никонѣ и до сего настоящаго года престолъ правящихъ, неисповѣдающихъ быти православными, но паче называютъ раскольщиками и еретиками, и всѣхъ архіереевъ и до священниковъ такожде называющихъ, *да будутъ они вси прокляти и анаѳема*. Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не исповѣдаютъ и не вѣруютъ во святѣй восточнѣй и велико-россійской церквѣ отъ архіереевъ и іереевъ совершающееся подъ видомъ хлѣба тѣло Христово и подъ видомъ вина кровь Христова, *да будутъ они прокляти и анаѳема*.

Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не вѣруютъ и не исповѣдуютъ во святѣй восточнѣй и великороссійской церквѣ отъ архіереевъ и іереевъ совершающихся всѣхъ святыхъ седми тайнахъ и о прочемъ ихъ церковномъ дѣйствіи, *да будутъ они прокляти и анаѳема*. Проклинаю всѣхъ, иже нынѣ *не крестятся тремя первыми персты, но крестятся двумя персты* указательнымъ и среднимъ, *да будутъ прокляти и анаѳема*. Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ *говорятъ по псалмѣхъ аллилуіа по дважды, а не по трижды, да будутъ прокляти и анаѳема*».

Дальше идутъ проклятія на старообрядческихъ исповѣдниковъ и мучениковъ и на всѣ старообрядческія согласія. Заканчиваются проклятія и анаѳемы слѣдующимъ самопроклятіямъ.

«Аще ли азъ имркъ, или отецъ мой или мати моя или братія и сестры мои, или жена моя, или дѣти мои, или сродники мои, онымъ вышеписаннымъ толкамъ, аще всѣмъ или коему отъ нихъ послѣдую и послѣдуютъ и таяжде противная мудрствую и мудрствуютъ, *буди азъ проклятъ и анаѳема, и они будите прокляти и анаѳема*. И аще ли азъ вышеписанныхъ всѣхъ противниковъ и раскольщиковъ и своихъ родственниковъ и себѣ самого проклиналъ ложно и лестію, *буди я проклятъ и анаѳема не прощенно въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь*!» («Раскольничьи дѣла», Есипова, т. II, стр. 215—217, въ прилож.).

Жестокъ и неумолимъ былъ Питиримъ и въ анаѳемахъ: не пощадилъ ими ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни жены и никого изъ родственниковъ. Всѣхъ ихъ проклялъ. Но и этого ему было мало. Послѣ страшныхъ проклятій и анаѳемъ онъ заставлялъ проклинателя непременно причаститься, «хотя бы онъ былъ и недостоинъ святыхъ таинъ причащенія». Причастіе давалось не для очищенія отъ грѣховъ, не для душевнаго

спасенія, а съ цѣлью сыска,—посредствомъ причащенія узнавали: не «раскольщикъ-ли» это, «укрывавшійся по согласію съ попомъ церковнымъ.» Въ убійственной степени невыносима была тогда жизнь русскихъ людей. Некуда было имъ укрываться отъ сыщиковъ и гонителей: всюду ихъ разыскивали и если не добивали кнутомъ, то доканчивали анаѳемами и насильственнымъ причащеніемъ.

* * *

Выступилъ Питиримъ противъ старообрядцевъ и съ полемической дѣятельностью. Она не менѣе замѣчательна, чѣмъ и полицейская его дѣятельность. Любопытна исторія появленія Питиримовой «Пращицы духовной». Въ Керженскихъ скитахъ жилъ въ это время діаконъ Александръ. По собственному его признанію на слѣдственномъ допросѣ о немъ, онъ происходилъ изъ посадскихъ людей, «изъ пригорода Костромского, называемаго Нерехта», родился въ господствующей церкви и состоялъ дьякономъ «у церкви Владимирской Богородицы въ дѣвичьемъ монастырѣ», находившемся въ поименованномъ пригородѣ. Когда діакону Александру было 28 лѣтъ (въ 1701 или 1702 г.), въ немъ зародилось сомнѣніе въ истинности господствующей церкви. Онъ былъ любознательнымъ человѣкомъ и нелѣнился читать старыя книги. Читая ихъ, онъ находилъ въ нихъ тѣ самые уставы, чины, преданія, обычаи, за которые современная ему церковь предавала христіанъ строгому осужденію и проклятію. Поговорилъ онъ по этому поводу съ однимъ и съ другимъ попомъ. Тѣ подтвердили, что дѣйствительно нынѣ преслѣдуются не новшества, не ереси, а глубокая старина—святыя преданія и обычаи древней Церкви. «Сталъ Александръ молиться образу Богородицыну чудотворному, который въ той церквѣ (гдѣ онъ служилъ), при-

ходя на одинъ, чтобъ показала ему путь истинный. И то продолжалось съ полгода со слезами». Молитва его была услышана. Нѣкая старица Елизавета, умная и начитанная женщина, повѣдала ему «съ великимъ ужасомъ», что «нынѣ вѣра неправая», но говорить объ этомъ опасно, такъ какъ «за то мучаютъ». Но «потомъ во многіе дни» она раскрыла ему подробно, какъ и изъ-за чего произошелъ церковный расколъ при Никонѣ и указала, что «истинная вѣра обрѣтается въ сокровенномъ мѣстѣ, а именно въ лѣсу, въ нижегородскихъ пустыняхъ». «Коли хочешь спастись,—заключила благочестивая старица,—то туда поди». Діаконъ Александръ съ готовностью и радостью послушалъ этого спасительнаго совѣта и отправился на Керженецъ, гдѣ и былъ принятъ къ истинной Церкви. Здѣсь онъ принялъ постриженіе отъ священника Лаврентія, управлявшаго однимъ изъ керженскихъ скитовъ. Послѣ смерти о. Лаврентія діаконъ Александръ сталъ начальникомъ этого скита. Къ тому времени, какъ Питиримъ воздвигъ гоненіе на нижегородскихъ старообрядцевъ, діаконъ Александръ уже стяжалъ себѣ славу мудраго духовнаго руководителя и знатока церковныхъ вопросовъ. Онъ былъ ненавистенъ Питириму, и послѣдній принялъ мѣры погубить его. «Равноапостольный» Питиримъ началъ съ полемики, а закончилъ убійствомъ діакона Александра.

1-го января 1716 г. Питиримъ отправилъ діакону Александру и его сожителямъ: священнику Герасиму и старцамъ Іосифу и Варсанофію 130 различныхъ вопросовъ, требуя подробнаго отвѣта на каждый изъ нихъ. Вопросы не заключали въ себѣ ничего неразрѣшимаго или затруднительнаго для старообрядцевъ. Отвѣчать же на нихъ было опасно. Они вызывали старообрядцевъ на признаніе, что господствующая церковь погрѣшаетъ въ своихъ вѣрованіяхъ и установленіяхъ. Но такое признаніе каралось, какъ хуленіе, жестоко—

пытками и казнями. Поэтому діаконъ Александръ и его товарищи всѣми силами старались уклониться отъ дачи отвѣтовъ. Но неумолимый авторъ вопросовъ настойчиво требовалъ отвѣтовъ и грозилъ поименованнымъ старообрядческимъ вождямъ смертной казнью, если они «противъ присланныхъ вопросовъ не будутъ отвѣтствовать», при чемъ ставилъ имъ на видъ, что вопросы его посланы съ тѣмъ собственно намѣреніемъ, чтобы старообрядцевъ «всеусердно отъ расколу обращати и въ соединеніе святой церкви привести», т.-е. требовалъ отъ отвѣтчиковъ прямой измѣны старообрядчеству.

Что же было дѣлать діакону Александру и его товарищамъ? Не отвѣчать нельзя: за это имъ грозила смертная казнь. Но и отвѣтить по совѣсти и убѣжденію своему—тоже не избѣжать смертной казни. Отступить же отъ св. Церкви и сдѣлаться соучастникомъ коварнаго и безчеловѣчнаго Питирима—это значило измѣнить Христу и Его святымъ и вѣчнымъ завѣтамъ. Положеніе отвѣтчиковъ было безвыходное. Чтобъ какънибудь выбраться изъ него, они рѣшили написать Питириму свои вопросы. Это не такъ опасно: въ нихъ они выступаютъ не обвинителями и не обличителями, а только вопрошателями, желающими слышать разъясненія на свои недоумѣнія. Они составили 240 вопросовъ и подали ихъ Питириму. Однако это не выручило ихъ изъ бѣды. Питиримъ принялъ отъ нихъ вопросы и, обѣщавъ написать на нихъ отвѣты, все-же требовалъ и на свои вопросы непремѣнно дать письменные отвѣты.

Болѣе трехъ лѣтъ тянулось дѣло съ вопросами Питирима. Много выстрадали за это время старообрядческіе отвѣтчики. Питиримъ всячески ихъ истязывалъ: почти цѣлый годъ высидѣли они въ заключеніи, были «заклепаны и въ кандалы». Но отъ подачи отвѣтовъ

не могли уклониться. Они, наконецъ, написали свои отвѣты и представили ихъ Питириму. Отвѣты вышли знаменитыми. Полагаютъ, что въ составленіи ихъ принималъ участіе извѣстный поморскій писатель, киновіархъ Выговской пустыни, Андрей Денисовъ. Питиримъ былъ прямо ошеломленъ старообрядческими отвѣтами, получившими потомъ названіе «Діаконовскихъ отвѣтовъ». Возражать противъ несокрушимой ихъ аргументаціи онъ не могъ. Питиримъ прибѣгъ тогда къ обычному своему пріему. Подъ угрозой пытокъ и казней онъ потребовалъ отъ отвѣтчиковъ письменнаго отказа отъ своихъ отвѣтовъ, какъ неправо составленныхъ. Одинъ изъ отвѣтчиковъ, Варсонофій, еще раньше этой угрозы отказался отъ отвѣтовъ и велъ себя подозрительно, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Питиримомъ; остальные же отвѣтчики: діаконъ Александръ, священникъ Герасимъ и старецъ Іосифъ твердо стояли за правоту своихъ отвѣтовъ. Однако послѣ Питиримовскихъ угрозъ и они «убоялись большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія» и вынуждены были подписать предложенное имъ Питиримомъ отреченіе отъ своихъ отвѣтовъ. Тогда «равноапостольный» Питиримъ продѣлалъ такую комедію.

Перваго октября 1719 г. Питиримъ пріѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода въ с. Пафнутово, Дрюковской волости, и собралъ здѣсь множество народа; по его приказанію были приведены подъ командой солдатъ и составители отвѣтовъ—діаконъ Александръ съ старцами. Въ мѣстномъ храмѣ Питиримъ совершилъ литургію, по окончаніи которой вышелъ въ облаченіи, съ крестомъ и Евангеліемъ, на приготовленное возвышеніе, размѣнялся отвѣтами съ діакономъ Александромъ и прочиталъ свое посланіе, въ которомъ говорится, что онъ будто бы заботится о спасеніи старообрядцевъ по любви пастырской и по заповѣди Христовой. По про-

чтеніи посланія Питиримъ сталъ задавать о. діакону Александру вопросы. Но діаконъ стоялъ съ поникшей головой, ничего не отвѣчалъ на вопросы Питирима. Варсонофій же, рѣшившій страха ради измѣнить старообрядчеству, подалъ Питириму отъ имени отвѣтчиковъ отреченіе отъ отвѣтовъ. Въ этомъ отношеніи говорится: «Разсуждали мы многое время и разумѣли подлинно, что противу вопросовъ отвѣчали неправо, а на многіе не отвѣчали, понеже мы не возмогохомъ, како бы отвѣщати праведно. И того ради просимъ, по совѣту всего нашего сословія: прости насъ безъ истязанія въ оныхъ неправедныхъ нашихъ отвѣтахъ, понеже мы не можемъ отвѣщати нынѣ и впредь, а мы оные наши отвѣты полагаемъ ни во что, яко бы и не писаны». Дальше излагается, что отвѣтчики съ клятвой отрекаются отъ своихъ отвѣтовъ и призываютъ на себя судъ царевъ и Божій, если станутъ хвалить свои отвѣты. Наконецъ, добавляютъ, что они написали настоящее отреченіе не по нуждѣ и насилію, но по доброй своей волѣ. Въ послѣднемъ заявленіи звучало сомнѣніе Питирима, что народъ не повѣритъ искренности представленнаго отреченія. По прочтеніи отреченія Питиримъ однако не успокоился, онъ настойчиво требовалъ продолжать споръ. Старцы же просили прощенія, «больше ничесоже отвѣщавающе, точію покланяющеся и лежаху не возстающе на долзѣ». Въ заключеніе разыгранной комедіи, которая для старообрядцевъ была трагедіей, Питиримъ снова приказалъ прочитать отреченіе, послѣ чего знаменитый споръ закончился. Питиримъ торжествовалъ побѣду надъ беззащитными и запуганными старообрядцами.

О своихъ успѣхахъ онъ поспѣшилъ сообщить въ Петербургъ. Съ нескрываемой радостью онъ писалъ, что съ «раскольническими учители съ дьякономъ и съ протчими вопросами и отвѣтами размѣнялися» и что

«та размѣна по премногу церкви святѣй благополучна» «а на отвѣты ихъ азъ, — заканчивалъ Питиримъ свое донесеніе, — имѣю намѣреніе сдѣлать возраженіе» (Есиповъ, т. I, стр. 642—643). Намѣренія этого Питиримъ не привелъ въ исполненіе до самой смерти. Онъ не въ состояніи былъ разобраться въ неопровержимо обоснованныхъ отвѣтахъ діакона Александра. Прошло почти двѣсти лѣтъ, какъ написаны эти отвѣты, а на нихъ до сихъ поръ не послѣдовало опроверженія со стороны миссіонеровъ и иныхъ представителей господствующей церкви. Питириму они принесли большое безпокойство. Онъ все заботился, какъ бы они не проникли въ народъ, все допытывался: не оставили ли составители отвѣтовъ копіи у себя съ этой своей замѣчательной работы.

Вскорѣ послѣ такъ ловко разыгранаго диспута съ старообрядцами въ с. Пафнутовѣ Питиримъ отправился въ Петербургъ, захватилъ съ собой и старца Варсонофія, окончательно отступившаго отъ старообрядчества. Остальные же старообрядческіе старцы, во главѣ съ діакономъ Александромъ, горько раскаивались въ своемъ малодушіи, вслѣдствіе котораго они дали возможность Питириму торжествовать побѣду надъ св. вѣрой. Они открыто повѣдали своимъ духовнымъ отцамъ и всему народу, что отреченіе отъ отвѣтовъ подписали и подали Питириму противъ совѣсти своей, убоявшись пытокъ и мукъ. Діаконъ же Александръ, мучимый совѣстью, рѣшился на смѣлый шагъ: онъ отправился въ Петербургъ и подалъ императору Петру слѣдующее прошеніе.

«Въ прошломъ 1716 году, нижегородскій алатырскій епископъ Питиримъ, бывши игуменомъ въ Бѣлбошскомъ Троицкомъ монастырѣ, прислалъ къ намъ скитожительствующимъ послѣднимъ богомольцемъ твоимъ убогимъ старцемъ 130 вопросовъ за своею рукою, прося

у насъ на тѣ вопросы отвѣтовъ; и мы убогіе, тако жъ написавъ, подали ему епископу Питириму своихъ вопросовъ 240, желая черезъ его отвѣты въ сомнѣніи нашимъ отъ святаго писанія рѣшеніе получити. И онъ противъ вопросовъ нашихъ отвѣщать обѣщалъ, такожде и намъ всѣмъ противъ своихъ вопросвъ отвѣты написать и, написавъ, хотѣлъ отвѣтами размѣняться и читать предъ народомъ, яко да всякая правда и неправда на среди изыдетъ. И мы за недостатки книгъ и за скудость ума нашего отвѣтовать отрицалися, о чемъ, пришедъ къ нему въ монастырь, просили его, чтобъ отвѣтовъ отъ насъ не истязалъ, да не на досаду и прогнѣваніе возмнится наше отвѣтствованіе, за что онъ велѣлъ держать насъ за карауломъ близъ года, и мы убогіе за онымъ принужденіемъ на вопросы его, сидя во узахъ, писали къ своимъ, чтобъ отвѣты готовили, и елико возмогли, собравъ отъ святаго писанія отвѣты, написавъ подаша ему епископу въ маѣ мѣсяцѣ, зато онъ обѣщалъ насъ выпустить, а принявши наши отвѣты, своихъ отвѣтовъ онъ, епископъ, тогда намъ не отдалъ и въ правдѣ своей не устоялъ и насъ не свободилъ, но паче съ яростію велѣлъ насъ заклепать въ кандалы и держалъ за крѣпкимъ карауломъ и угрожалъ ранами и, пріѣхавъ онъ, епископъ, изъ Нижняго со многими солдаты въ Дрюковскую волость, въ село Пафнутово, сентября въ послѣднихъ числахъ, и повелѣлъ многихъ людей собрать, да и насъ велѣлъ изъ монастыря своего привести на Пахнутово жъ; и очернилъ онъ епископъ своею рукою доношеніе на имя наше о отложеніи отвѣтовъ нашихъ и прислалъ со старцемъ Варсонофіемъ къ намъ на подворье и велѣлъ переписать на бѣло и, приложа руки, подать предъ народомъ и ни въ чемъ не спорить, хоша де станетъ и истязать васъ, что бы вы противъ вопросовъ отвѣтствовали, а вы де кланяйтеся, чтобъ не отвѣтствовать,

но довлѣть доношеніемъ; и мы убогія, во узахъ истомленные, убоявся отъ него епископа большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія, якожъ и надъ другими учинено, которые отданы въ каторжную работу въ разныхъ числахъ, для того ни о чемъ оспорить ему не смѣли, и къ такому невольному доношенію руки своя приложили неправедно, а вины въ тѣхъ нашихъ отвѣтахъ мы не знаемъ, ниже онъ епископъ по взятіи держа у себя и читая тѣ наши отвѣты полпята мѣсяца, а намъ никакой вины на письмѣ и устно не явилъ и своихъ и нашихъ отвѣтовъ тогда при множайшемъ отъ него собраніи не вычиталъ, и азъ грѣшный убояхся суда Божія и вѣчныхъ мукъ за приложеніе руки моей къ неправому доношенію, нынѣ предъ Господомъ Богомъ приношу со слезами покаяніе, а отъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества чрезъ вопросы правдиваго разсмотрѣнія прошу.—О семъ доноситъ послѣдній богомолецъ вашъ старецъ діаконъ Александръ» (Есиповъ, т. I, стр. 648—650).

Какой искренностью и вѣрой въ свою правоту дышитъ это смѣлое разъясненіе діакона Александра. Оно всполошило Питирима, такъ рѣшительно изобличеннаго здѣсь во лжи и въ разыгранной имъ въ Пафнутово комедіи. Простая справедливость требовала произвести разслѣдованіе на мѣстѣ, чтобы выяснить—правъ ли діаконъ Александръ въ своемъ разоблаченіи Питиримовыхъ продѣлокъ и насилій. Но такое разслѣдованіе повело бы къ торжеству старообрядчества. Это хорошо понималъ и Петръ, а еще больше—Питиримъ. Все разслѣдованіе было поэтому ограничено опросомъ одного Варсонофія и пытками надъ діакономъ Александромъ. Варсонофій, хотя и передался на сторону Питирима, но еще не совсѣмъ опитиримился; у него не хватило смѣлости объявить разоблаченіе діакона Александра лживымъ. На представленномъ ему доноше-

ніи Александра онъ могъ только заявить, что «сіе доношеніе написано безъ совѣта всего нашего скита, не вѣмъ по какому умыслу» (тамъ же, стр. 650). Діаконъ Александръ писалъ доношеніе не отъ скита, а отъ своего имени, «а по какому умыслу», это ясно изъ самого доношенія. Заявленіе Варсонофія, судя справедливо, только оправдывало діакона Александра. Но въ то время не считались, разъ дѣло касалось старообрядцевъ, ни съ справедливостью, ни съ совѣстью, ни даже съ простой порядочностью. Петръ написалъ на четвертушкѣ бумаги собственноручное предписаніе: «Дьякона пытать—къ кому онъ сюда пріѣхалъ и приставалъ и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ, а по важныхъ пыткахъ послать съ добрымъ офицеромъ и съ солдаты отъ гвардіи и послать въ Нижній и тамъ казнить за его воровство, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ» (стр. 640). Вотъ и вся вина невиннаго страдальца: разсказалъ своему Царю правду безъ согласія того старца, который былъ соучастникомъ іезуитской продѣлки Питирима. И только за эту правду его приговорили къ смертной казни. Наглые и безсовѣстные лжецы торжествовали, а человѣкъ правдивый, искренній, боящійся Бога и Царя, долженъ былъ итти на смерть. Но Господь и справедливая исторія оправдали страдальца Александра и осудили безподобнаго обманщика и лжеца Питирима. Священникъ Синайскій утверждаетъ, что «новѣшіе изслѣдователи, вопреки современникамъ и прежнимъ историкамъ, неодобрительно относятся къ Питириму за образъ дѣйствій въ с. Пафнутовѣ, и въ дѣлѣ, возникшемъ по жалобѣ діакона Александра на принужденіе его къ соглашенію и подписанію требованій Питирима» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 53).

Діакона Александра подвергли жестокимъ пыткамъ, но и подъ пытками онъ не отрекся отъ изложенной

имъ въ доношеніи Царю правды, никого и не запуталъ онъ въ свое дѣло. Многострадальный исповѣдникъ шелъ мужественно на смерть. Питирима же пугала даже смерть эта. Узнавъ, что діакона предназначено подвергнуть казни въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ съ большимъ безпокойствомъ писалъ гражданскому начальству: «Раскольщика діакона, намъ слышно, что въ Нижнемъ казнить, а мое мнѣніе все-конечно въ Нижней возить его не надо-бъ и не полезно весма, лучше здѣсь, понеже дорогою, и тамъ будучи, можетъ развращать, отчего вмѣнятъ его быть за страдальца и себѣ за гоненіе, поволь о семъ доложить Царскому Величеству» (стр. 648). Питиримъ не ошибся: мученическая смерть Александра дѣйствительно послужила великому торжеству Церкви Христовой. О казни этого мученика нижегородскій губернаторъ Юрій Ржевскій доносилъ въ Петербургъ слѣдующее: «Старецъ Александръ по его Царскаго Пресвѣтлаго Величества имянному указу въ Нижнемъ при всенародномъ собраніи казненъ смертно: отсѣчена голова, а тѣло его сожжено марта 21-го дня, сего 1720 года» (стр. 641). Преданіе утверждаетъ, что даже пепелъ отъ сожженнаго тѣла казненнаго страдальца былъ брошенъ въ Волгу. Однако всѣ эти мѣры не изгладили въ народѣ священной памяти о мученикѣ Александрѣ. Она сохранится и въ роды родовъ.

*
* *

Мученическая кончина діакона Александра придаетъ особое значеніе его отвѣтамъ на вопросы Питирима, а также и его вопросамъ этому безжалостному гонителю старообрядчества. На твореніяхъ діакона Александра лежитъ печать его страданій и мученичества. Какъ отвѣты Александра, такъ и вопросы его не потеряли до сихъ поръ своей апологетической

цѣнности. «Пращица» Питирима ничуть не поколебала діаконовыхъ вопросовъ. Напротивъ—она только засвидѣтельствовала ихъ силу. «Языкъ въ этихъ вопросахъ—отзывается о нихъ Александръ Б.,—правильный. Мысль развивается довольно стройно,—лучше, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ старообрядческихъ учительныхъ сочиненіяхъ. Сочинитель былъ человѣкъ ума негрубаго, больше—даже утонченнаго, нечуждаго невѣдомыхъ простымъ русскимъ людямъ свѣдѣній историческихъ, догматическихъ, каноническихъ и другихъ» *) («Сочиненія историческія. Записки Александра Б.», часть II, стр. 160).

Вопросы діакона Александра показываютъ, что старообрядчество расходилось съ представителями и руководителями новой церкви, созданной реформами Никона и Петра, не по обрядовымъ только разностямъ, но по болѣе существеннымъ пунктамъ вѣры. Ихъ раздѣляло самое пониманіе христіанской вѣры. Они имѣли различные взгляды на Церковь и ея сущность. Разныя отношенія у нихъ были и къ древней русской церкви. Не одинаково они понимали значеніе въ Церкви іерархіи. Различныхъ взглядовъ держались на ересь и еретическіе уставы и обычаи. Составители вопросовъ спрашивали Питирима: «Что есть вѣра?» (вопросъ 1-й). «Что есть преданіе вѣры?» (вопросъ 2-й). «Колико есть преданій вѣры?» (вопросъ 3-й). «Что есть догматъ?» (вопросы 4-й и 5-й). «Догматы вѣры и преданіе вѣры едино-ли?» (вопросъ 6-й). «Что есть церковное преданіе?» (7-й). «Церковное преданіе—вѣры-ли преданіе?» (8-й). «Что есть Церковь: едина, святая, соборная и апостольская Церковь?» (10-й). «Что есть Церкве основаніе, чувственное или духов-

*) Нѣкоторые изслѣдователи старообрядчества полагаютъ, что въ составленіи діаконовыхъ и вопросовъ участвовалъ Андрей Денисовъ.

ное?» (11-й). «Что есть Церкве утвержденіе, и колико?» (12-й). «Какова и колика Церковь въ первобытіи вѣры и въ лѣта апостольская бѣ?» (13-й). «Церковь истинная та ли есть, еже гоненіе претерпѣваетъ, или та, яже иныхъ правовѣрующихъ изгоняетъ?» (236-й). «Соборъ, противляющійся прежде бывшимъ святыхъ отецъ соборомъ, правъ ли или ни?» (234-й). «Что есть ересь, еретикъ, еретическій уставъ?» (вопросъ 235-й).

Всѣ эти вопросы ставились съ цѣлію—выяснить, какъ смотритъ іерархія новой церкви на внутреннюю сущность Христовой Церкви, на ея основы и на возложенное Христомъ на Церковь служеніе въ человѣческомъ мірѣ. Далѣе вопросители желали выяснить—какъ относится вновь созданная церковь къ древней русской и древней восточной церкви: признаетъ-ли она ихъ вполнѣ истинными и совершенно незазорными въ своихъ преданіяхъ, уставахъ, чинахъ и обычаяхъ или считаетъ эти церкви уклонившимися отъ истины, погрѣшившими въ какихъ-либо отступленіяхъ и заблужденіяхъ. Старообрядцы ставили такіе вопросы: «Вѣру, крещеніе, преданія и весь чинъ церковный, пріятый отъ восточныя церкве, великимъ княземъ Владиміромъ и отъ того времени въ Кіевѣ и въ Москвѣ, до лѣтъ царя Іоанна Васильевича и до лѣтъ Никона патріарха,—тое ли все содержали или иное?» (вопросы 14, 15 и 16). «Право ли и неизмѣнно ли содержаша преданіе восточныя церкви при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ?» (вопросъ 19-й). «При Макаріи митрополитѣ на святомъ соборѣ, бывшемъ въ лѣто 7059 (т.-е. Стоглавомъ), чины и уставы церковныя право ли утвердиша,—и аще что неправо, то что именно?» (20-й и 21). «Той соборъ бысть ли когда зазрѣнъ или опороченъ отъ четырехъ патріарховъ и прочихъ греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ, и малороссійскихъ архіереевъ до Никона патріаршества?» (181-й). Отъ

лѣтъ Стоглаваго собора православленіи христіане въ Россіи всегда ли въ православнѣй вѣрѣ пребывали неизмѣнно до Никона?» (23-й). «Пять первыхъ патріарховъ московскихъ во всемъ ли согласни быша съ четырьми вселенскими патріархами, съ сербскимъ и съ болгарскимъ и съ грузинскимъ архіереями?» (26-й).

Затѣмъ, шли вопросы объ отдѣльныхъ учителяхъ древней Церкви, о состояніи греческой церкви послѣ ея паденія, о греческихъ печатныхъ книгахъ и т. п. Ставятъ старообрядцы вопросы и о новыхъ книгахъ, изданныхъ новыми московскими соборами и архипастырствомъ Никоновской церкви: «Скрижали», «Соборномъ свиткѣ», «Жезлѣ», «Увѣтѣ», «Щитѣ вѣры» и «Розыскѣ» и о богослужебныхъ новыхъ книгахъ. Но подавляющее большинство вопросовъ посвящены обрядовымъ разностямъ между старообрядчествомъ или, что одно и то же, древней греко-россійской Церковью и новой никоновской церковью: о перстосложеніи для крестного знаменія, объ ангельской пѣсни аллилуіи, о начертаніи имени Христа Спасителя, о формѣ Креста Христова и друг. Однако вопросы эти не имѣли характера мелочнаго спора, затрогивающаго лишь «скорлупу» церковности. Напротивъ—они запрашиваютъ о догматическомъ содержаніи церковныхъ преданій и объ историческомъ ихъ происхожденіи. Всякое преданіе цѣнно не само по себѣ, а по его преемственности и по своему первоисточнику: съ чѣмъ и съ кѣмъ оно насъ связываетъ—съ еретиками и ихъ заблужденіями или съ древней Церковью Христа и съ ея богодухновенными отцами—пастырями и учителями церковными. Православное ли ученіе Церкви оно передаетъ намъ или несетъ въ себѣ искаженіе церковнаго ученія. Діаконъ Александръ съ товарищами спрашивали въ своихъ вопросахъ: «Князь Владиміръ и вси православніи христіане пріяша отъ грекъ креститися

тремя ли первыми персты или двѣма?» (вопросъ 17-й). «Аще тремя первыми персты креститися пріяша, то когда сіе перемѣниша и кто перемѣнилъ?» (вопросъ 18-й). «Православни ли суть древнія книги старописменныя харатейныя и бѣлорусскія печатныя, кіевскія, львовскія, виленскія, угорскія и московскія, учащіи крститеся двуперстно?» (вопросъ 27-й). «И аще неправославни, тое неправославіе ересь ли или расколъ, коего еретика ересь, въ кая лѣта и кѣмъ въ Россію внесеся?» (вопросы 28, 29 и 33-й). «Въ новопечатныхъ книгахъ «Соборномъ свиткѣ» и во псалтирѣхъ съ возслѣдованіемъ и въ «Скрыжали» двоеперстное сложеніе названо арменствомъ и аріанствомъ и несторіанствомъ — право ли?» (вопросъ 30-й). «Въ новоизданной заручной книгѣ Питирима то сложеніе перстовъ названо армянскою и латинскою ересію,—котораго армянскаго и латинскаго еретика та ересь?» (32-й). «Въ кая лѣта армяне и латини пріяша эту ересь?» (32-й). «Кто отъ святыхъ отецъ нарекъ, прежде новопечатныхъ книгъ, двоепорстное моленіе армянскою и несторіанскою и латинскою ересію?» (вопросы 34, 38—40-й). «Названо оно ересію коего ради уподобленія?» (35-й) «Кая въ томъ сложеніи армянская ересь?» (36-й). «Можно ли его армянскою ересію нарицати, аще армяне отъ первобытія во правовѣріи пріяша и содержатъ его непревратно?» (37-й). «Кое согласіе съ Несторіемъ имѣетъ двоеперстіе?» (вопросы 41 и 43-й). «Кое согласіе съ Аріемъ еретикомъ?» (вопросы 44 и 45-й). «Коего ради пріуподобленія латиномъ нарицается оно латинскою ересію?» (вопросы 46 и 103—106). «Подобаетъ ли вещми неравными (каковы, напр., три первыхъ перста) образовати равенство ѵпостасей Святыя Троицы?» (47—53, 57—61, 65 и 67-й). «Есть ли гдѣ отъ святыхъ отецъ писано тако, еже бы заключати тремя персты тайну Святыя Троицы, вкупѣ

же и смотрѣніе воплощенія?» (54—56-й). «Въ которомъ писаніи, въ старопечатныхъ книгахъ, исповѣдуется, что крестящіися двѣма персты воображаютъ особь божество Сына Божія, наго пріятія плоти, особь же человѣчество нагствующее того божества?» (63-й). «Нѣсть ли образованія отъ святыхъ отецъ двѣмя вещми, между собою разстоящими и другъ отъ друга отлученными, двухъ естествъ Христовыхъ?» (64—67-й). «Кто святый написалъ и гдѣ, еже креститися треми первыми персты?» (68-й). «О ѵ҃подіаконѣ Дамаскинѣ и словѣ его о сложеніи трехъ перстовъ» (вопросы 69, 70 и 72-й). «Кому подобаетъ лучше вѣрити: Максиму Греку, учившему креститися двѣма персты, или Дамаскину?» (71-й). «Чесо ради ни единыя книги на имя святого коего отъ множества старыхъ книгъ, собранныхъ для исправленія церковныхъ книгъ, въ «Скрыжали», въ «Жезлѣ» и «Увѣтѣ» не явили о триперстномъ сложеніи, кромѣ Дамаскина?» (81-й). «Господь нашъ, въ день вознесенія своего, просто ли простертыма дланма или сложены имѣя персты благослови учениковъ и аще сложенными персты, то коими благослови?» (100 и 102-й). «Православно ли двоеперстное сложеніе благословящихъ и молящихся рукъ, воображенное на святыхъ чудотворныхъ и на прочихъ древнѣйшихъ иконахъ?» (107—110-й). «Въ кая лѣта начася изображеніе на честныхъ иконахъ троеперстія на молящихся рукахъ и именословнаго перстосложенія на благословящихъ?» (111-й) «Чесо ради не согласуетъ «Срыжаль», приводящая во свидѣтельство къ сложенію трехъ первыхъ перстовъ простыхъ людей поселянъ, съ «Увѣтомъ», который таковыхъ отрицаетъ?» (188-й). «Чесо ради не согласуетъ «Срыжаль», исповѣдующая тремя первыми персты тайну Святыя Троицы, вкупѣ и смотрѣніе два же персты имати праздны, съ «Увѣтомъ», по которому треми первыми персты воображается Святая

Троица, двѣма же послѣднима Бога Слова вочеловѣченіе?» (190-й). «Разумѣніе «Жезла» и «Увѣта», еже чрезъ двое аллилуія, а третіе—слава Тебѣ Боже, три лица изображаются, единство же естества ни мало, православно ли?» (62 и 187-й). «Православно ли преданіе старописменныхъ харатейныхъ и печатныхъ сербскихъ, бѣлорусскихъ, кіевскихъ, львовскихъ, острожскихъ, виленскихъ и московскихъ книгъ, въ которыхъ въ уреченныхъ мѣстѣхъ повелѣно глаголати дважды святая аллилуія, а третія приглашати—слава Тебѣ Боже?» (134—135). «Прежде на антиминсахъ изображался крестъ единъ съ подножіемъ, а нынѣ воображаютъ снятіе со креста,—чесо ради тако?» (131 и 133-й). «Кто отъ святыхъ отецъ предалъ совершати божественную литургію на пяти просфорахъ?» (126-й). «Чесо ради отложено нынѣ печатати на просфорахъ образъ трисоставнаго креста, съ подножіемъ, копіемъ, тростію и обычною подписію: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра?» (127—129-й). «Нынѣ на литургіи, на воспоминаніе словесъ Христовыхъ: «пріимите, ядите» творятъ поклоны; Іоакимъ же патріахъ то поклоненіе нарицаетъ латинскимъ обычаемъ,—чесо ради несогласно?» (192-й).

Не мало вопросовъ направлено къ оправданію тогдашняго положенія старообрядцевъ, когда имъ приходилось вести церковную жизнь въ утѣсненіи и при тяжкихъ лишеніяхъ, когда у нихъ не было православнаго епископа. Составители вопросовъ спрашивали: «Іерей, аще построитъ церковь безъ повелѣнія архіерейскаго во время нужды въ гоненіи, каковой винѣ подлежати будетъ?» (вопросъ 222-й). «Аще кто отъ правовѣрныхъ, отъ архіерея или іерея, измѣняющаго преданіе церковное, не дождався соборнаго на него осужденія, отступитъ отъ него: свободенъ ли будетъ онаго архіерея связанія или ни?» (228-й). «Можно ли

измѣнять церковныя чиноположенія, егда бываетъ нужда христіаномъ или гоненіе или утѣсненіе» (215—216-й). «Человѣкъ, ересь держащій невѣдѣніемъ или расколство, можетъ ли спастися?» (220-й). «Четыре вселенскіи патріархи имутъ ли въ правовѣріи неизмѣнно до скончанія вѣка быти или ни?» (237-й). «На комъ збыться сказаніе «Книги о вѣрѣ», по которому около 1666 года по Р. Хр. нужно было ожидать смуты въ церкви, и отъ кого премѣненіе въ россійской церкви учинися и кто тому премѣненію и смятенію виновенъ?» (240-й).

Вопросы діакона Александра охватываютъ собою почти всѣ спорные пункты вѣры, волновавшіе тогда весь русскій народъ. Съ этой стороны вопросы представляютъ большой историческій интересъ для всякаго изслѣдователя старообрядчества. Но еще большій интересъ представляютъ отвѣты Питирима на предложенные ему вопросы. Онъ изложилъ здѣсь все вѣрованіе и всѣ основанія своей церкви по всѣмъ пунктамъ, выдвинутымъ старообрядческими вопросами. «Пращица» Питирима — это катихизисъ новой церкви, ея символическая книга. Изъ нея мы узнаемъ — какъ и во что вѣровала, что признавала и что отвергала и на чемъ основывалась эта церковь. Отмѣтимъ прежде всего основной тонъ этого катихизиса.

***

Чрезъ всѣ отвѣты «Пращицы» проходитъ утвержденіе, что древняя русская церковь, начиная съ XII-го вѣка, погрязла въ тинѣ ересей, самыхъ пагубныхъ и наиболѣе зловредныхъ и нечестивыхъ: аріанской, несторіанской, армянской, латинской и другихъ; книги ея наполнены еретическими погрѣшеніями и искаженіями; чины и обычаи ея—мерзки, нечестивы и богохульны. Сущность пререканій между людьми старой

вѣры и представителями новой церкви сводилась къ спорамъ о святости и благочестіи древней Церкви. Старообрядцы отстаивали достоинство этой Церкви, какъ вѣрные сыны своей Матери, ревностно защищали и оправдывали ея вѣковыя вѣрованія, преданія, обычаи, чины и уставы и мужественно шли на смерть за честь благочестивой и святой Матери своей. Предъ ихъ духовнымъ взоромъ она стояла неповинной въ своихъ вѣрованіяхъ и установленіяхъ, величавой въ своемъ смиреніи и кротости, ярко сіяющей, какъ звѣздное небо, многочисленнымъ сонмомъ великихъ святителей, славныхъ подвижниковъ, праведныхъ людей, святыхъ мужей. Въ сторонѣ отъ этой чистой и незлобивой Невѣсты Христовой стоялъ полкъ ея гонителей, руководимый такими кровожадными вождями, какими были Никонъ, Іоакимъ, Питиримъ и другіе. Они пылали ненавистью къ св. Церкви, пускали въ нее стрѣлы своей злобы, осужденія и презрѣнія. Предъ милліонами вѣрующихъ русскихъ людей стоялъ выборъ: или остаться при своей родной Матери-Церкви, воспитавшей ихъ въ своемъ ученіи, жизни, обычаяхъ и поступкахъ, или передаться на сторону этого вражескаго полка и за одно съ нимъ вести противъ Церкви хамскую войну. Русскіе люди выбрали первое: они остались вѣрными святой Церкви. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и ихъ вопросы Питириму, въ которыхъ они умѣло и искусно ведутъ защиту своей Матери. Отвѣты же на ихъ вопросы громятъ безпощадно древнюю Церковь и ея установленія. Справедливо отвѣты названы «Пращицей», т.-е. орудіемъ бросающимъ камни. Твореніе Питирима наполнено одними камнями, которыми онъ забрасываетъ св. Церковь, тщетно пытаясь разбить ея основы и утвержденія. Питиримъ иначе и не можетъ представить себѣ свою церковь, какъ гонительницей и убійцей. Онъ и христіанство пони-

маетъ, какъ кровавую инквизицію, учрежденную въ этомъ мірѣ съ цѣлію—истреблять и убивать всѣхъ непокоряющихся ему. Даже Кроткій Спаситель рисуется въ безумномъ воображеніи Питирима гонителемъ и палачомъ. «Ісусу Христу онъ приписывалъ—говоритъ свящ. Синайскій о Питиримѣ, — одобреніе и освященіе жестокихъ мѣръ противъ еретиковъ и раскольниковъ. Это значитъ, что преосв. Питиримъ *умалялъ значеніе христіанства, какъ религіи высшей во всѣхъ отношеніяхъ*, и въ отношеніи требованія милосердія, справедливости и великодушія къ согрѣшающимъ и заблуждающимъ. Это была крайность, вытекавшая съ одной стороны изъ недостатка истинныхъ понятій о сущности нравственнаго христіанскаго ученія въ то малопросвѣщенное время, а съ другой—изъ преувеличеннаго представленія о враждебности и политической неблагонадежности раскольниковъ» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 55). Другими словами, Питиримъ и его единомышленники отреклись отъ самой основы христіанства— любви и милосердія и стали во враждебное отношеніе къ Самому Основателю христіанства. Христосъ говоритъ: «Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исходъ, 20, 13). А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду» (Мѳ., гл., V, ст. 21—22). «Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Левит. 19, 17—18). А Я говорю вамъ: *любите враговъ вашихъ*, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего Небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ» (Мѳ. гл. V, ст. 43—45). Однажды Христосъ шелъ съ учениками

своими въ Іерусалимъ, «и послалъ вѣстниковъ предъ лицемъ Своимъ; и они пошли и вошли въ селеніе Самарянское, чтобы приготовить для Него; но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешествующаго въ Іерусалимъ. Видя то, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать» (Лк. IX, 51—56). Такъ Самъ Христосъ разъясняетъ смыслъ своего посланничества и задачи христіанства.

Совсѣмъ иначе понимаетъ ихъ Питиримъ. Если,—толкуетъ онъ,—«въ ветхозаконнѣй церкви непокоривыхъ *повелѣно убивати и убивали, кольми паче вѣ новой благодати* непокаряющихся святѣй восточнѣй и великороссійстѣй церкви подобаетъ наказанію предавати, достойно бо и праведно есть: понеже тамо сѣнь, здѣ же благодать; тамо образы, здѣ же истина, тамо агнецъ, здѣ же Христосъ; тамо манна и вода изъ камене, здѣ же тѣло Христово и кровь, изъ ребръ его истекшая и прочая таковая, оныхъ древнихъ превосходящая» (лис. 360 и об.). Если въ ветхомъ завѣтѣ — разсуждаетъ Питиримъ,—за одно око выкалывали только одно око, то въ новомъ должно выкалывать два. Если тамъ приказано любить ближняго, то тутъ нужно ненавидѣть его, «понеже тамо сѣнь, здѣ же благодать». Древнимъ сказано: не убивай, теперь же мы говоримъ: не щади никого—бей и убивай. «Убо како васъ не мучити?»—восклицаетъ Питиримъ, обращаясь къ старообрядцамъ. — «Како въ заточенія не посылати? како главъ не отсѣкати?» (лис. 380 об.). Сравнительно съ новымъ завѣтомъ исторія ветхозавѣтной церкви представляется Питириму необычайной тишиной и миромъ. Исторію

же христіанства онъ понимаетъ, какъ сплошное убійство всѣхъ враговъ Церкви, при чемъ это убійство возводитъ въ основной церковный догматъ. По толкованію Питирима, въ усиленномъ убійствѣ собственно и состоитъ «новая благодать и истина». Такое ученіе новаго апостола убійствъ есть величайшая ересь. Она ниспровергаетъ все домостроительство Христово, превращая христіанство въ застѣнокъ жестокихъ пытокъ и смертныхъ казней. Ученіе это было не личнымъ взглядомъ Питирима, оно было общимъ фундаметомъ созданнаго Никономъ зданія. Оно составляетъ общій фонъ и «Пращицы».

*
* *

Старописьменныя и старопечатныя книги древней русской Церкви Питиримъ признаетъ наполненными ересями и погрѣшностями. Старообрядцы спрашивали въ 14-мъ вопросѣ: «Православную вѣру, и святое крещеніе, и благочестивыя преданія, архіереи, и іереи, иноки, и пѣвцы, и святыя книги, и весь чинъ церковный, въ великую Россію отъ константинополскія восточныя церкве пріятъ великій князь Владиміръ: о томъ писано въ степенной книзѣ, и въ книзѣ кормчей, и въ книзѣ о правой вѣрѣ: и отъ того времене во всей Россіи тую ли правую вѣру и преданія церковная, чины же и уставы греческія содержали въ Кіевѣ и въ царствующемъ градѣ Москвѣ, *благочестивіи царіе и князи, архіереи и іереи, и вси православніи народи,* и до лѣтъ царя Іоанна Василіевича, и даже до лѣтъ Никона патріарха московскаго, или иную кую?» Ставился вопросъ не объ одномъ какомъ-либо лицѣ, а обо всей древней Церкви (всѣхъ ея царяхъ, князьяхъ, архіереяхъ, іереяхъ и обо всемъ православномъ народѣ): правую ли она содержала вѣру — сначала въ Кіевѣ, когда тамъ была митрополичья каѳедра (до

св. Петра митрополита), потомъ въ Москвѣ, съ основанія здѣсь митрополичьей каѳедры и до лѣтъ Никона, патріарха московскаго, или другую какую вѣру Церковь содержала? Питиримъ отвѣчаетъ: «Всея Россіи благочестивіе царіе, и князи, и патріарси, и архіереи, и вси духовнаго и мірскаго чина люди, вѣру во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго и покланяемаго, и седмь святыхъ таинъ, и все церковное послѣдованіе всякаго священнослуженія, и вся святыя книги, ихже исчисляетъ кормчая книга, и которыя воспоминаетъ уставъ церковный, отъ лѣтъ князя Владиміра, отнележе прія онъ отъ константинополскія церкве, вся содержали православно, не точію до лѣтъ царя Іоанна Василіевича и патріарха Никона, но и до сего настоящаго 1717 году содержатъ по всему православно, и неизмѣнно, тако, якоже святая восточная апостольская соборная Церковь предаде и научи: *точію кромѣ оныхъ тяжкихъ погрѣшеній, которая во оныя древнія книги отъ аріевыхъ, и отъ несторіевыхъ и отъ прочихъ еретиковъ ереси, неискусными преводчики, и преписателми внидоша*» (лис. 37 и об.). Питиримъ далъ отвѣтъ за весь періодъ древней Церкви «отъ лѣтъ князя Владиміра» и «до сего настоящаго 1717 года». «Вся святыя книги ея содержатъ по всему православно», кромѣ только «тяжкихъ» ересей, которыя вошли въ эти же древнія книги отъ наиболѣе опасныхъ еретиковъ: аріанъ, несторіанъ и другихъ. Такой отвѣтъ былъ не только осужденіемъ древней Церкви и ея святыхъ книгъ, но и злой насмѣшкой надъ ней. Сказать о человѣкѣ, что онъ во всемъ здоровъ, но только зараженъ нѣсколькими опасными болѣзнями и хвораетъ ими почти съ дѣтства — это значитъ отрекомендовать его совсѣмъ больнымъ. То же, что Питиримъ сказалъ о древней Церкви, можно сказать обо всѣхъ еретикахъ: они во всемъ православны, кромѣ только содержимыхъ

ими ересей. «Пращица» однако утѣшаетъ своихъ читателей слѣдующимъ: «Соборне, съ волею же восточныхъ патріарховъ, во оныхъ книгахъ несогласія и несходства, приложенія же и отъятія, и рѣчей примѣненія, и *въ разумѣ погрѣшенія, и ересей приложенія.* съ древнихъ греческихъ и съ россійскихъ съ харатейныхъ письменныхъ книгъ добрѣ исправиша: и таковыхъ ради винъ, нынѣшнія новоисправныя книги со *старопечатными книгами* и несходны» (лис. 397). Можно, по Питириму, порадоваться: съ никоновскихъ временъ церковь очистилась отъ ересей — старопечатныя книги ея отвергнуты, а новоисправленныя приняты. Но какими же собственно ересями и погрѣшностями была заражена древняя святая Церковь? Питиримъ во многихъ мѣстахъ своихъ отвѣтовъ перечисляетъ эти «ереси». «Совершахуся вся святыя тайны по чину восточныя церкве,—отвѣчаетъ онъ на 25-й вопросъ,—но *кромѣ погрѣшеній, и ересей, и самомнѣнныхъ и нововводныхъ повелѣній, но и въ тѣхъ старописменныхъ, и старопечатныхъ книгахъ обрѣтающихся*; въ литургіи нововводное и самомнѣнное повелѣніе, вмѣсто пяти просфоръ седмь, на просфорахъ крестное начертаніе, вмѣсто сицеваго воображенія (т.-е. четвероконечнаго), положили сицевое (т.-е. восмиконечное) съ надписаніями излишними. Еще приложиша неприличная ко оному дѣйству: на просфорѣ бо печаташа копіе, трость, главу адамову, и аки бы вся таковая, копіе и трость и глава адамова, на просфорѣ воображенная, въ совершеніи святыхъ таинъ прелагахуся у нихъ въ тѣло Христово. *И сіе всему святому писанію противно*, и нѣсть таковаго во святомъ писаніи повелѣнія, еже бы образу копія, трости, и главѣ адамовѣ прелагатися въ тѣло Христово, и вмѣсто, еже совершатися преложенія призываніемъ Духа Святаго, точію единѣми словесы Христовы мудрствоваху, и сіе мудро-

ваніе латинское. И въ крещеніи, вмѣсто еже бы обходити купѣль противу солнца на право на востокъ, они же творяху по солнцу на западъ на лѣво, *поримски*, страну лѣвую честнѣйше правыя, якоже и латини творятъ; и вмѣсто еже бы читати апостолъ и евангеліе на крещеніи, они того не творяху до лѣтъ патріарха Іоасафа; и вмѣсто трикратнаго погруженія, немощныхъ младенцевъ обливаху трикратнымъ *обливаніемъ поримски*, и сіе творяху до лѣтъ патріарха Филарета» (лис. 82 об.). «Еще же во освященіи церквей, въ вѣнчаніи браковъ, творити повелѣно кругъ по солнцу, а не противу солнца, не по разуму же восточныя церкве: но отъ *преданія еретика Мартина Армянина* мниха, не разсмотрѣніемъ самомнѣнно узаконися. Еще въ печатныхъ же книгахъ повелѣно креститися двѣма персты, а не треми первыми, такожде повелѣно и благословляти: *и се отъ преданій еретика же Мартина мниха*, и отъ безимянныхъ творцевъ, и неизвѣстныхъ свидѣтелей. Еще въ старопечатныхъ же книгахъ по псалмѣхъ аллилуіа, напечатано глаголати по дважды, а не по трижды, и се отъ *преданій онаго же еретика Мартина*. И безимяннаго списателя житія Евфросина Псковскаго, неразсмотрѣніемъ внесеся, и прочая симъ подобная. Еще въ символѣ противу древняго преданія приложили реченіе: истиннаго» (лис. 53 об. и 54). За это реченіе Питиримъ въ другомъ мѣстѣ «Пращицы» подводитъ старопечатныя книги подъ грозныя анаѳемы вселенскихъ соборовъ и древнихъ святыхъ отцовъ (лис. 387 и об.). Кромѣ слова «истиннаго» Питиримъ находитъ въ символѣ вѣры, напечатанномъ въ старыхъ книгахъ, и другія погрѣшности: въ однихъ книгахъ, напр., напечатано: «во едину святую соборную *и* апостольскую Церковь», въ другихъ: «во едину святую соборную апостольскую церковь» (одно «и» пропущено); въ одномъ мѣстѣ читается:

«распята же за ны», въ другомъ: «распятаго за ны»; въ однихъ изданіяхъ набрано: «и Маріи Дѣвы вочеловѣчьшася», въ другихъ слово «вочеловѣчьшася» поставлено подъ титлой. «Зри, противниче,—восклицаетъ торжествующе авторъ «Пращицы»,—коликая въ старопечатныхъ книгахъ въ символѣ измѣненія, отъятія. и приложенія, *за чт отъ святыхъ отецъ положены страшныя клятвы,* и ни склада, ни реченія, ни приложенія, ни отъятія въ символѣ повелѣша не измѣняти» (лис. 391 и об.). За одно—«же», за одно—«и», даже за одну титлу неумолимый Питиримъ объявляетъ старыя книги еретическими и подводитъ ихъ подъ «страшныя клятвы святыхъ отецъ». Но вѣдь сами же святые отцы древней русской Церкви учили тому, что содержатъ старообрядцы: знаменаться двоеперстнымъ сложеніемъ, аллилуію говорить сугубо, служить литургію на семи просфорахъ, ходить по солнцу и т. п. Можно-ли преслушать эти святоотеческія опредѣленія? Они закрѣплены даже на такомъ соборѣ, какъ Стоглавый, который былъ голосомъ всей русской церкви. Питиримъ отвѣчаетъ, что установленія этого собора были противными святой Церкви: «Правое преданіе,—разъясняетъ онъ,—и чина уставленіе есть право, которое преданіе восточныя церкве; неправое же преданіе и чина уставленіе есть неправо, которое не восточнѣй церкве преданіе, но и *противное святѣй восточнѣй церкви: якоже креститися двѣма персты,* и утверждати тое лживыми свидѣтельствы, *и аллилуіа глаголати по дважды,* еже утвердиша писаніемъ ложнымъ, *которое еретика онаго,* иже списатель лживый житія преподобнаго Евфросина псковскаго, онаго собора отцы *таковая ново и противно святѣй церкви предаша*» (лис. 74 об.). «Онаго собора отцевъ повелѣніе противно церкви *и весма неправославно*» (лис. 77 об.). Именно еретическое повелѣніе. Однако не одинъ Сто-

главый соборъ такъ мудрствовалъ, тому же учили и всѣ благочестивые московскіе патріархи: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ. Неуже-ли и они были противниками древнѣйшей Церкви и ея святителей? Неужели и въ ихъ печатныхъ книгахъ содержатся ереси и погрѣшности? Питиримъ и этихъ великихъ святителей русской церкви признаетъ отступниками восточной церкви и ея патріарховъ, а книги ихъ наполненными ересями и нововведеніями, противными св. Церкви. «Московскіе патріархи,—читаемъ въ «Пращицѣ»,—Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, онымъ православнымъ патріархомъ во всемъ были послушни и покорни и имѣли себѣ ихъ за единовѣрныхъ и сице по всему повиновалися имъ, *кромѣ тыхъ вышепоказанныхъ погрѣшеній и ересей, и нововводныхъ повелѣній*» (лис. 84). Не въ мелочахъ какихъ-либо не повиновались, а въ нововводствахъ и ересяхъ: они были заражены аріанствомъ, несторіанствомъ, македоніанствомъ, латинствомъ, армянствомъ и другими заблужденіями. Составители вопросовъ указывали Питириму, что не одни московскіе святители учили знаменаться двоеперстно и сугубить аллилуію, этому же учили книги, напечатанныя въ Малороссіи и въ Литвѣ, училъ св. Евфросинъ Псковскій, о чемъ говорится въ его службѣ, принятой всей русской церковью, учили въ своихъ писаніяхъ и восточной церкви отцы — преподобный Максимъ Грекъ и блаженный Ѳеодоритъ. Развѣ и во всѣхъ этихъ книгахъ, службахъ и писаніяхъ также заключаются ереси и погрѣшности? Есть, напримѣръ, грамматика напечатанная въ Вильнѣ, 7103 года: «а въ ней напечатано, креститися двѣма персты, указателнымъ и среднимъ; и другая книга о правой вѣрѣ, и въ ней такожде. Подобнѣ въ нѣкіихъ книгахъ повелѣно и аллилуіа глаголати по дважды, а въ третіе, слава Тебѣ Боже, еще и хожденіе по солнцу

во освященіи церкве. и въ вѣнчаніи браковъ. и въ крещеніи» (лис. 64 об.). Значитъ и сюда проникли ереси и новшества? Съ указанными свидѣтельствами Питиримъ раздѣлался безпощадно. По его приговору, все это писали и всему этому учили одни лишь еретики. «Но аще бы кто,—дополняетъ Питиримъ,— и отъ знаменитыхъ тако двѣма персты креститися написалъ, обаче за противное и нововводное таковое ученіе властію церковною отмещется убо благочестно» (лис. 294). Службу св. Ефросину Псковскому онъ обозвалъ ложной и противной (лис. 267 и об.). Подъ блаж. Ѳеодорита поддѣлался, по увѣренію Питирима, еретикъ. «Не расколщикъ ли убо оный неизвѣстный Ѳеодоритъ, и не еретикъ ли?»—спрашиваетъ авторъ «Пращицы» и отвѣчаетъ: «Ей сущій расколщикъ и еретикъ». Почему же? Да потому,—разъясняетъ Питиримъ,—«понеже оное его писаніе, учащее креститися двѣма персты, всячески подобно ереси Аріевѣ и Несторіевѣ» (лис. 292). Съ такою же легкостью отразилъ Питиримъ и указанія на преподобнаго Максима Грека, въ сочиненіяхъ котораго заключается ученіе о двоеперстіи и сугубой аллилуіи. «Оная оба слова не суть его, — увѣряетъ Питиримъ, — но нѣкто противникъ сущій восточнѣй церкви написалъ, укрываяся подъ именемъ его, а не Максимъ: и тѣхъ ложно подъ имя его подверженныхъ словесъ не пріемлю. Понеже оная слова безконечно восточнѣй церкви противна» (лис. 337). «И таковое онаго льстеца, иже укрывается подъ именемъ Максима преподобнаго— *еретическое разумѣніе всей святѣй церкви противное. и весма не согласуется пророческимъ и апостольскимъ, и святыхъ отецъ писаніемъ и ученіемъ.* И таковыхъ ради винъ оная два слова, 27 и 40, не пріемлемъ и весма отмещемъ: понеже не преподобнаго Максима, но нѣкоего льстеца и *скрытаго еретика* таковое оныхъ

словесъ *противное твореніе*» (лис. 339 об и 340). Не предъ кѣмъ и не предъ чѣмъ не постѣснялся откровенный Питиримъ: всѣхъ объявилъ то явными, то скрытыми еретиками, а ученіе ихъ противнымъ, погрѣшительнымъ и еретическимъ

*
* *

Питиримъ изо всѣхъ сихъ старается доказать, что древніе церковные преданія и обычаи, за которые стояли старообрядцы, дѣйствительно заключаютъ въ себѣ страшныя догматическія ереси.

1) Сугубая аллилуія еретична, во-первыхъ, потому, что предана еретикомъ Мартиномъ; во-вторыхъ, «склоняется подобіемъ ереси Македоніевѣ, понеже онъ ипостась третію, еже есть Духа Святаго, Отцу и Сыну единосущну быти не исповѣдывалъ, но иносущну и не Бога суща, но тварь быти глаголаше: и тако Македоній въ божествѣ славилъ и чествовалъ точію двѣ ипостаси, Отца и Сына, а Духа Святаго равночестіе отметаше. *Подобно и дважды глаголати аллилуіа* будетъ точію двумъ ипостасемъ, *по Македонію еретику*. слава и честь возсылатися, а третія ипостась, яже есть Святаго Духа весма славословія и равночестія отметаема и лишаема будетъ, *и такова слава зѣло нечестива*» (лис. 76). «Еже дважды глаголати аллилуіа,—повторяетъ Питиримъ,—и то будетъ въ прославленіе точію двумъ ипостасемъ, а слава Тебѣ Боже будетъ точію прилагатися единству дву ипостасей, *и то есть не православно и святѣй церкви весма противно*» (лис. 128 об.—129). Старообрядцы указывали, что сугубая аллилуія съ приложеніемъ слава тебѣ Боже находится не только въ русскихъ древнихъ книгахъ, но и въ греческихъ. На это указаніе Питиримъ даетъ такое объясненіе: «То не восточныя церкве преданіе, но всячески *новоумышленіе латинскаго костела*. имже раздира-

ющe и разсѣкающе соединеніе россійскія православныя церкве со греческою, привносяще на восточную церковь ложное мнѣніе, яко бы греки тако аллилуіа по псалмѣхъ поютъ и читаютъ. А наипаче оные латинщики, увѣдавшіи ваше безумное отъ церкве отступленіе, и многоразличное на ню клеветаніе и непокорство, тако по вамъ печатаютъ, да наипаче на россійскую церковь подвигнутъ брань, мятежъ, и нестроеніе, на большее между вами и нами раздраніе. И таковому противному повелѣнію послѣдовати всячески не подобаетъ» (лис. 225). Старообрядцы разъясняли, что еврейское слово «аллилуія» на русскомъ языкѣ значитъ «слава тебѣ Боже», и что слѣдовательно сугубая аллилуія съ приложеніемъ «слава тебѣ Боже» означаетъ трижды «слава тебѣ Боже» и такимъ образомъ прославляются три лица Св. Троицы. Вопросители указывали на пр. Максима Грека, который дѣйствительно даетъ такое объясненіе сугубой аллилуіи. Питиримъ въ отвѣтъ на это указаніе и здѣсь объявляетъ, что подъ именемъ Максима скрылся какой-то льстецъ, который достоинъ за свое толкованіе страшной казни. «Оный льстецъ,—говоритъ Питиримъ,—самъ себѣ клятвеннымъ словесамъ подложилъ, зане приложилъ во Апокалипсисѣ рещи три чины, въ немже сего не обрѣтается. Сего ради приложитъ Богъ на него седмь язвъ, написанныхъ въ книгѣ той. Такожде дерзнулъ отъяти и отъ словесъ книги пророчествія четвертую аллилуіа. Сего ради да отъиметъ Богъ часть его отъ книги животныя. Еще тойже льстецъ, иже укрывается подъ именемъ Максима Грека, ложно и неправедно толкуетъ, глаголя сице: что бо есть у насъ еже слава тебѣ Боже, то есть у еврей аллилуіа» (лис. 301). Питиримъ на помощь себѣ приводитъ книгу «Жезлъ», при чемъ замѣчаетъ, что это говоритъ «святая церковь» (лис. 326 об.). Въ «Жезлѣ» говорится: «*Въ двоекратномъ аллилуіа никакоже Тро-*

ица во единицѣ показатися можетъ, паче же двойца токмо изображается. Ибо аще аллилуіа тожде знаменуетъ, еже хвалите Господа, то рекше дважды, аллилуіа, аллилуіа, глаголется: хвалите Господа, хвалите Господа; и будутъ помяновена токмо два лица, таже приложивше слава тебѣ Боже, заключается сице: слава двома лицома, единому же Богу, *еже есть богомерзко и противно вѣрѣ православной*». «Зри противниче,— добавляетъ Питиримъ,—книга Жезлъ сказуетъ двоекратное аллилуіа къ двумъ лицамъ божественнымъ быти, а слава тебѣ Боже единному Богу, и тако будетъ слава двумъ точію лицамъ, а единому Богу: *сицевое называетъ быти богомерзко и поистиннѣ есть тако*» (лис 323). Что же касается издавна существующаго въ древней русской церкви толкованія, что аллилуія означаетъ: «слава тебѣ Боже», то это толкованіе, по увѣренію Питирима, явно еретическое. «*Тогдашніи же еретики и противники,* — говоритъ онъ,—хотящіе себѣ оправдати въ двоекратномъ глаголаніи аллилуіа, рекоша сице: яко аллилуіа тожде есть, еже слава тебѣ Боже: убо чрезъ двое аллилуія и третіе слава Тебѣ Боже *доволно славится Святая Троица, занеже всѣмъ тремъ лицамъ слава причитается.* Доздѣ,—заканчиваетъ авторъ «Пращицы»,—*словеса оныхъ еретиковъ*» (лис. 323). Между тѣмъ эти «словеса» находятся въ книгѣ «Стоглавъ» (гл. 42) и въ подлинномъ твореніи пр. Максима Грека, т. е. написаны не еретиками, а святыми русской церкви. Ихъ именно Питиримъ обозвалъ еретиками. Составители вопросовъ указали, что и въ новопечатныхъ книгахъ, вышедшихъ въ Москвѣ при Никонѣ повелѣвается говорить по древнему: дважды аллилуія, а въ третій разъ—слава тебѣ Боже, при чемъ въ нихъ завѣряется, что книги эти въ точности исправлены по древнимъ и харатейнымъ книгамъ славянскимъ, сербскимъ и греческимъ. Напримѣръ: «Тріодь постная, печатана въ

лѣто 7164, повелѣніемъ великаго государя царя Алексіа Михаиловича, вкупѣ совѣтомъ и благословеніемъ Никона патріарха московскаго, справлена, сказуетъ, съ греческихъ и харатейныхъ славенскихъ, и сербскихъ древнихъ книгъ, въ чинѣхъ и реченіяхъ и во орѳографіи, во именахъ же и глаголѣхъ, и прочихъ частѣхъ (якоже восточная церковь содержитъ, тако исправиша), и первую таковy изданную исправленіемъ, якоже въ книзѣ оной видѣти есть, отъ себѣ ничтоже совнесоша, далече бо отъ нихъ таковая дерзость, боящеся бо клятвъ нанесенныхъ отъ святыхъ отецъ, и прочее тамо: въ ней же напечатано дважды аллилуія, а третіе слава Тебѣ Боже. Такожде и часословы въ четверть печатаны въ лѣто тоже 7164, при немже патріархѣ Никонѣ: и сказуетъ въ немъ во описаніи, что изслѣдовалъ отъ греческихъ древнихъ харатейныхъ, святыя горы Аѳона: славенскихъ и сербскихъ книгъ, а въ нихъ такожде аллилуіа дважды, а третіе слава тебѣ Боже. Сице и во ирмологіахъ печатныхъ, въ лѣто 7165, глаголетъ онъ же Никонъ со всѣмъ своимъ соборомъ: что изъ греческихъ древнихъ харатейныхъ, а въ нихъ аллилуіа дважды, а третіе слава тебѣ Боже. Такожде и во псалтирѣхъ со возслѣдованіемъ печатныхъ въ лѣто 7166, повелѣніемъ того же Никона патріарха, сказуетъ съ прилежнымъ исправленіемъ съ греческихъ книгъ исправися, а въ нихъ аллилуіа дважды, а въ третіе слава тебѣ Боже». Почему же теперь,—спрашиваютъ старообрядцы,—не слѣдуютъ этимъ книгамъ, которыя, какъ увѣряютъ ихъ издатели (царь Алексѣй и патріархъ Никонъ), тщательно провѣрены съ древними святыми книгами (вопросъ 137-й)? Питиримъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Онъ долженъ былъ или отвѣтить, что и никоновскія книги еретическія, что и въ нихъ повелѣвается говорить аллилуію богомерзко и нечестиво и что и древнія книги,съ которыхъ онѣ правлены,

также неправославны и хульны; или отречься отъ своего и своей новой церкви толкованія о сугубой аллилуіи, дѣйствительно неправаго и хульнаго. Питиримъ ни того, ни другого не сдѣлалъ. Онъ уклонился отъ прямого отвѣта. «Во оныхъ книгахъ,—заявляетъ онъ,—аще таковое повелѣніе и обрѣтается напечатано, но еще до правленія оныхъ книгъ соборнаго повелѣнія, а не послѣ исправленія соборнаго тѣ книги напечаташася» (лис. 224). «А вамъ нынѣ всѣмъ соборомъ не единожды отъ всея церкве сказано и *запрещено было многажды и нынѣ съ моленіемъ церковь вамъ возбраняетъ*, еже бы вамъ аллилуія дважды не глаголати, но глаголати вамъ повелѣваетъ по трижды, съ приложеніемъ слава тебѣ Боже» (лис. 78). На самомъ же дѣлѣ указанныя вопросителями книги напечатаны послѣ соборовъ 1654 и 1656 г.г. («Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», Н. Ѳ Каптерева, т. I, стр. 266—267). Уловка Питирима явно не удалась. Своими нападками на сугубую аллилуію онъ осудилъ не одну древнюю Церковь, въ еретичество попала, по его суду, и новая Никоновская церковь.

2) Ересью признавалъ Питиримъ и требованіе древней Церкви ходить по солнцу при совершеніи таинствъ крещенія и брака и при освященіи Церкви. Составители вопросовъ предлагали Питириму (вопросъ 25): «Аще кія святыя тайны древле, по старопечатнымъ книгамъ, не по чину совершаемы бяху, не по преданію Христа Спасителя и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и ты о всемъ томъ объяви по статьямъ, и тыя не по чину совершаемыя тайны обличи святымъ писаніемъ» (лис. 82). Питиримъ отвѣчаетъ, что въ древне-русской церкви совершались всѣ таинства согласно чину восточной церкви, кромѣ только тѣхъ «подложностей, ересей и самомнѣнныхъ и нововводныхъ повелѣній», которыя «обрѣтаются»

въ старопечатныхъ книгахъ. Въ числѣ этихъ «ересей» онъ указываетъ хожденіе по-солонь при крещеніи. «Въ крещеніи,—говоритъ,—вмѣсто еже бы обходити купѣль противу солнца на право на востокъ, они же творяху по солнцу на западъ на лѣво, *поримски;* страну лѣвую честнѣйше правыя, якоже и латини, творятъ» (лис. 82 об.). Не меньшая «ересь»—ходить по солнцу и при освященіи храмовъ и при вѣнчаніи. «И сіе,—заявляетъ Питиримъ,—всячески древнему обычаю святыя восточныя церкве *противно и весма непріятно,* паче же послѣдовно *римскому костелу*. Понеже они вся во обхожденіяхъ почитающе лѣвую страну паче десныя, творятъ все по солнцу на лѣво» (лис. 258). «Зри противниче и вси вамъ подобніи противницы,—восклицаетъ Питиримъ,—*кому послѣдуете,* утверждающе лѣвую страну полунощную честнѣйшую правыя полуденныя въ хожденіи, по вашему, по солнцу, а не противу солнца на правую страну: *явѣ яко костелу римскому*» (лис. 258 об.). «Составители вопросовъ допытывались отъ Питирима: какая же «противность въ томъ трикратномъ по солнцу обхожденіи—ересь ли или расколъ, скажи отъ святого писанія?» (лис. 262 об.). Разумѣется отъ святого писанія Питиримъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ отослалъ вопросителей къ предыдущему своему отвѣту на вопросъ 157-й, «понеже тамо пространно показахомъ, яко надлежитъ по преданію святыя восточныя Церкве въ чинѣхъ церковныхъ, идѣже бываетъ круга хожденіе, ходити противу солнца, а не по солнцу, якоже римляне творятъ, почитающе лѣвую страну сирѣчь полунощную честѣйше правыя страны, сирѣчь полуденныя. *Того ради не надлежитъ послѣдовати таковому противному повелѣнію: понеже оное повелѣніе латинскаго есть костела, не восточныя Церкви*» (лис. 262 об.). По толкованію Питирима, посолонное хож-

деніе есть и расколъ, «понеже всячески древнему обычаю св. Церкви противно есть», и ересь, такъ какъ оно взято отъ латинскаго костела.

3) Установленіе древней Церкви приносить за Божественной литургіей семь обязательныхъ просфоръ Питиримъ также подвергаетъ осужденію и доказываетъ, что нужно приносить только пять просфоръ, прибавка двухъ, по его мнѣнію лишнихъ, просфоръ заключаетъ въ себѣ большую погрѣшность и даже ересь (лис. 82 об.). «Въ старопечатныхъ книгахъ,—увѣряетъ авторъ «Пращицы»,—приложено *неразсуднѣ* двѣ просфоры излишнія, имже въ поминовеніи *раздѣлиша священный чинъ и монашескій отъ соединенія благовѣрныхъ царей, бояръ, и князей, и съ воинскими людми, и со всѣми православными христіаны.* А чесого ради тако раздѣлиша священный и монашескій чинъ отъ мірскаго, о томъ извѣстія никакова въ старопечатныхъ книгахъ не напечатано. А о семъ убо зѣло дивно, еще же и *зазрѣнія достойно, таковое ихъ неразсудное дву просфоръ приложеніе*, имже отдѣлиша духовный чинъ отъ мірскаго, мірскій же отъ духовнаго чина». Это—«самомнѣнное смышленіе и неразсудное приложеніе на возмущеніе святыя Церкви и на соблазнъ простѣйшаго народа и на разрушеніе церковнаго соединенія» (лис. 207 и об.). Вотъ къ какой гибели ведутъ двѣ просфоры:—одна за царя, другая за епископа и весь освященный чинъ! «Зри противниче и разумѣй,—убѣждаетъ Питиримъ,—нововводное дву просфоръ приложеніе и проскомидію, ими же *раздѣлиша о Христѣ смиренное соединеніе* между благочестиваго царя, и всѣхъ князей, и бояръ и воинства, и православныхъ христіанъ, со святѣйшими православными патріархи, и съ преосвященными митрополиты, со архіепископы, и епископы, со архимандриты, и игумены, и съ пресвитеры и ді-

аконы, и со всѣмъ освященнымъ и духовнымъ чиномъ И чрезъ таковое нововводное повелѣніе ничто ино познавается въ таковыхъ повелѣніяхъ, точію гордости знаменіе. Понеже яко бы *духовный чинъ вознепщевалъ надъ царемъ и надъ всѣмъ мірскимъ чиномъ превосходство нѣкое,* и изъ единыя просфоры выниматися яко бы имъ не достоитъ. *Еще же дерзнуша соединеніе раздѣлити и въ духовномъ чину между патріарха и епископства, со архимандриты и игумены съ братіею,* понеже не повелѣша за ихъ за всѣхъ изъ единыя просфоры въ проскомидіи вынимати, но изъ дву узакониша, изъ четвертыя просфоры за патріарха, и за епископство, и прочая; а изъ шестыя просфоры за архимандрита, или за игумена съ братіею, и прочая. Зри, противниче,—снова восклицаетъ Питиримъ,—неразсужденіе или простоту таковаго повелѣнія: таковымъ дѣйствомъ не точію мірскій чинъ отдѣлили отъ духовнаго, но и духовный чинъ раздѣлили на двое въ разныя просфоры» (лис. 207 об.). Нужно бы всѣхъ въ одну просфору вмѣстить, тогда было бы, по объясненію Питирима, полное и самое тѣсное единеніе между собой всѣхъ членовъ Церкви—и духовныхъ и мірскихъ. Это объясненіе Питирима, конечно, нелѣпо, но оно выдается за несомнѣнную истину и на основаніи его авторъ «Пращицы» осуждаетъ древнюю русскую церковь въ очень тяжкихъ преступленіяхъ—въ безразсудствѣ, достойномъ зазрѣнія, въ раздѣленіи смиреннаго о Христѣ соединенія, въ раздѣленіи духовнаго чина съ мірскимъ и въ раздѣленіи между собой духовнаго чина. Преступленіе заключается даже въ «вознепщеваніи» духовнаго чина будто бы онъ имѣетъ «нѣкое превосходство» надъ мірскимъ чиномъ. Очевидно, Питиримъ не признаетъ за іерархіей никакого (даже «нѣкоего») превосходства надъ мірскими чиновниками. Словомъ, Пи-

тиримъ объявляетъ большимъ еретичествомъ установленіе св. Церкви—служить Божественную литургію на семи просфорахъ.

4) Еще болѣе преступной ересью Питиримъ признавалъ изображеніе на просфорахъ восьмиконечнаго креста съ орудіями крестныхъ страданій—тростію и копіемъ и съ главою Адамовой подъ крестомъ (лис. 82 об.). Сего «весьма не подобаетъ якоже вводити, тако и пріимати» (лис. 213 об.). Въ противномъ случаѣ нужно признать,—толкуетъ авторъ «Пращицы»,—«аки бы вся таковая: копіе и трость и глава Адамова на просфорѣ воображенная въ совершеніи святыхъ таинъ прилагахуся въ тѣло Христово» (лис. 82 об.). По этому же соображенію Питиримъ находилъ не возможнымъ изображать на просфорѣ и подножіе у креста Христова и дщицу: «того убо ради,—богословствуетъ онъ,—на просфорѣ не приличествуетъ быти воображенію крестному съ подножіемъ и со дщицею» (лис. 214). По странному взгляду Питирима на совершеніе Агньца въ Божественной литургіи, пресуществляется въ тѣло Христово не одинъ только хлѣбъ (вынутый Агнецъ изъ просфоры), но и изображенія на этомъ хлѣбѣ. Онъ вѣритъ, что только два дерева (прямое и поперечное), изображающихъ четвероконечный крестъ на просфорѣ, могутъ преложиться и прелагаются въ тѣло Христово, а ужъ съ остальными двумя деревцами (подножіемъ и дщицей) этого никакъ не можетъ случиться. Помимо своей нелѣпости это вѣрованіе Питирима еретично. Во время Божественнной литургіи прелагается въ тѣло Христово не крестъ (хотя бы и четвероконечный) и не буквы: «Ісусъ Христосъ — ни ка», а хлѣбъ-просфора. Авторъ «Пращицы» всѣ изображенія на просфорѣ принимаетъ за самыя дѣйствительныя вещи: изображеніе копія за самое копіе, изображеніе главы Адама за самую

сущую главу. Онъ потому и находилъ «неприличнымъ» изображать эти вещи на просфорѣ, что думалъ, что и онѣ превращаются въ тѣло Христово: представьте черепъ Адама превращается въ Христово тѣло. Это же—искаженіе таинства Евхаристіи. Питиримъ никакъ не могъ понять, что всѣ изображенія на просфорѣ въ сущности есть только изображенія, при чемъ сдѣланныя изъ хлѣба-просфоры. И нѣтъ ничего страннаго, если они преложатся, такъ какъ они есть собственно хлѣбъ. Не допуская изображенія на просфорѣ того евангельскаго событія, которое совершалось на Голгоѳѣ и которое символизируется святой проскомидіей, Питиримъ въ то же время допускаетъ изображать на просфорѣ явленное Константину Великому видѣніе, которое въ проскомидіи совсѣмъ не воспоминается, да и его изобразуетъ по-своему. Этимъ допущеніемъ онъ самъ опровергъ всѣ свои разсужденія, направленныя противъ изображенія на просфорѣ голгоѳскаго событія. Если допустимо изобразить на просфорѣ видѣніе Константину, то тѣмъ болѣе допустимо на ней начертаніе образа страданій Христа на Голгоѳѣ. И не только допустимо, но такъ и должно быть. Однако Питиримъ признаетъ это изображеніе на просфорѣ въ такой степени преступнымъ, что чрезъ него не можетъ быть теперь сущаго тѣла и крови Христовой въ Божественной литургіи. Старообрядцы спрашивали: «Аще который іерей *нынѣ во святѣй церкви* отслужитъ святую литургію по старопечатнымъ служебникамъ, на седми просфорахъ, съ воображеніемъ честнаго креста, съ подножіемъ и съ прочіею обычною подписію,—будетъ ли пречистое тѣло и кровь Христова, или ни?» (вопросъ 212) Вопросъ былъ поставленъ не о старообрядческихъ священникахъ, ихъ Питиримъ совсѣмъ не признавалъ за священниковъ, а о попахъ господствующей церкви: вотъ если они

отслужатъ литургію на семи просфорахъ съ воображеніемъ креста, съ подножіемъ—и не гдѣ нибудь, а въ святомъ храмѣ,—то будетъ ли за этой литургіей тѣло и кровь Христова или нѣтъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Питиримъ прежде всего увѣренно заявляетъ старообрядцамъ, что «нынѣ на седми просфорахъ и воображеніе полагати креста сицевымъ образомъ: съ тростію и съ копіемъ, и съ главою Адамовою, *ни кто служити не будетъ*, кромѣ васъ, противниковъ. Понеже убо *противящихся въ таковыхъ* соборнѣ восточніи патріархи: Паисій александрійскій, Макарій антіохійскій и московскій патріархъ Іоасафъ и вси россійстіи архіереи *проклятію предаша и священства извергоша* и всякаго священнодѣйствія весма обнажиша». Не за хулы какія-либо на церковь, не за ересь или какія-либо заблужденія были преданы проклятію и изверженію священнослужители русской церкви, а только за сопротивленіе никоновскимъ нововводствамъ, т.-е. за то, что они совершали святую литургію и другія священнодѣйствія по старымъ книгамъ. Противящихся именно «*въ таковыхъ*», какъ увѣряетъ Питиримъ, «соборнѣ восточная патріархи проклятію предаша и всякаго священнодѣйствія обнажиша». «И аще которіи попы,—заключаетъ авторъ «Пращицы»,—невѣжди суще, вами прелщенніи и весма развращенніи, нынѣ дерзнутъ тако служити, противящеся восточнѣй и великороссійстѣй церкви и вышепомяненной соборной клятвѣ, таковіи суть прокляти и отлучени и извержени и весма священнослуженія обнажени. *И отъ таковыхъ, соборомъ проклятыхъ и изверженныхъ и священства обнаженныхъ, не можетъ быти сущее святое тѣло Христово и кровь Христова, весма*» (лис. 345 и об.). И сами они прокляты и дѣйствія ихъ ничтожны—и только потому, что служатъ на семи просфорахъ, съ изображеніемъ на нихъ вось-

миконечнаго креста. Въ этомъ собственно и было ихъ противленіе патріархамъ и архіереямъ.

5) Больше всего преступленій, ересей и нечестія заключается въ двоеперстномъ сложеніи. Питиримъ ведетъ съ нимъ очень упорную борьбу. По его утвержденіямъ, двоеперстіе уже по одному тому не можетъ быть допустимо, что «оное перстовъ сложеніе—*преданіе еретическое еретика Мартина мниха Армянина* и множайшими соборы отъ церкви отриновенно весьма» (лис. 104). «Сложеніе перстовъ, еже креститися двѣма персты,—поясняетъ Питиримъ,—у армянъ *новое преданіе, а не древнее: того ради и клятвами по вышеписанному отречено*» (лис. 102 об.). Оно въ то же время есть и латинское преданіе и ересь. По увѣренію «Пращицы», «оное двоеперстное сложеніе *ересію латинскою* называлъ православный грекъ, восточныя церкви учитель, Константинъ философъ Панагіотъ: егда у него было преніе съ латинскимъ кардиналомъ Іоанномъ Азимитомъ, тогда Константинъ философъ рече ко Азимиту сице: Паки вопрошу тя о седмидесятихъ и дву ересѣхъ вашихъ, отвѣщай ми. И въ первыхъ рекъ о ихъ ересѣхъ: како вы Пречистую Богородицу не Богородицу именуете, но святая Маріа? и прочая. Потомъ второе вопросилъ: и почто не согибаеши три персты (мало пониже), но твориши крестъ обоими персты, и послѣди палцемъ внѣшнею страною?» «Зри,—заключаетъ Питиримъ,—яко здѣ Панагіотъ еже двѣма персты креститися *ересію латинскою нарицаетъ*» (лис. 97 об.). Но кромѣ того и въ старопечатномъ Требникѣ повелѣвается приходящему къ св Церкви «вся ереси проклинати, и той проклинаетъ вся ереси, въ томъ числѣ проклинаетъ и латинскія вся ереси, и *съ тѣми ересми проклинаетъ же крестящихся латинъ двѣма персты*» (лис. 98) «И по всему вышеписанному показанію *есть латинское и армянское таковое повелѣніе*,

еже крестится двѣма персты, и церкви святѣй противно, не нынѣ *(но еще изъ древле) проклято* суще церковнымъ повелѣніемъ, такожде якоже и прочія ихъ ереси, и яко латини, тако и еретики армяне». «Такожде то двоеперстное знаменованіе наречено съ *прочими ересми вмѣстѣ армянскою ересію, и проклято древле на востоцѣ*» (лис. 98 об.). Можно было бы и ограничиться только этими осужденіями на двоеперстіе. Если оно произошло отъ еретиковъ, да такихъ еще гибельныхъ, какъ армяне и латиняне, и издревле объявлено ересью и предано проклятію, то, казалось бы, и нечего больше о немъ разсуждать. Но Питирима оно почему-то сильно безпокоило. На протяженіи всей книги онъ старается доказать, во что бы то ни стало, что двоеперстіе по самому сложенію своему есть совокупность нѣсколькихъ ересей. Старообрядцы спрашивали: на какомъ основаніи двоеперстіе признано еретичествомъ въ новопечатныхъ книгахъ? Питиримъ отвѣчаетъ: «Еже въ соборномъ свиткѣ и во Псалтыри и въ Скрижали оное *противное повелѣніе, еже креститися двѣмя персты названо аріанствомъ, несторіанствомъ и армянствомъ* не туне, понеже отъ имущихъ независтный умъ и духъ смиренія разумѣется тако, ибо таковое преданіе не восточныя церкве, но содержащійся *обычай еретиковъ армяновъ и проклятыхъ латиновъ*» (лис. 91 об.). Далѣе Питиримъ разъясняетъ, что и по содержанію своему двоеперстіе есть страшное еретичество. «Еже *аріанствомъ* таковое *сложеніе перстовъ поречено* въ Скрижали и въ прочихъ поистиннѣ, аще благоразумно разсудити, и не туне, якоже видѣти есть по тремъ благословнымъ винамъ· первое отъ глагола, второе отъ вещи, третіе отъ посредства, понеже бо о сложеніи трехъ перстовъ речено сице: ибо три перста сложити купно, великій и малый и третій что подлѣ малаго, исповѣдуется тайна божественныхъ трехъ ипостасей,

Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго Бога въ трехъ лицахъ» (лис. 91 об. 92). Это «реченіе» Питиримъ взялъ не изъ старообрядческихъ сочиненій своего времени, а изъ старопечатныхъ книгъ: Псалтыря, Кирилловой, Большого катихизиса, Малаго катихизиса и Книги о вѣрѣ. Именно въ этихъ книгахъ говорится: «Сице исповѣдуетъ *святая церковь:* Совокупленіе тріехъ перстовъ правыя руки, сирѣчь великаго и малаго перста и третіяго, что подлѣ малаго, исповѣдуется въ томъ таинство божественныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога въ тріехъ Лицѣхъ» («Книга о вѣрѣ», лис. 74). Подобно собору 1667 г. и всѣмъ его послѣдователямъ, Питиримъ направляетъ свои обличенія противъ старопечатныхъ книгъ. Въ *ихъ* объясненіи и наименованіи пальцевъ въ двоеперстіи онъ раскрываетъ страшныя ереси, обвиняя такимъ образомъ всю древнюю Церковь въ еретичествѣ. «Здѣ — говоритъ Питиримъ,— разсмотрити подобаетъ о сложеніи трехъ перстовъ, имиже по вышеписанному воображаютъ таинство Святыя Троицы». «По вышеписанному»—значитъ, какъ изложено въ старопечатныхъ книгахъ. Питиримъ доказываетъ аріанство въ старопечатныхъ книгахъ и въ двоеперстномъ сложеніи тремя «благословными винами»: во-первыхъ, тѣмъ, что изображающіе Св. Троицу персты названы одинъ—«великимъ», другой—«малымъ», а третій—«что подлѣ малаго»; во-вторыхъ, разницей пальцевъ—не всѣ они равны: одинъ больше, другой поменьше, третій еще меньше; въ третьихъ, не всѣ они стоятъ подрядъ: большой палецъ отдѣленъ отъ остальныхъ пальцевъ двумя посредствующими перстами (указательнымъ и безымяннымъ»). «Самою вещію» двоеперстное сложеніе подобно аріанству и македоніанству,—замѣчаетъ Питиримъ (лис. 92 об.). Конечно, такими «благословными винами» можно доказать аріанство и македоніанство гдѣ угодно и въ чемъ угодно.

У одного человѣка короткіе пальцы, у другого—подлиннѣе, вотъ уже и ересь, по Питириму. Эту ересь еще легче замѣтить въ Никоновскомъ триперстіи: въ немъ большой палецъ значительно отличается отъ указательнаго—по росту и толщинѣ, да и не рядомъ съ ними стоитъ; кромѣ того и называется онъ, какъ у старообрядцевъ, такъ и у никоніанъ, «*большимъ* пальцемъ», въ отличіе отъ остальныхъ пальцевъ. На лицо, слѣдовательно, всѣ три «богословныхъ вины», по которымъ Питиримъ имѣетъ полное основаніе и свое триперстіе признать и аріанствомъ, и македоніанствомъ. Разумѣется, все разсужденіе Питирима о двоеперстіи есть ни что иное, какъ глупость. Но она догматизирована на соборѣ 1667 г. и стала «правиломъ вѣры» новой церкви. Авторъ «Пращицы» съ большимъ упорствомъ твердитъ во многихъ мѣстахъ своей книги, что двоеперстное сложеніе именно «самою вещію», т.-е. само по себѣ, есть еретичество. «Нововводное преданіе,—повторяетъ онъ,—еже креститися двѣма персты, указательнымъ да среднимъ, названо ересію Аріевою, и Македоніевою, и Несторіевою подобія ради таковаго, *понеже глаголомъ и вещію* подобится оныхъ еретиковъ злому мудрованію» (лис. 99). «По таковому глаголу,—снова разъясняетъ Питиримъ,—еже великій и два послѣднія малыя, *и по вещи*, еже великій первый перстъ, и два перста малыя послѣднія *всячески подтверждается и подобится оныхъ еретиковъ мудрованію*» (тамъ же на обор.). «Убо по всему,—еще разъ заключаетъ авторъ «Пращицы»,—всячески таковое сложеніе перстовъ, *по глаголу и по вещи* подобно мудрованію Аріеву и Македоніеву, вводящему въ Троицу великое и малое, и первое и послѣднее» (лис. 100). Кромѣ этихъ еретиковъ, «тожде ваше,—обращается Питиримъ къ старообрядцамъ,—таковое сложеніе перстовъ подобится *по глаголу и по вещи еретику Несторію*» (лис. 100 об.).

Ничего еретическаго старообрядцы, разумѣется, не содержали въ своемъ перстосложеніи, какъ не заключала въ немъ ереси и древняя Церковь, учившая двоеперстію. Это хорошо зналъ и Питиримъ со всѣми своими единомышленниками, поэтому онъ такъ упорно указываетъ ереси не въ толкованіи *догматическаго значенія* двоеперстнаго сложенія, а лишь въ самыхъ перстахъ, именно въ томъ, что они не одинаковаго размѣра, что они не по-ряду стоятъ и что носятъ разныя названія (глаголы). По разъясненію Питирима, двоеперстное сложеніе должно признать еретическимъ даже у Самого Христа, такъ какъ и у Господа персты были такого же вида и размѣра и такъ же складывались, какъ и у каждаго старообрядца. Съ точки зрѣнія автора «Пращицы», должно признать еретической всю Церковь предыдущихъ вѣковъ, со всѣми ея святителями, ибо она очень часто изображала три лица Св. Троицы различными между собою «вещами» и явленіями, на что сдѣланы указанія въ самой «Пращицѣ». «Святый Аѳанасій Александрійскій,—приводитъ самъ Питиримъ,—невообразимаго Бога въ Троицѣ славимаго *воображаетъ вещію зримою,* паче же несозданнаго созданною: *солнцемъ* бо воображаетъ его единство, Божественныя же его три ипостаси воображаетъ: *кругомъ солнечнымъ* Отца, *лучею же* воображаетъ Сына, и *сіяніемъ* воображаетъ Духа Святаго. И паки той же воображаетъ *огнемъ* Отца, а еже *огня палителное* тѣмъ воображаетъ Сына, а еже *огня просвѣтителное* тѣмъ воображаетъ Духа Святаго» («Пращица», лис. 124 об—125). Три вещи: солнце, лучъ и сіяніе не равны между собой, какъ не равны между собой огонь, теплота и свѣтъ; однако, этими вещами св. Аѳанасій Великій символизируетъ Св. Троицу. По толкованію Питирима, и въ этихъ символахъ необходимо признать тѣ же ереси, какія онъ отыскалъ въ двоеперстіи. «Тотъ же св. Аѳанасій и Да-

маскинъ святый Іоаннъ,—приводится въ «ПращицѢ» же,—*Адамолѝ* воображаютъ Отца, *Сиѳолѝ* воображаютъ Сына, Еввою воображаютъ Духа Святаго. Святый Григорій Синаитъ воображаетъ Тріипостасную Троицу трисоставнымъ крестомъ. Святая же великомученица Варвара треми просѣченными окны вообразила Святую Троицу. Блаженнѣйшій же Симеонъ Ѳессалонитскій воображаетъ образомъ крестнымъ Святую Троицу: правымъ древомъ, сирѣчь прямымъ, еже въ долготу, воображаетъ Отца, пречнымъ же древомъ, обоими его концами, воображаетъ Сына и Духа Святаго» (лис. 125). Никто, даже Питиримъ, надѣемся, не станетъ отрицать, что Евва «и вещію и глаголомъ» *меньше* Адама, еще меньше ихъ обоихъ Сиѳъ. Никто также не станетъ отрицать, что и въ крестѣ два конца поперечнаго деревца вдвойнѣ, если не болѣе, меньше прямого деревца. Тѣмъ не менѣе, св. Церковь изображаетъ этими вещами (не равными между собой и по глаголу и по вещи) три лица Св. Троицы. По выводамъ Питирима, во всѣхъ этихъ символахъ заключается аріанство и македоніанство. «Аще убо вы,—доказываетъ Питиримъ старообрядцамъ,—о СвятѢй ТроицѢ по Арію и по Македонію *тако и не мудрствуете*, но хотящимъ тако по онѣхъ злѣ мудрствовати велій приуказъ *показуете онымъ перстовъ сложеніемъ и глаголы оными*, еже речено: великій и малый, великій и два послѣднія малыя, между же онѣхъ и дву перстовъ посредствіемъ, явѣ есть по вышепоказанному аріанство, и македоніанство и *не хотяще подтверждаете*» (лис. 93 об.). Такъ же подтверждается и ересь Несторія. «*Аще тако по его злому мудрованію и не мудрствуете, но вещію*, еже есть, *таковымъ перстовъ сложеніемъ*, всѣмъ его ереси послѣдующимъ, и хотящимъ послѣдовати, веліе показуете *и не хотя* подтвержденіе и возслѣдованіе» (лис. 94). «И по всему выщеписанному показанію,—еще разъ Пи-

тиримъ дѣлаетъ заключеніе,—аще вы Аріева, и Македоніева, и Несторіева *и не мудрствуете,* но тѣмъ, иже хощутъ оныхъ еретиковъ таковое злое мудрованіе мудрствовати, и имъ послѣдствовати, *таковымъ сложеніемъ перстовъ и глаголы* веліе показуете подкрѣпленіе и утвержденіе, и *непрестанное проповѣданіе таковымъ сущимъ подобіемъ* и *за тое* таковымъ же клятвамъ святыя церкве подпали есте» (лис. 101).

Вотъ въ чемъ была страшная вина всей древней Церкви и всѣхъ старообрядцевъ—въ самомъ перстосложеніи, независимо отъ какихъ бы то ни было объясненій и толкованій. За одни только пальцы, взятые сами по себѣ, безъ толкованія и объясненія ихъ значенія, новая церковь, въ лицѣ своихъ соборовъ и такихъ представителей, какъ Питиримъ, признала православныхъ христіанъ еретиками и предала ихъ проклятію, а съ ними вмѣстѣ объеретичила и прокляла и всю древнюю Церковь, со всѣми ея святыми угодниками Божіими.

Питиримъ навязываетъ аріанство и македоніанство не однимъ старообрядцамъ, но и древней Церкви и ея св. отцамъ. Двоеперстное сложеніе было подтверждено на святомъ Стоглавомъ соборѣ. Питиримъ доказываетъ, что именно на этомъ соборѣ посредствомъ одного сложенія перстовъ утверждено еретическое мудрованіе. «*Тому же уподобится,*—говоритъ Питиримъ *и оное сложеніе перстовъ,* еже отцы собора онаго ново предаша, слагати первый великій перстъ съ двѣма послѣдними и малыми. И се явно подтвержденіе, и приуказъ хотящимъ Аріева мудрствовати и держати: понеже первымъ великимъ перстомъ, яко бы о Бозѣ Отцѣ первое и великое, двѣма же послѣдними и малыми персты, яко бы о дву ипостасѣхъ, о Сынѣ и о Святѣмъ Дусѣ послѣднее и меншее по Арію подтверждается. Но *аще тако, въ таковомъ сложеніи*

перстовъ, отцы онаго собора и *не мудрствовали*, но хотящимъ тако мудрствовати по Арію, *и не хотяще, кромѣ мудрствованія, вещію подтверждаютъ зѣло зѣло*» (лис. 75 об.). Ни въ одной старопечатной книгѣ, ни въ одномъ старообрядческомъ сочиненіи не говорится, какъ не говорится и въ Стоглавѣ, чтобы первымъ большимъ пальцемъ изображать Бога Отца, а послѣдними двумя Сына и Духа Святого. Говорится только: тремя перстами изобразуется Св. Троица, а какимъ именно перстомъ какое именно лицо Св. Троицы изобразуется— этого не сказано. Но Питириму до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ твердитъ свое: хотя отцы Стоглаваго собора и не мудрствовали по аріански, но самымъ перстосложеніемъ, одною только вещію, подтверждаютъ аріанскую ересь «зѣло-зѣло». А такъ какъ двоеперстіемъ знаменовалась вся древняя Церковь, со всѣми своими святителями и всѣмъ народомъ, то, по Питириму, вся она зѣло-зѣло подтверждала аріанскую ересь.

Раздѣлавшись съ тремя пальцами въ двоеперстіи, изображающими Св. Троицу, Питиримъ принялся за остальные два пальца (указательный и средній). Какъ по опредѣленію собора 1667 г., такъ и по объясненію «Пращицы», въ триперстномъ сложеніи два послѣднихъ пальца (мизинецъ и безымянный) должны быть «праздными», т.-е. ими ничего не должно изображать (см. Дѣянія Собора 1667 г., лис. 6, изд. 1893 г. братства св. Петра митр.). Въ двоеперстномъ же сложеніи кромѣ Св. Троицы изображаются еще особо два Христовыхъ естества двумя перстами — указательнымъ и среднимъ. Въ такомъ отдѣльномъ символѣ Питиримъ находитъ ересь еретика Несторія. «Писаніе блаж. Ѳеодорита, — говоритъ авторъ «Пращицы», — еже учитъ двѣма персты креститися подобно мудрованію несторіеву: понеже повелѣвалъ первый перстъ слагати со двѣма послѣднима, и тѣми сказуетъ во-

ображати Святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа. И въ таковомъ сложеніи перстовъ не объявилъ о ипостаси Сына Божія, еже бы со воспріятіемъ плоти, но умолча весма: пачеже и объявлено, яко ипостась Сына Божія, въ томъ сложеніи воображаетъ раздѣлну и нагу пріятія плоти: *понеже тулюжде ипостась Сына Божія другими перстами воображаетъ:* указательнымъ божество, а среднимъ человѣчество. Но и здѣ убо, якоже и прежде томуже послѣдуя, указательнымъ образуетъ божество, а не сказуетъ того, еже бы со воспріятою плотію нераздѣлно. Такожде и среднимъ человѣчество, и не сказуя же яко нераздѣлно божественныя ипостаси Сына Божія, но всячески умолчано. И *по таковому воображенію, по премного подобно мудрованію еретика Несторіа,* показующему два же Сына, единаго чрезъ воображеніе божества, не припоминая воспріятаго человѣчества: а другаго чрезъ воображеніе человѣчества, умолчевая же яко соединено ли ипостаси Сына Божія» (лис. 286 и об.). Только потому, что особыми пальцами изображаются два Христовыхъ естества Питиримъ объявляетъ двоеперстіе несторіанствомъ, при чемъ подчеркиваетъ, что въ этомъ еретичествѣ повинны старопечатныя книги. «Вси крестящіися двѣма персты,—разъясняетъ авторъ «Пращицы»—указательнымъ перстомъ воображаютъ Божество едино, нагствующее человѣчество, среднимъ же перстомъ воображаютъ едино человѣчество нагствующее того божества: понеже *въ старопечатныхъ книгахъ*, во ономъ словѣ, еже о крестѣ, напечатано о указательномъ перстѣ сице: Вышній же перстъ образуетъ божество, о среднѣмъ же сице: А нижній человѣчество». Питиримъ дѣлаетъ посылку на 181 листъ книги «Кирилловой». «И сіе явѣ,—заключаетъ онъ,—и таковое повелѣніе всякому разумѣти можно, яко повелѣно воображати коеждо естество особнымъ перстомъ: выш-

нимъ божество, нижнимъ же человѣчество» (лис. 129 об.). Въ этомъ именно Питиримъ усматривалъ еще другую ересь. «У васъ, — разъяснялъ онъ старообрядцамъ, — два перста едино лице показати не могутъ, но всячески два лица видѣти есть, и таковое ваше воображеніе весма противно есть» (лис. 130). Чтобы доказать крайнее нечестіе въ изображеніи однимъ перстомъ божества, а другимъ человѣчества, Питиримъ приводитъ слова св. Іоанна Дамаскина: «По свидѣтельству святаго Дамаскина Іоанна, божество бо убо естество являетъ, Отецъ же ипостась. Вы же воображаете указательнымъ перстомъ божество, а не ипостась. Глаголетъ убо святый Дамаскинъ сице: Божество же о ипостаси рещи не можемъ. Той же о таковыхъ, иже воображаютъ божество, глаголетъ сице· Къ симъ же невидимаго и безтѣлеснаго и неописаннаго и необразнаго Бога кто можетъ сотворити подражаніе? Пребезумія убо крайняго и нечестія образовати божество» (лис. 125 об.). По Питириму, никоимъ образомъ не допустимо однимъ перстомъ образовать божество, а другимъ человѣчество. Это ересь. Нашелъ онъ и третью ересь въ двоеперстномъ сложеніи, именно въ томъ, что указательнымъ и среднимъ перстомъ изображаются два естества Христовыхъ — божеское и человѣческое. Приписавъ протопопу Аввакуму ложное утвержденіе, будто бы Христосъ на особомъ престолѣ близъ Св. Троицы сидитъ, Питиримъ говоритъ: «Подтверждая же той свое таковое злое мудрованіе, указуетъ на оное сложеніе перстовъ, глаголя: три перста, великій и два послѣднія, ими же воображается Святая Троица; указательный да средній, ими же де воображаемъ два естества, божество и человѣчество, и се явѣ де, яко Христосъ близъ Святыя Троицы, *на особомъ престолѣ сидитъ*. И по таковому его злому мудрованію *будутъ два Сына, единъ со Отцемъ и Духомъ, еже есть Троица, а дру-*

гій на особомъ престолѣ соцарствуя близъ Святыя Троицы» (лис. 94). Зная же хорошо, что старообрядцы такъ не мудрствуютъ, Питиримъ оговаривается: «Аще же тако по его злому мудрованію *и не мудрствуете, но вещію,* еже есть, *таковымъ перстовъ сложеніемъ,* всѣмъ его ереси послѣдующимъ, и хотящимъ послѣдовати, веліе показуете *и не хотя* подтвержденіе и возслѣдствованіе» (лис. 94). Опять повинна въ ереси сама «вещь»: всѣ ереси Питиримъ отыскиваетъ не въ ученіи старообрядцевъ, не въ толкованіи символическаго значенія двоеперстнаго сложенія, а въ самыхъ перстахъ—въ ихъ размѣрѣ, мѣстоположеніи, названіи. Старообрядцы указывали ему, что они ничего не имѣютъ общаго съ Несторіемъ, что они какъ въ перстосложеніи, такъ и въ другихъ символахъ и книгахъ содержатъ вполнѣ православное ученіе о Сынѣ Божіемъ и о двухъ Его естествахъ.—Питиримъ однако продолжаетъ громить двоеперстіе. «Кое согласіе съ Несторіемъ имѣти припознавается въ сложеніи перстовъ,—удивлялись составители вопросовъ,—той бо исповѣдалъ два Сына и два состава о единомъ Христѣ: двѣма же персты научаетъ познавати два естества во единомъ составѣ, а не два сына и не два состава, и не проста человѣка по Несторію, но Бога совершенна, и человѣка совершенна во единой ипостаси образуетъ перстами, и нѣсть ли отъ святыхъ отецъ такова же образованія приличнаго дву перстомъ, еже два естества, двѣма вещма образовательнаго?» (вопросъ 41-й). Старообрядцы прямо указали, что св. Церковь тѣ же символы, какіе заключаются въ двоеперстіи, изображаетъ въ трикиріи и дикиріи: трикиріемъ—три Лица Св. Троицы, дикиріемъ—два Христовыхъ естества—божеское и человѣческое. «Архіерей нынѣ благословляетъ въ служеніи литургіи обоима рукама держай свѣщы: въ правой рукѣ три свѣщы, въ лѣвой же двѣ, кую тайну три свѣщы обра-

зуютъ, и кую двѣ свѣщы?»—спрашивали старообрядцы (вопр. 42-й). Вопросомъ этимъ Питиримъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. По толкованію даже новой церкви, трикирій образуетъ Св. Троицу, а дикирій два естества Спасителя (см. «Новую Скрижаль», архіепископа Веніамина, час. I, гл. IX, § 2, стр. 34, изд. 16-е). По Питириму здѣсь должны быть всѣ тѣ ереси, которыя онъ отыскалъ въ двоеперстіи: и два Сына—одинъ въ трикиріи, другой въ дикиріи; и раздѣленіе Сына на нагствующее божество (въ одной свѣчѣ), и нагствующее человѣчество (въ другой свѣчѣ); и особое сѣдѣніе Сына (въ дикиріи) близъ Св. Троицы (въ трикиріи). Питириму ничего не оставалось дѣлать, какъ признать самого себя и всю свою церковь повинными въ тѣхъ самыхъ ересяхъ, которыя онъ съ такимъ усердіемъ и упорствомъ раскрывалъ въ двоеперстіи; или отречься отъ своихъ обвиненій противъ двоеперстія и признать, что оно и по вещи и по глаголу вполнѣ православно. Казалось бы, Питириму легче всего сдѣлать послѣднее: повиниться въ своихъ вымыслахъ и натяжкахъ—и дѣлу конецъ. Но ему нельзя было сдѣлать этого по той простой причинѣ, что онъ въ своихъ нападкахъ на двоеперстіе былъ связанъ съ опредѣленіемъ собора 1667 г. Онъ повторялъ и развивалъ то, что уже догматизировано восточными патріархами и всей новой церковью. Отречься отъ собора 1667 г.—это значило бы признать правоту старообрядчества. Пойти на этотъ единственно спасительный путь Питиримъ не могъ. Однако отвѣчать нужно было на поставленный вопросъ. «Равноапостольный» авторъ «Пращицы» далъ классическій отвѣтъ: «Таковое ваше вопрошеніе, — заявляетъ онъ старообрядцамъ, — не истинное, но лукавое, и отвѣта не достойное: понеже вопрошаете не еже бы уразумѣти правду, но еже бы точію уподобити правдѣ неправду, свѣту тму, церков-

ному преданію еретическое преданіе, еже есть онымъ свѣщамъ противное ваше перстовъ сложеніе; но никакоже, никако таковое ваше перстовъ сложеніе ко свѣщамъ онымъ подобитися возможетъ; понеже свѣщы оныя преданіе святыя Церкве не отриновенное, *а оное ваше перстовъ сложеніе, преданіе еретическое еретика Мартина мниха Армянина, и множайшими соборы отъ церкве отриновенно весма*» (лис. 104) Вотъ въ чемъ теперь дѣло: не въ томъ уже, что двоеперстіе не такъ и не тамъ изображаетъ Св. Троицу и два Христовыхъ естества, а только въ одномъ, что оно будто бы предано еретикомъ Мартиномъ Армянином. Такимъ отвѣтомъ Питиримъ блестяще расписался въ банкротствѣ всѣхъ своихъ нападокъ на двоеперстное сложеніе. Однако онъ не унываетъ, и здѣсь снова обрушился на ненавистное ему перстосложеніе: «Оное же противное перстовъ сложеніе ваше свѣщамъ не подобится,—заявляетъ онъ,—паче же *подобится ересемъ: Аріевѣ, и Несторіевѣ, и новому Несторію еретику, лжепротопопу Аввакуму*» (лис. 104 об.).

Старообрядцы указали ему, что вѣдь и въ триперстномъ сложеніи обрѣтаются тѣ же ереси, какія онъ отыскалъ въ двоеперстіи. Напр, книга «Увѣтъ», изданная, какъ свидѣтельствуетъ Питиримъ, «всей соборной великороссійской церковью», исповѣдуетъ: «яко много лучше тѣ обѣ тайнѣ нами воображаютъ треми первыми персты Святую Троицу, двѣма же послѣднима преклоненными Бога Слова вочеловѣченіе» (вопросъ 190-й, «Увѣтъ», лис. 138, по друг. изд. 134 об.). Питиримъ вывернулся такимъ объясненіемъ: «Увѣтъ не утверждаетъ, еже бы всѣми пятію персты тѣ таинства воображати не отложно, но речено убо точію противу тогдашнихъ, вопреки противникомъ. Понеже по изреченіи оныхъ прекословныхъ рѣчей на концѣ речено о воображеніи перстовъ сице:

лучше являтися можетъ, сирѣчь, аще бы намъ тако воображати, лучше бы тое являтися могло: и сіе реченіе не утверди, еже бы тако воображати и мудрствовати: но убо коликими премногими винословіи Увѣтъ утверди непремѣнно: еже знаменатися треми первыми персты: въ нихже и таинство Святыя Троицы повелѣ православно воображати. А при такомъ многомъ винословіи, въ послѣднихъ дву перстахъ никоего воображати таинства воспомянулъ, кромѣ онаго прекословія, а не утвержденія» (лис. 330). Значитъ, по Питириму, въ триперстномъ сложеніи ни въ коемъ случаѣ нельзя изображать двумя отдѣльными (послѣдними) перстами два Христовыхъ естества—божеское и человѣческое, въ противномъ случаѣ и здѣсь будутъ тѣ же ереси, которыя онъ съ такой настойчивостью раскрылъ въ двоеперстіи. «Увѣтъ» однако подвелъ всѣ его старанія къ печальнымъ результатамъ. Еще большій ударъ нанесли всѣмъ «глубокомысленнымъ» богословскимъ выводамъ Питирима книга «Обличеніе» Ѳеофилакта Лопатинскаго и книга «Отвѣты» Никифора Астраханскаго, обѣ изданныя синодомъ. «Мы,—разъясняетъ архіепископъ Никифоръ,—простирая три первые перста, тройственнаго Бога первою всѣхъ виною быть показуемъ: наклоняя же два послѣдніе, снисхожденіе божественное, и смиреніе воплощенія и Креста Сына Божія: къ рукѣ же оные соединяя, *два естества его въ одной ипостаси соединенныя означаемъ*». («Отвѣты» Никифора Астраханскаго, стр. 120—121, изд. 1854 г.). Ѳеофилактъ еще опредѣленнѣе говоритъ. «По обычаю святыя соборныя каѳолическія церкве, должни православніи въ знаменіи крестномъ слагати первые три персты во изображеніе Святыя Троицы, а *два послѣдніе сгибати къ ладонѣ во изображеніи двухъ естествъ во Христѣ Божія и человѣческаго*» («Обличеніе», лис. 24). То же говорится и въ «Увѣщаніи» синода (лис. 55). Такимъ

образомъ всѣ труды Питирима — доказать въ двоеперстіи ересь обрушились на его же церковь, превратились въ самоосужденіе. Къ удивленію своему онъ доказалъ, что троеперстіе есть страшная ересь.

Питиримъ несомнѣнно понималъ, что не запугаешь двоеперстниковъ этими крайне недобросовѣстными указаніями въ двоеперстіи ересей. Никто изъ нихъ не могъ повѣрить, что двоеперстіе само по себѣ, одною лишь «вещію», есть еретичество. Авторъ «Пращицы» старается поэтому доказать, что двоеперстіе осуждено и древней Церковью какъ ересь и что за употребленіе его наложены страшныя анаѳемы и проклятія. Онъ приводитъ выдержки изъ Потребника, будто бы Ѳеогноста россійскаго митрополита. «Въ старописанномъ харатейномъ Требникѣ,—свидѣтельствуетъ Питиримъ,—во ономъ же числѣ, идѣже повелѣно отъ еретиковъ пришедшаго пріимати и вся ереси повелѣно ему проклинати, по проклинаніи ересей многихъ латинскихъ речено сице: Проклинаю еретиковъ римлянъ, не творящихъ крестнаго знаменія совокупивше тремя первыми персты, но *точію двѣма, указательнымъ и среднимъ: да будутъ прокляти.* Еще во ономъ же Требникѣ о проклятіи всѣхъ же еретиковъ и ересей ихъ, въ томъ числѣ проклятіе еретикомъ армяномъ и ересемъ ихъ, и по проклинаніи ересей ихъ, речено сице: Проклинаю еретиковъ армяновъ, не творящихъ крестнаго знаменія тремя первыми персты, иже слагаютъ первый перстъ со двѣма послѣдними, и *творятъ крестъ двѣма персты, указателнымъ и среднимъ, да будутъ прокляти*» (лис. 98 «Пращицы»). Питиримъ рѣшительно утверждаетъ, что двоеперстіе проклято издревле. «По всему вышеписанному показанію,—говоритъ онъ,—есть латинское, и армянское таковое повелѣніе, еже креститися двѣма персты, и церкви святѣй *противно не нынѣ (но еще изъ древле) проклято* суще церковнымъ пове-

лѣніемъ, такожде якоже и прочія ихъ ереси» (лис. 98 об.). Питиримъ указываетъ, что двоеперстіе было проклято не въ Россіи только, но и на Востокѣ. «Такожде то двоеперстное знаменованіе,—увѣряетъ онъ,—наречено съ прочими ересми вмѣстѣ *армянскою ересію, и проклято древле на Востоцѣ* православнымъ патріархомъ Лукою всесоборнѣ» (тамъ же). По свидѣтельству Питирима, патріархъ Лука съ соборомъ прокляли нѣкоего еретика Мартина Армянина за то, что онъ въ пяти главахъ своего сочиненія училъ двоеперстію, сугубой аллилуіи, посолонному хожденію и т. п. «И за вся его вышеписанная въ пяти главахъ, армяномъ единомудрствующаго проклинаемъ, — провозгласилъ соборъ съ патр. Лукою, — и отъ святыя восточныя церкви отлучаемъ и анаѳемѣ предаемъ: буди онъ анаѳема, анаѳема, анаѳема» (тамъ же). Проклято и самое двоеперстіе— даже за то одно, что оно новое преданіе. «Сложеніе перстовъ, еже креститися двѣма персты, у армянъ новое преданіе, а не древнее: *того ради и клятвами по вышеписанному отречено*» (лис. 102 об.). Указываетъ Питиримъ, что будто бы и св. Софроній, патріархъ іерусалимскій, предалъ проклятію двоеперстниковъ (160 об.).

Угрожаетъ двоеперстникамъ авторъ «Пращицы» и новыми проклятіями уже своей церкви. «А еже вы нынѣ, противящеся святѣй церкви и соборному повелѣнію, и всей власти церковной, *креститеся двѣма персты* и другихъ учите и повелѣваете тако креститися, и таковое ваше *дѣланіе, и ученіе, и повелѣніе*, за противленіе святѣй церкви, и соборному повелѣнію, и всей власти церковной *есть неправославно весма*, по словеси Христову: Аще преслушаетъ церковь, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь. Убо вамъ святая церковь чрезъ многая лѣта возбраняя *возбраняетъ соборнѣ* и сущею властію церковною, *еже бы двѣма персты не креститися и другихъ бы не учити и не повелѣвати*. Вы же

весма *въ таковомъ повелѣніи* церкви святѣй и соборному повелѣнію и власти церковной *противитися и преслушницы явистеся*» (лис. 87). Противленіе и преслушаніе русскихъ людей заключалось лишь въ томъ, что они и сами знаменовались и другихъ учили знаменоваться двоеперстнымъ сложеніемъ, т.-е. дѣлали то, чему учила и что содержала вся древняя Церковь — и русская и восточная. Именно «таковое ваше дѣланіе и ученіе и повелѣніе, — говоритъ старообрядцамъ Питиримъ, — есть неправославно весьма». Перекрестился двумя перстами и сталъ еретикомъ. Въ этомъ одномъ «дѣланіи» — и противленіе новой церкви и ересь. За это же и прокляты русскіе люди. «А иже нынѣ, — разъясняетъ Питиримъ, — по преложеніи соборномъ и по исправленіи властію церковною, *противящеся* соборному повелѣнію, и *непокоряющеся* власти церковной (Въ чемъ противятся и не покоряются? Въ томъ) *еже креститеся двѣма персты*, или другимъ повелѣвати, и учити тако креститися, *есть весма неправославно, и соборнѣ за таковое церкви святѣй непокорство проклятии*» (лис. 88 об.). Не за хулы на церковь, не за отдѣленіе отъ нея прокляты были русскіе люди на соборѣ 1667 г., а только за то, что продолжали креститься двумя перстами и другихъ учили тому же. «За *таковое* церкви святѣй непокорство прокляти», — увѣряетъ Питиримъ. «Зрите убо вси противящіися святѣй восточнѣй и великороссійстѣй церкви, — восклицаетъ онъ, — коликая свидѣтелства показуютъ и утверждаютъ купно вси едино, еже креститися тремя первыми персты, а не двѣма, а оная свидѣтелства вся древнему преданію по всему согласуются. Молимъ васъ, *престаните отъ таковаго душепагубнаго противленія* и повинуйтеся во всемъ, якоже святѣй восточнѣй церкви, тако и великороссійской, и ея пастыремъ» (лис. 138). Питиримъ признавалъ большимъ преступленіемъ и на

иконахъ изображать двоеперстное сложеніе. «Еже бы тако писати сложеніе перстовъ по вашему хотѣнію и мудрованію, — обращается авторъ «Пращицы» къ старообрядцамъ,—всячески отъ святыя церкве повелѣнія нѣсть. Аще ли же повелѣнія нѣсть, се явственно, яко творити тако безъ повелѣнія церковнаго не надлежитъ весма» (лис. 192 об.).

Православныхъ людей, знаменающихся двоеперстно, Питиримъ осуждалъ еще за то, что они не знаменаются тремя перстами. Это—самостоятельное преступленіе, такъ же преданное проклятію, какъ и двоеперстіе, и въ древнее время, за долго до русскаго церковнаго раскола. Еще въ XIV столѣтіи въ такъ называемомъ Ѳеогностовомъ «Требникѣ въ чинѣ, иже отъ ересей приходящихъ пріимати ко святѣй церкви, написано,— увѣряетъ Питиримъ, — *именно крестится трема же первыми персты, и кто тремя персты не крестится,* а крестится двѣма персты, *таковый проклятію преданъ*» (лис. 160 об.). «Во ономъ древнемъ харатейномъ Требникѣ,—въ другомъ мѣстѣ разъясняетъ Питиримъ,— на оныхъ еретиковъ моноѳелитянъ, на римлянъ и на армянъ, за *противность восточныя церкве, еже не крестятся тремя первыми персты, есть клятва написана*» (лис. 284 об.). Здѣсь авторъ «Пращицы» отмѣчаетъ противность церкви именно въ неупотребленіи триперстія. Онъ приводитъ весьма знаменательное событіе, совершившееся на Аѳонѣ всего только за три года до восшествія на патріаршій престолъ патріарха Никона. «Тоежде древнее преданіе, — сообщаетъ Питиримъ,— еже креститися тремя первыми персты, утвердиша святыя горы Аѳона преподобнѣйшіи *отцы вси соборнѣ* сице: въ лѣто 7157 во святѣй горѣ Аѳонстѣй былъ *соборъ всѣхъ честныхъ и славныхъ монастырей, отъ архимандритовъ и игуменовъ, и отъ всего священнаго и монашескаго чина: съ волею же и благословеніемъ*

чрезъ писаніе, по прошенію оныхъ аѳонскихъ отцевъ святѣйшаго цареградскаго патріарха Парѳенія, на сербянина іеромонаха Дамаскина, яко той во оное время сталъ учити, еже бы всякому креститися двѣма персты, *а не тремі первыми.* И *за сіе* его соборнѣ истязаша, и книгу у него взяша на россійскомъ языкѣ, а въ ней тако писано, якоже той учаше, и тую книгу соборнѣ сожгоша, *а тако творящихъ и учащихъ анаѳемѣ предаша.* Повелѣша же и утвердиша по древнему преданію святыя восточныя церкве, якоже они съ начала вѣры пріяша, еже *всякому православному христіанину,* воображати на себѣ крестное знаменіе *тремі первыми совокупленными персты* десныя своея руки» (лис. 134 об.). Никакой ереси не было указано за іеромонахомъ Дамаскинымъ. Единственное его преступленіе заключалось лишь въ томъ, что онъ «сталъ учить креститься двумя перстами», при чемъ ссылался на русскую книгу. Одно это обстоятельство, какъ видно, вызвало сильное волненіе на Аѳонѣ. Былъ созванъ по этому случаю многочисленный соборъ изъ представителей всѣхъ аѳонскихъ обителей. Вполнѣ православную книгу соборъ предалъ сожженію, а знаменающихся такъ, какъ она учитъ, анаѳематствовалъ. Соборъ, кромѣ того, утвердилъ, чтобы всякій православный христіанинъ воображалъ на себѣ крестное знаменіе триперстнымъ сложеніемъ.

Болѣе грозное осужденіе на православныхъ христіанъ за неупотребленіе триперстія послѣдовало въ Россіи уже во времена Никона патріарха. «Тожде древнее преданіе,—свидѣтельствуетъ Питиримъ,—еже креститися треми первыми персты, святѣйшіи православніи восточніи патріархи въ лѣто 7163, во отвѣтѣхъ своихъ, противу вопрошенія святѣйшаго московскаго патріарха Никона объявиша сице: Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ,

и седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста треми первыми персты десныя руки: и *кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако* по преданію восточныя церкве, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, *есть еретикъ, и подражатель армяновъ:* и *сего ради* имамы его *отлучена отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, и проклята*» (лис. 136 и об.). Не еретики и не раскольники, а православные христіане объявлены еретиками, отлучены отъ Святой Троицы и прокляты только за то, что не знаменаются тремя перстами. Это безразсудное проклятіе подписалъ прежде всѣхъ Макарій, патріархъ антіохійскій. Далѣе слѣдуютъ подписи другихъ восточныхъ патріарховъ, съ особыми приписками. Гавріилъ, патріархъ сербскій, приписалъ: «вышереченная тако исповѣдую и тако свидѣтельствую и тако держу, и аще кто не вѣруетъ, вышереченная не держитъ, *да будетъ проклятъ*». Григорій, екзархъ всея Виѳиніи, приписалъ: «вышеписанная тако исповѣдую, и тако проповѣдую, и тако держу; и кто не держитъ тако, *да имать клятвы* святыхъ трехъ сотъ и осминадесяти богоносныхъ отецъ въ Никеи собравшихся, и прочихъ святыхъ соборовъ, и *да будетъ проклятъ*». Наконецъ, Гедеонъ, митрополитъ молдавскій, приписалъ: «вышереченная тако исповѣдую. и тако свидѣтелствую, и тако держу: и аще кто не вѣруетъ, и вышереченная не держитъ, *да будетъ проклятъ*» (лис. 136 об.). Все—только проклятъ и проклятъ, Жестокіе люди были въ XVII вѣкѣ. Съ какимъ-то наслажденіемъ проклинали православныхъ христіанъ. Съ этимъ же наслажденіемъ Питиримъ приводитъ ихъ проклятія въ своей «Пращицѣ»: «Патріарси восточніи антіохійскій Макарій, Гавріилъ сербскій, Григорій митрополитъ никейскій, Гедеонъ митрополитъ молдавскій всѣхъ онѣхъ *непокоряющихся, еже креститися треми первыми персты,* отлученію отъ Отца, и Сына, и Свя-

таго Духа, и *клятвѣ предаша таковыхъ*» (лис. 155 и 286). Питиримъ всегда подчеркиваетъ, что непокореніе состояло собственно въ неупотребленіи триперстія. Онъ приводитъ повелѣнія и другихъ іерарховъ относительно триперстнаго сложенія. «Святѣйшій патріархъ московскій Никонъ, со всѣми россійскими архіереи, и архіепископы и епископы, со архимандриты, и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ волею же и съ повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя нашего царя, и великаго князя Алексія Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по всему вышеобъявленнымъ послѣдствуя, данною же отъ Христа Господа властію церковною, *тремі же первыми персты утвердиша, и повелѣша всякому православному христіанину креста святаго на себе знаменіе полагати непремѣнно*. И паки въ лѣто 7175 въ царствующемъ же градѣ Москвѣ святѣйшій патріархъ Іоасафъ, со всѣми же митрополиты, архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ купно, въ тоже время со присутствующими восточными патріархи: Паисіемъ патріархомъ александрійскимъ, Макаріемъ патріархомъ антіохійскимъ, тоюжде властію церковною, тожде утвердиша *и повелѣша тремі же первыми персты всякому крестное знаменіе полагати, и клятвами противящихся отриновенныхъ сотвориша и анаѳемѣ предаша*, духовныхъ же священства обнажиша» (лис. 137). Никому не дано пощады: одни были преданы проклятію и анаѳемѣ, другіе, сверхъ того, были еще низвержены изъ своихъ духовныхъ сановъ. И вся эта кара постигала ихъ только за то, что они не принимали триперстія. Триперстное сложеніе было ограждено такимъ обиліемъ анаѳемъ и проклятій, какимъ никогда не ограждался ни одинъ догматъ церковный. Триперстіе было поставлено выше всѣхъ догматовъ. Оно стало альѳой и омегой новой церкви. Безъ триперстія немы-

слимы: ни спасеніе, ни единеніе съ церковью, ни церковная жизнь, ни послушаніе. Дальше триперстія ничего не было видно — одна лишь зіяющая пропасть, проклятья и вѣчная гибель.

* *
*

Всѣ изложенныя въ «Пращицѣ» порицанія и осужденія на старые обряды и древнюю русскую церковь, съ ея святителями и многочисленнымъ сонмомъ святыхъ и праведныхъ мужей, Питиримъ подтверждалъ двумя знаменитыми документами — Потребникомъ св. Ѳеогноста, митрополита россійскаго, написаннымъ въ 1329 году, и соборнымъ дѣяніемъ на еретика Мартина Армянина, состоявшимся въ 1157 г. въ Кіевѣ. На нихъ Питиримъ ссылается чуть ли не въ каждомъ отвѣтѣ своей книги. Онъ держится за эти документы какъ за Евангеліе, какъ за твердую и исключительную опору своей церкви. Безъ нихъ «Пращица» была бы пустымъ мѣстомъ; безъ соборнаго дѣянія на Мартина и Ѳеогностова Требника немыслима защита Никоновской церкви и ея постановленій о старыхъ обрядахъ и старыхъ книгахъ, при которыхъ остались старообрядцы. Въ Ѳеогностовомъ Требникѣ и Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина Армянина дѣйствительно заключаются всѣ тѣ осужденія, проклятія и анаѳемы на древнія преданія св. Церкви и на самую Церковь, которыя проходятъ яркой полосой черезъ всю «Пращицу». Въ этихъ документахъ они изложены еще ярче и сильнѣе. Соборное дѣяніе и Ѳеогностовъ Требникъ служатъ лучшимъ источникомъ для выясненія взглядовъ и отношеній Никоновской церкви къ старымъ обрядамъ и книгамъ и къ древней русской церкви, такъ какъ въ Ѳеогностовомъ Требникѣ и Соборномъ дѣяніи на Мартина, подтвержденныхъ и канонизованныхъ іерархіей господствующей церкви, звучитъ подлинный и искренній го-

лосъ именно этой іерархіи. Это — *ея* твореніе, это — родное *ея* дѣтище: плоть отъ плоти, кровь отъ крови *ея* вѣрованій и убѣжденій.

Въ концѣ «Пращицы» приложены выписки изъ Ѳеогностова Требника и полностью Соборное дѣяніе на Мартина Армянина. Въ предисловіи къ нимъ Питиримъ говоритъ: «Во свидѣтелство же вышеписанныя истины, приложишася еще нѣкія потребныя главизны и реченія изъ древнія рускія рукописныя книги харатейныя, глаголемыя Потребникъ, подписаныя собственною рукою блаженнаго Ѳеогноста митрополита московскаго, въ лѣто 6837. Который Потребникъ како содержитъ въ себѣ чинъ и уставъ церковный, и съ кѣмъ согласуется и единомудрствуетъ, явно вся предъ очеса представитъ читающему: сомнящемуся же удобь разрѣшитъ недоумѣніе. Прочее (любезный читателю), читая сію новонапечатаную Соборнаго дѣянія книгу, и прочая къ ней сущая, *отлагай всякое сомнѣніе непотребное, плѣняя умъ твой въ послушаніе Божіе.* Ибо вѣра христіанская ищетъ послушанія и покоренія, а не любопытства неполезнаго и многоисканія словопрителнаго» (лис. 6 предисловія, въ концѣ «Пращицы»). Кто вѣритъ всему изложенному въ Соборномъ дѣяніи на Мартина Армянина искренно, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ послушенъ Богу, у того вѣра христіанская.

Чему же мы должны внимать въ этихъ документахъ — Требникѣ Ѳеогноста и Соборномъ дѣяніи? Какіе изложены здѣсь догматы новой церкви, на которыхъ она построена, какъ домъ на фундаментѣ? Въ Требникѣ этихъ догматовъ изложено немного. Они сводятся лишь къ нѣсколькимъ проклятіямъ. «Проклинаю,— провозглашается здѣсь, — моноѳелитянъ, творящихъ крестное начертаніе на собѣ единымъ перстомъ, *а не тремя первыми персты, да будутъ прокляти.* Проклинаю еретиковъ римлянъ не творящихъ крестнаго зна-

менія совокупивше треми первыми персты, *но точію двоимя*, указателнымъ и среднимъ, а послѣди единымъ палцомъ: *да будутъ прокляти.* Проклинаю еретиковъ арменъ, не творящихъ крестнаго знаменія треми первыми персты, но слагаютъ первый перстъ съ двумя послѣдними, и *творятъ крестъ двумя персты указателнымъ и среднимъ: да будутъ прокляти*» (лис. 25). «Проклинаю иже не благословляютъ римляне о имени Іисусъ Христовѣ по восточнымъ чрезъ І указателнаго, и чрезъ С, средняго перстовъ, тако І҃С, а чрезъ первый палецъ преложеніемъ чрезъ возлѣ средняго, и чрезъ С, малаго мало наклоненіемъ, и будетъ кратко Х҃С: но благословляютъ не слагая тако, но просто пятію персты, *да будутъ прокляти*» (лис. 28). Далѣе излагается въ Требникѣ требованіе говорить аллилуію трижды, въ четвертый разъ—слава Тебѣ Боже; при освященіи церкви, при крещеніи и вѣнчаніи ходить противъ солнца, символъ говорить безъ «истиннаго», просфоры печатать печатью четырехугольной, молиться стоя на колѣняхъ и т. п. «До здѣ,—заключаетъ Питиримъ,—словеса святаго Ѳеогноста Митрополита московскаго, *свидѣтельствующая о истинѣ,* и увѣряющая тѣхъ, иже невѣріемъ недугуютъ, и старую намъ отцепреданную до днесь непоколебимо хранимую православно-каѳолическую вѣру новою и неправою нарицаютъ» (лис. 31). Проклятія Ѳеогностова Требника Питиримъ приводитъ въ своей книгѣ довольно часто («Пращица», лис. 98, 134 и об., 160 об., 284 об. и друг.). Онъ основывается на нихъ, какъ на непреложной истинѣ. Для него они—«православно-каѳолическая вѣра».

Гораздо полнѣе эта вѣра выражена и тверже закрѣплена въ Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина Армянина. Этотъ еретикъ, какъ свидѣтельствуетъ Соборное дѣяніе о немъ, родился и воспитался въ Кон-

стантинополѣ, въ Россію пришелъ въ 1149 г. и началъ здѣсь сѣять свои ереси. Въ 1157 г. собрался на него въ Кіевѣ освященный соборъ русскихъ архіереевъ подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Константина и осудилъ Мартина какъ еретика со всѣми его новыми догматами. Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Константинополь къ патріарху Лукѣ Хризоверху. Тотъ «многажды врачевалъ» Мартина, но такъ какъ послѣдній упорно держался своихъ ересей, то патріархъ вынужденъ былъ предать его огнесожженію.

Къ сожалѣнію, ереси Мартина Армянина пустили очень глубокіе корни въ русской церкви,—всюду онѣ проникли: и въ народъ, и въ духовную среду, и въ богослужебныя книги, и даже въ соборныя опредѣленія русскихъ святителей. Правда, не всѣ ереси Мартина привились къ русской церкви, но зато—наиболѣе опасныя и гибельныя, именно тѣ самыя, которыя онъ отстаивалъ съ наибольшимъ упорствомъ и которыя подвергались на соборѣ наибольшему осужденію. Всѣ ереси Мартина Армянина изложены въ 20-ти главахъ. Въ нихъ онъ требовалъ:

а) печатать на просфорахъ Распятіе (гл. 5-я),

б) «по погруженіи обходити купель по солнцу, такожде и въ хиротоніи и въ вѣнчаніи браковъ творити обхожденіе» (гл. 9-я), «и въ освященіи церкви обходити посолонь» (гл. 10-я).

в) писать имя Христа Спасителя «Ісусъ» (гл. 15-я),

г) «по псалмѣхъ говорити аллилуія дважды, а не трижды, третіе приглашати: слава тебѣ Боже» (гл. 16-я),

д) «слагати ручныя персты первый перстъ съ двумя послѣдними, а указательнымъ и среднимъ повелѣваше креститися и попамъ благословляти» (гл. 18-я), «и иная многая нелѣпая и восходной церкви противная учаше творити» (лис. 7 об. и 8 Соборнаго дѣянія).

Всѣ ереси Мартина Армянина обрядоваго хара-

ктера, за исключеніемъ двухъ: въ 13-й главѣ онъ училъ «разумѣть во Христѣ Іусѣ едино естество», а въ 14-й—утверждалъ, что плоть Іисуса Христа снизошла съ небеси (лис. 7 об.). Всѣ эти ереси Мартинъ Армянинъ изложилъ въ своей книгѣ «Правда». Она послужила для Кіевскаго собора обличительнымъ матеріаломъ противъ ея автора. Замѣчательно, что соборъ мало обратилъ вниманія на догматическія ереси Мартина. Главнымъ образомъ онъ истязывалъ этого еретика за двоеперстіе, аллилуію, за посолонное хожденіе, имя «Ісусъ» и т. п «ереси». По этимъ пунктамъ соборъ велъ съ подсудимымъ пространныя пренія и основательно изобличалъ его погрѣшности. Еще болѣе замѣчательно, что Мартинъ Армянинъ, отстаивая двоеперстіе, сугубую аллилуію, хожденіе по солнцу и другіе обряды, не вкладывалъ въ нихъ какого-либо погрѣшительнаго толкованія; онъ лишь упорно твердилъ, что всѣ эти обряды преданы древней Церковью, *поэтому* онъ ихъ и распространяетъ. Его спрашивали на соборѣ: «учити таковая противная давно ли дерзнулъ еси? Той же отвѣща: учити нача отнелѣже сѣмо пріидохъ. Однако же ученіе мое не противное и не новое, но у васъ нѣкая узрѣхъ новая и противная: *того дѣля и учити азъ дерзнулъ, возвѣщая вамъ древнее преданіе, а не новое*» (лис. 8 об. Соборнаго дѣянія). Вотъ единственное его основаніе—искреннее убѣжденіе, что онъ держится старины—древняго церковнаго преданія. Кіевскій соборъ обличаетъ его за хожденіе посолонь: «Въ девятой и въ десятой главѣ учиши противная восточнѣй церкви,—говорилъ ему предсѣдатель собора,—повелѣваеши въ хиротоніи, и въ крещеніи, и во освященіи церкви, и въ вѣнчаніи браковъ, и въ послѣдованіи церковномъ вся творити обхожденія и исхожденія посолонь. Мы же изначала вѣры пріяхомъ отъ восточныхъ патріарховъ сія вся творити обхожденія и исхожденія на восходъ, противу

солнца, по древнему обычаю, и по преданію святыя церкви, и таковаго ученія ниже слышахомъ доселѣ». Мартинъ въ оправданіе свое отвѣтилъ: «Како, святый владыка, глаголеши, ниже слышахомъ доселѣ? А *азъ зрю въ нѣколицѣхъ церквахъ тако творятъ* всячески обхожденія и исхожденія посолонь» (лис. 10). Относительно сугубой аллилуіи ему говорили на соборѣ: «Еще же ты, возмущая церковь, дерзнулъ еси писати въ шестой надесять главѣ—по псалмѣхъ, идѣже по чину церковному глаголется: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже, трижды,—ты же тако глаголати возбраняеши, и блюзнериши ересію и учиши глаголати сице: аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже» (лис. 10 об.). И по этому пункту обвиненія Мартинъ не высказалъ какого-либо погрѣшительнаго толкованія. Вся его вина въ требованіи сугубить аллилуію заключалась только въ томъ, что онъ «непокорства держашеся» (лис. 11). Съ особой твердостью онъ отстаивалъ двоеперстіе. Митрополитъ Константинъ говорилъ ему: «Персты ручныя слагати учиши по арменски: первый перстъ со двумя послѣдними слагати, двумя же персты, указательнымъ и среднимъ, крестное знаменіе повелѣваеши на себѣ воображати и благословляти священникомъ» (лис. 11 и об.). Рѣшительно никакой еретической мысли Мартинъ не заключалъ въ двоеперстіи. Во всемъ дѣяніи Кіевскаго собора ни однимъ словомъ не говорится, чтобы Мартинъ двоеперстіемъ выражалъ какую-либо ересь. Мартинъ далъ собору знаменитый отвѣтъ въ защиту двоеперстія. Онъ заявилъ, что если и у армянъ и у латинъ имѣется двоеперстное сложеніе, то это не ересь они держатъ, «но древній обычай и преданіе церковное». «Сему же и писаніе свидѣтельствуетъ,—говорилъ Мартинъ,—Ѳеодоритъ блаженный рече: аще сила крѣста велія, сего ради слагаемъ первый перстъ съ двумя послѣдними, два же перста верхній и сред-

ній сложа во едино протягше сице знаменатися и благословляти. Такожде и отцы собора Ефесскаго во своемъ соборномъ правилѣ клятвеннѣ рекоша сице: Аще кто не крестится двумя персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ. *И сіе не новое, но древнее и соборное преданіе*» (лис 11 об.). Вотъ по какимъ основаніямъ держался Мартинъ Армянинъ двоеперстія. Такъ и слышится въ его защитѣ опредѣленіе святаго Стоглаваго собора. Мартинъ буквально повторяетъ его основанія, какъ будто онъ имѣлъ подъ руками «Стоглавникъ». Замѣчательно, что и Кіевскій соборъ не указалъ никакой ереси въ двоеперстіи, онъ призналъ его только новымъ преданіемъ. «Мы же,—разъяснялъ Мартину предсѣдатель собора,—съ начала вѣры отъ святѣйшаго патріарха пріяли слагати правыя руки три первыя пальцы слагати всѣ равно вкупѣ, два же послѣднія персты имѣти наклонены къ длани крѣпко. Тако бо мы пріяхомъ, якоже оны на востоцѣ издревле пріяли, тако слагати правыя руки, первыя три пальцы во образъ Святыя Тройцы. Два же послѣднія персты приклонены къ длани имѣти. Сице намъ предаша знаменатися» (лис. 12).

Мартинъ велъ себя на соборѣ въ высшей степени вѣжливо и даже смиренно. Въ отстаиваніи двоеперстія, сугубой аллилуіи, посолоннаго хожденія и другихъ обрядовъ онъ является типичнымъ единовѣрцемъ нашего времени. Попади онъ на соборъ русской господствующей церкви въ XIX или XX вѣкѣ, онъ былъ бы признанъ вполнѣ православнымъ въ своей защитѣ тѣхъ обрядовъ и обычаевъ, какіе содержатъ до сихъ поръ старообрядцы и единовѣрцы. Въ нашъ вѣкъ даже нѣкоторые синодальные архіереи слѣдуютъ Мартину Армянину: знаменуются и благословляютъ двоеперстно, ходятъ при освященіи храмовъ по солнцу, аллилуію говорятъ дважды, въ третій разъ—слава Тебѣ Боже

имя Христа Спасителя произносятъ: «Ісусъ» и т. п. Эти архіереи можетъ быть сочли бы даже за счастье видѣть въ своей средѣ знаменитаго проповѣдника XII-го вѣка, Мартина Армянина. Во всякомъ случаѣ они не раздѣлались бы съ нимъ такъ, какъ Кіевскій соборъ, судившій Мартина.

Кіевскій соборъ не ограничился только своими увѣщаніями и обличеніями, онъ рѣшилъ обратиться по дѣлу Мартина къ константинопольскому патріарху Лукѣ и отправилъ къ его святительству «Мартиново вышеписанное въ двудесятихъ главахъ лживое ученіе и соборные противу его вопросы и отвѣты» (Соборное дѣяніе, лис. 15). Получивъ эти документы, патріархъ «повелѣлъ собратися множайшимъ архіереемъ и архіепископомъ, и епископомъ, архимандритомъ же и игуменомъ, и прочимъ отъ духовнаго чина; и былъ у нихъ соборъ три дни. А о чемъ былъ соборъ, то писано въ листѣ и въ свиткѣ» присланныхъ въ Кіевъ. Кіевскій митрополитъ Константинъ «повелѣ листъ и свитокъ переводити. И паки повелѣлъ всему духовному чину собратися на соборъ». По дѣлу Мартина собрался въ Кіевѣ второй «соборъ отъ всего освященнаго чина. Приведенъ же бысть на соборъ и Мартинъ мнихъ» (лис. 15 об.). Въ оглашенныхъ на соборѣ патріаршихъ листѣ и свиткѣ говорится, что состоявшійся въ Константинополѣ соборъ призналъ Мартина по всѣмъ двадцати главамъ его вѣроученія смѣшеннымъ еретикомъ и всѣ главы его—еретическими, «понеже,—говорится въ патріаршемъ свиткѣ,—*двадесять его главъ* всякаго злаго противнаго мудрованія еретическаго исполнени, *ни въ единой его главѣ что обрѣтеся правды, но вся противная, различныхъ еретиковъ той ереси возновы*» (лис. 16). Константинопольскій патріаршій соборъ вполнѣ согласился со всѣми сужденіями Кіевскаго собора. Онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на ученіе

Мартина—знаменоваться двумя перстами и призналъ его еретическимъ (лис. 17 и об.). Призналъ соборъ ересью и сугубую аллилуію и посолонное хожденіе (лис. 19).

Опредѣленіе Константинопольскаго собора изобилуетъ многочисленными анаѳемами, произнесенными на Мартина Армянина и на все его ученіе. Разсмотрѣвъ всѣ главы сочиненія Мартина, соборъ одни изъ нихъ отнесъ къ армянской ереси, другія — къ латинской, третьи—къ смѣшанному еретичеству и по каждой категоріи главъ произнесъ отдѣльныя анаѳематствованія «Мартина еретика мниха,—провозглашаетъ патріаршій соборъ,—за вся его вышеписанная въ пяти главахъ арменамъ единомудрствующаго *проклинаемъ*, и отъ святыя восходныя церкви отлучаемъ, и анаѳемѣ предаемъ: *буди онъ анаѳема, анаѳема, анаѳема.* Да егоже мниха, смѣшеннаго еретика, во второй и въ третіей главѣ, и въ пятой и въ шестой и въ седьмой, и въ осмой надесять, и въ двадесятой, и во всѣхъ сихъ седми главахъ *познахомъ быти его еретика суща латинщика*» (лис. 17 об. и 18). Дальше слѣдуютъ новыя анаѳемы: «Мартина же мниха еретика суща, — снова провозглашаетъ соборъ,—за вся его вышеписанная въ седми главахъ латиномъ единомудрствующаго *проклинаемъ*, и отъ святыя восходныя церкви отлучаемъ, и анаѳемѣ предаемъ: *буди онъ анаѳема, анаѳема, анаѳема.* Да онъ же еретикъ смѣшенный Мартинъ мнихъ въ седмой главѣ и въ девятой и въ десятой главѣ, и въ пятой надесять, и въ шестой надесять. *Во всѣхъ сихъ шести главахъ познахомъ его новоявльшагося еретика*» (лис. 18 об. и 19). И этихъ дважды тройныхъ анаѳемъ собору показалось мало. Онъ прибавилъ къ нимъ еще тройку анаѳемъ. «Мартина же мниха новоявльшагося еретика,—еще разъ провозглашаетъ соборъ,—за сія вся *проклинаемъ*, и отъ святыя церкви отлучаемъ, и

анаѳемѣ предаемъ: *буди онъ анаѳема, анаѳема, анаѳема*» (лис. 19 об.). Цѣлый ураганъ проклятій и анаѳемъ. Кажется, можно было бы на этихъ анаѳемахъ и закончить соборный приговоръ. Однако соборъ въ заключеніе посылаетъ Мартину еще три анаѳемы, подводя подъ нихъ всѣхъ единомышленниковъ Мартина и всѣхъ держащихся проповѣдуемыхъ имъ обрядовъ и обычаевъ. «За вся его злая еретическая *и вышеписанныхъ двудесяти главахъ мудрованія*,—торжественно заключаетъ патріаршій соборъ,—*проклинаемъ*, и отъ святыя восходныя церкви отлучаемъ, и анаѳемѣ предаемъ *всѣмъ соборомъ*: *буди онъ анаѳема, анаѳема, анаѳема, и со всѣми его единомудренники и придержащимися ему*» (лис. 20). Все проклялъ соборъ: и двоеперстіе, и сугубую аллилуію, и хожденія посолонь, и всѣхъ содержащихъ эти преданія и обычаи. Всѣхъ ихъ соборъ прямо таки утопилъ въ бурномъ потокѣ отлученій, анаѳемъ и проклятій.

Кіевскому собору, ознакомившемуся съ дѣяніями Константинопольскаго собора, оставалось только вручить этотъ приговоръ окончательно проклятому еретику Мартину. Но вычитанныя на соборѣ анаѳемы такъ заразили всѣхъ членовъ собора, что они не могли удержаться, чтобы не прибавить еще отъ себя нѣсколько анаѳемъ несчастному Мартину Армянину. Они возгласили всѣмъ соборомъ: «И мы тя проклинаемъ и анаѳемѣ предаемъ: *буди ты анаѳема, анаѳема, анаѳема*» (лис. 20). Эти громы анаѳемъ такъ сильно подѣйствовали на впечатлительную душу Мартина, что онъ сначала остолбенѣлъ, «потомъ начатъ плакати горько, прося у всего собора прощенія, и обѣщася о всемъ своемъ зломъ ученіи принести писаніемъ покаяніе» (тамъ же). Непрерывныя анаѳемы и проклятія, въ такомъ изобиліи провозглашавшіяся на вторичномъ Кіевскомъ соборѣ, заразили, точно эпидемія, даже самого

Мартина, и онъ, словно обезумѣвъ отъ многочисленныхъ анаѳемъ, началъ вслѣдъ за соборомъ возглашать свои проклятія. «Азъ училъ,—восклицалъ кающійся еретикъ,—*слагати первый палецъ съ двумя послѣдними, указательный же сложенъ съ среднимъ стоящь прямо, средній же наклоненъ мало.* И тако повелѣвалъ всякому христіанину знаменатися. Священному же чину тако знаменатися и благословляти. Но сія вся арменская своя отъ нынѣ держати, и тако творити и мудрствовати не стану, и отрицаюся, *держащихъ же и мудрствующихъ по вышеписанному тако проклинаю: будите они прокляти*» (лис. 21). Дальше онъ проклиналъ творящихъ посолонное хожденіе, сугубящихъ аллилуію, учащихъ писать имя Христа «Ісусъ». «Отъ нынѣ,—возглашалъ Мартинъ,—сія шесть главъ держати оставляю и отрицаюся, *и проклинаю*, и въ предь таковыхъ лжесоставныхъ писати не стану. *Пишущихъ же и мудрствующихъ тако проклинаю: будите они прокляти*». (лис. 22). Долго онъ изрекалъ проклятія на собственное ученіе, изложенное въ его книгѣ «Правда»; наконецъ, произнесъ заключительное осужденіе: «И о сихъ всѣхъ отъ нынѣ каюся и прощенія прошу, и тоя моея книги всея опроче дву въ ней правдивыхъ главъ, третій надесять и четвертой надесять, отрицаюся *и проклинаю* и держащихъ ю и мудрствующихъ тако, яже азъ въ сихъ во осми надесяти главаху написалъ; *вся та и держащихъ я проклинаю и анаѳемѣ предаю: буди все проклято, и анаѳема, анаѳема, анаѳема.* Аминь» (лис. 22 и об.). Столь усердныя анаѳемы не спасли однако Мартина отъ гибели, ибо онъ не доклялъ двухъ главъ изъ своей книги. Вслѣдствіе сего соборъ объявилъ его непокорникомъ и закончилъ свои дѣянія провозглашеніемъ новыхъ анаѳемъ на Мартина. «Константинъ же митрополитъ,—повѣствуетъ Соборное дѣяніе,—со всѣмъ соборомъ, еретика мниха Мартина предаша.

анаѳемѣ, глаголюще сице: *буди ты анаѳема, анаѳема, анаѳема*» (лис. 23). Затѣмъ Мартинъ былъ отправленъ въ Константинополь, гдѣ и былъ преданъ сожженію по суду константинопольскаго патріарха. Такъ погибъ наивный и глуповатый еретикъ Мартинъ.

Соборное дѣяніе на Мартина Армянина производитъ весьма тягостное и кошмарное впечатлѣніе. Въ этомъ безподобномъ актѣ, въ его безпримѣрныхъ проклятіяхъ и анаѳемахъ видна какая-то сатанинская ненависть къ древнимъ церковнымъ преданіямъ: точно весь адъ собрался и дохнулъ въ этомъ дѣяніи всѣми силами своей злобы на св. Церковь. Изъ этой адской пасти, называемой «Соборнымъ дѣяніемъ», льется шумный водопадъ проклятій и анаѳемъ, направленный на древніе церковные преданія и обычаи. Питиримъ залилъ ими всю свою «Пращицу». «Соборное дѣяніе» на Мартина Армянина было для него непререкаемымъ авторитетомъ. Онъ заявлялъ старообрядцамъ, что въ этомъ дѣяніи ничего нѣтъ неправославнаго или погрѣшительнаго и осуждалъ ихъ за противленіе кіевскому собору 1157 года. «Во ономъ соборномъ дѣяніи,—увѣряетъ Питиримъ,—святѣй восточнѣй и великороссійской церкви мудрованія и повелѣнія противнаго *никоего нѣсть и не обрѣтается*, якоже въ немъ самомъ видѣти есть». «А вы,—обращается авторъ «Пращицы» къ старообрядцамъ,—противящеся святѣй восточнѣй и великороссійской церкви, *оное по всему православное соборное дѣяніе* злѣ тщитеся изничтожити лукавствомъ своимъ ложно предъ простѣйшимъ народомъ и предъ невѣдущими премногаго вашего противленія святѣй церкви, укрывающе своя противности и непокорство. Понеже убо оное дѣяніе вашу противность и непокорство весма обличаетъ, и предъ всѣми явленно показуетъ, яко вы своимъ *непокорствомъ и противленіемъ*, *оному еретику и про-*

тивнику Мартину мниху послѣдствуете въ двоекратномъ по псалмѣхъ глаголаніи аллилуіа, и въ двоеперстномъ знаменованіи, и въ отметаніи на просфорахъ четвероконечнаго креста, и въ крещеніи, и въ вѣнчаніи, и въ хожденіи по солнцу, и въ прочихъ симъ подобныхъ противностехъ. Обаче не можетъ тма быти свѣтомъ, а свѣтъ тмою, тако убо и ваша клевета и многоковарная лжа, оную *правду онаго Соборнаго дѣянія* весма не можетъ укрыти» («Пращица», лис. 168 об.). Питиримъ съ необыкновеннымъ упорствомъ отстаивалъ всѣ постановленія Кіевскаго собора. Ссылаясь на нихъ, ему легко было доказать, что старообрядческіе обряды еретическаго происхожденія. Старообрядцы спрашивали о двоеперстіи: «Въ кая лѣта тая армянская и латинская ересь въ Россію внесеся, при которомъ державствѣ, и кто тоя ереси былъ въ Россіи преемникъ, и противъ тоя ереси былъ ли кто стоятель, и во всей ли Россіи тую ересь пріяша, или не во всей?». Питиримъ отвѣчалъ: «Внесеся таковое противное повелѣніе, еже креститися двѣма персты, въ Россію еретикомъ Армяниномъ Мартиномъ мнихомъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1149, на негоже *о таковомъ его еретическомъ ученіи* и соборъ бысть въ Кіевѣ» (лис. 96 об.). Однако «таковое его ученіе нѣціи отъ духовнаго чина пріяша», «потомъ дойде нѣкако и къ Москвѣ» и подтверждено было на Стоглавомъ соборѣ и даже «въ печатныя книги не разсмотрѣніемъ внесеся» (лис. 97). Какъ увѣряетъ Игнатій митрополитъ сибирскій и тобольскій, «*всю Россію* тако арменскій онъ смрадъ надхне и зарази, яко *едины точію престарѣлыя люди* того арменскаго ученія не пріяша, и едва спасошася» («Посланія Игнатія», стр. 95). Выходитъ—вся русская церковь съ XII вѣка включительно до патріаршества Никона была заражена многочисленными

армянскими и латинскими ересями и состояла подъ страшными и убійственными анаѳемами трехъ соборовъ: двухъ Кіевскихъ и одного Константинопольскаго и кромѣ того—подъ анаѳемами св. Ѳеогноста россійскаго митрополита и самого Мартина Армянина. Всѣхъ же проклятій и анаѳемъ на старые обряды не перечесть. Кто только не проклиналъ ихъ: клялъ и анаѳемствовалъ ихъ Константинопольскій соборъ, кляли и анаѳемствовали Кіевскіе соборы, проклиналъ Мартинъ Армянинъ, анаѳемствовалъ митрополитъ Ѳеогностъ, проклинали восточные іерархи: антіохійскій патріархъ Макарій, сербскій патріархъ Гавріилъ, никейскій митрополитъ Григорій, сучавскій митрополитъ Гедеонъ; проклиналъ соборъ 1656 г., проклиналъ и великій соборъ 1667 г., клялъ Питиримъ, клялъ синодъ, кляли русскіе архіереи. Всѣ эти проклинатели подобны огнедышащему вулкану, выбрасывающему изъ себя всеопаляющую лаву. Все заливаетъ на своемъ пути эта лава, неся въ своемъ потокѣ огненную смерть. Никого не пощадили изложенныя въ «Пращицѣ» и «Соборномъ дѣяніи» проклятія и анаѳемы: вся русская церковь за пять вѣковъ, начиная со временъ Мартина Армянина и кончая патріархомъ Никономъ, подвергнута проклятію. Преданы проклятію всѣ ея святители, всѣ ея чудотворцы, подвижники, святые мужи и жены. Великіе русскіе митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ не избѣжали этихъ проклятій, какъ не избѣжали и благочестивые московскіе патріархи: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ, подверглись проклятію и многочисленные освященные соборы русской церкви. Прокляты были и святыя книги, иконы, церковная утварь и т. п. святыня. Страшный адъ безпощадныхъ проклятій всюду проникъ и всюду произвелъ свое смертоносное дѣйствіе.

Русскимъ благочестивымъ людямъ, читавшимъ «Пращицу», выписки изъ Ѳеогностова Требника, Соборное дѣяніе на Мартина Армянина и опредѣленія новыхъ соборовъ 1656 и 1667 гг. съ проклятіями восточныхъ іерарховъ, — необходимо было избрать одно изъ двухъ: или признать, что русская древняя церковь, ихъ родная мать, дѣйствительно была заражена въ теченіе многихъ вѣковъ гибельными ересями и состояла подъ чудовищной тяжестью многочисленныхъ проклятій и анаѳемъ. Въ случаѣ этого признанія русскіе вѣрующіе люди могли жить въ своемъ отечествѣ свободно, ничего не боясь, никого не страшась, пользуясь всѣми благами міра сего. Или они должны были отвергнуть—и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина, и Ѳеогностовъ Требникъ, и новѣйшія проклятія московскихъ соборовъ и восточныхъ іерарховъ, признавъ всѣ эти акты преступными, лживыми и еретичными. За это признаніе имъ предстояло убійственное наказаніе: ссылки, заточенія, пытки и смерть. Къ чести и славѣ великаго русскаго народа, въ его средѣ нашлись мужественные, честные и праведные люди, которые смѣло и рѣшительно избрали этотъ послѣдній путь—путь страданій и мученичества.

Это были старообрядцы.

*
* *

Старообрядцы, какъ вѣрные сыны св. Церкви, усомнились въ подлинности Ѳеогностова Требника и Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина. Они подвергли безпристрастной критикѣ эти акты. Въ «Отвѣтахъ діакона Александра» и въ «Поморскихъ отвѣтахъ» старообрядческіе писатели неопровержимо и блестяще разоблачили подложность Ѳеогностова Требника и Соборнаго дѣянія на еретика Мартина. Они доказали, что никогда въ Россіи не было еретика

Мартина Армянина, не было и собора на него. Какъ Соборное дѣяніе, такъ и Ѳеогностовъ Требникъ—грубый подлогъ, нечистое дѣло не въ мѣру усердныхъ преемниковъ патріарха Никона. Съ разоблаченіями старообрядцевъ согласились и ученые изслѣдователи старообрядчества уже новѣйшаго времени. «Разъ церковное правительство,—говоритъ о немъ профессоръ Н. С. Суворовъ,—вступило на путь не евангельскій,—ему уже не трудно было, идя по наклонной плоскости, дойдти до прискорбной, такъ мало согласующейся съ характеромъ православной Церкви, мысли,—до мысли о подлогѣ. Составлено было подложное дѣяніе небывалаго Кіевскаго собора на небывалаго еретика Мартина Армянина, изъ котораго явствовало, что еще въ 1157 г. будто бы церковный соборъ въ Кіевѣ осудилъ еретика, учившаго какъ разъ тому, чему учили старообрядцы, то есть, двуперстію, сугубой аллилуіи, хожденію посолонь и проч. Соблазнъ былъ немалый, когда обитатель глухихъ керженскихъ лѣсовъ, нѣкій діаконъ Александръ, разобралъ это дѣяніе по всѣмъ правиламъ науки, указалъ историческіе анахронизмы, филологическія и палеографическія несообразности и доказалъ съ очевидностію подложность этого дѣянія» («О происхожденіи и развитіи русскаго раскола», Н. С. Суворова, стр. 64—65). П. И. Мельниковъ-Печерскій утверждаетъ, что подложное дѣяніе на Мартина Армянина составлено вслѣдствіе слѣдующей резолюціи Петра I-го: «написась нѣчто противъ раскола и сказать на Дмитрія съ братіею» («Письма о расколѣ», П. Мельникова, стр. 63, въ примѣч.). Питиримъ дѣйствительно увѣряетъ, что онъ впервые увидалъ копію Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина у Димитрія митрополита ростовскаго («Пращица», лис. 170). Послѣ же ему былъ присланъ и подлинникъ дѣянія, будто бы найденный въ Кіевѣ, въ мо-

настырѣ св. Николая Пустыннаго (лис. 170 об.),— «книга въ полдесть, на пергаминѣ писаная, плѣснію аки сѣдиною красящаяся, и на многихъ мѣстахъ моліемъ изъядена, древнимъ бѣлорускимъ характиромъ писаная» (лис. 4 об. въ концѣ «Пращицы»). Ловко обманывалъ Питиримъ русскій народъ. Но далеко не весь народъ успѣлъ онъ провести своею «плѣсенью». «Моль» строгой критики, вооруженной всѣми средствами безпристрастной науки, дѣйствительно уничтожила подлогъ. Но не уничтожила того вопіющаго преступленія и величайшаго позора, которымъ запятнало себя въ своей противостарообрядческой дѣятельности церковное правительство. Позоръ этотъ не смытъ до настоящаго времени.

Вслѣдъ за старообрядцами признали ученые люди подложнымъ и Ѳеогностовъ Требникъ. «Я нашелъ,— свидѣтельствуетъ историкъ Карамзинъ,—въ синодальной библіотекѣ подъ № 551 въ четверть листа харатейный Требникъ съ подписью Ѳеогноста митрополита... *Признаюсь, однакожъ, что сія подпись кажется мнѣ сомнительной,* то есть, новѣйшихъ временъ Ѳеогностовыхъ» («Исторія государства Россійскаго», т. IV, примѣч. 321). Еще рѣшительнѣе заявляетъ академикъ и профессоръ С. П. Шевыревъ: «Въ числѣ рукописей, означенныхъ вѣрными годами, я не привелъ Требника Ѳеогноста митрополита, который по подписи относимъ былъ къ 1329 году. *При внимательномъ взглядѣ на эту подпись сейчасъ видно, что она есть позднѣйшее произведеніе*» («Исторія русской словесности», лекціи Шевырева, част. III, изд. Москва, 1858 г., стр. 304, примѣч. къ 14 лекціи). Питиримъ и его единомышленники самымъ наглымъ образомъ оклеветали святителя Ѳеогноста и всѣхъ русскихъ архіереевъ XII-го столѣтія съ митрополитомъ кіевскимъ Константиномъ, оклеветали и константинопольскаго патріарха Луку Хризо-

ворха со всѣми подчиненными ему архипастырями. Словомъ—оклеветали всю древнюю восточную и русскую церкви, приписавъ имъ преступнѣйшія и безсмысленнѣйшія дѣянія и опредѣленія, полныя лжи, злобы, проклятій, анаѳемъ.

Ясныя, убѣдительныя, исторически и научно обоснованныя разоблаченія подлоговъ, сдѣланныя старообрядцами въ діаконовыхъ и поморскихъ отвѣтахъ, не вразумили ни Питирима и ни кого изъ тогдашнихъ архипастырей господствующей церкви. «Питиримъ, — свидѣтельствуетъ о немъ священникъ А. Синайскій,—продолжалъ пользоваться названнымъ памятникомъ и тогда, когда подлинность его была старообрядцами заподозрѣна, и когда основательно, научно и неотразимо была скоро, въ 1722 г., доказана Андреемъ Денисовымъ его подложность» «(Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 52). Діакономъ Александромъ она была выяснена еще раньше, въ 1719 году. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года Питиримъ уже ознакомился съ разоблаченіями его подлоговъ. Тѣмъ не менѣе, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовалъ слѣдующій указъ. «Книгу Соборное изложеніе о Мартинѣ еретикѣ *на утрени въ воскресные дни вмѣсто пролога читать всѣмъ вслышаніе жъ*. Дабы о прелестномъ его мудрованіи были всѣ свѣдомы и не покоряющіеся святой церкви, слыша оное прелестное ученіе еретика Мартина, обращалися ко святой матери нашей восточной апостольской церкви. *А оному проклятому еретическому преданію не ревновали.* Аще же кто по сему великаго государя указу и по вышеявленному *соборному свидѣтельствованному изложенію* отъ того прелестнаго ученія не отщетится и церкви святѣй не покорится, и *таковой оному же суду предастся, якоже и учитель ихъ треклятый еретикъ Мартинъ*» («Христіанское чтеніе», 1895 г., янв. — февр., стр. 40—41 въ прилож. и у

Синайскаго, стр. 124, прим. 2-е). Въ какую великую святыню возведенъ былъ дерзкій и позорный подлогъ. По царскому и соборному требованію, его читали въ храмахъ господствующей церкви, какъ Символъ вѣры, какъ опредѣленія вселенскихъ соборовъ. За непокореніе же этому разоблаченному уже подлогу всякому христіанину грозила смертная казнь чрезъ сожженіе. Подвергали старообрядцевъ и жестокимъ пыткамъ даже за одно «называніе книги Соборнаго дѣянія на Мартина еретика подставною» (у Синайскаго, стр. 274). Съ удивительнымъ упорствомъ русская іерархія защищала подлогъ. Она не осудила его и до нашего времени. Книга «Пращица» съ «Соборнымъ дѣяніемъ» на еретика Мартина издана въ 1721 г. по благословенію «преосвященныхъ архіеревъ», а въ 1726 и 1752 г.г. по благословенію «святѣйшаго правительствующаго синода»,—всѣ три раза послѣ разоблаченій подлога. Архіереи и синодъ знали, конечно, и безъ разоблаченій, что это—подлогъ, какъ всякій фальшивомонетчикъ знаетъ, что онъ сбываетъ фальшивыя деньги. Но имъ нельзя было отказаться отъ подлога, такъ какъ безъ него у нихъ не было рѣшительно никакихъ основаній въ защиту никоновскихъ нововведеній. Да и жаль было бросить собственное дѣтище, рожденное съ многими потугами. Кто не любитъ своего ребенка. Нельзя русской іерархіи отречься отъ Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина и потому, что тѣнь этого еретика витала уже на великомъ московскомъ соборѣ 1667 г. Въ опредѣленіяхъ этого собора былъ зачатъ злополучный Армянинъ-еретикъ. На долю же Питирима и современныхъ ему архіереевъ выпало только произвести его рожденіе. Въ 22 правилѣ собора 1667 г. постановляется: «Еще же и писаніе еже есть сложено отъ *нѣкотораго раскольника и скрытаго еретика арменскія ереси*, и напечатася невѣжествомъ и неразсудно въ Книзѣ Псал-

тирѣ со возъслѣдованіемъ, и во иныхъ (сирѣчь о сложеніи перстовъ, яко знаменатися повелѣваетъ по обычаю еже еретики армени знаменуются крестомъ), да не пріимете сіе и да никто же отъ нынѣ сему писанію вѣруетъ, ниже да держитъ, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ книгъ» («Дѣянія Собора 1667 г.,» лис. 15 и об.). Здѣсь уже вполнѣ обозначился Мартинъ еретикъ, но онъ еще «скрытъ». Болѣе сорока лѣтъ его разыскивали и раскрывали. Наконецъ, при Питиримѣ онъ явился во всемъ присущемъ ему блескѣ и величіи. Причину его появленія извѣстный государственный дѣятель и церковный писатель Т. И. Филипповъ объясняетъ единственно попыткой оправдать соборъ 1667 г. «Желаніемъ, — говоритъ Т. И., — подтвердить мнѣніе собора о мнимо еретическомъ происхожденіи дониконовскихъ обрядовъ только и можно объяснить появленіе въ печати въ мартѣ 1718 года подложнаго дѣянія небывалаго собора на небывалаго еретика Мартина Армянина, въ которомъ этому еретику, пріуроченному къ XII вѣку, присвоивается, вмѣстѣ съ еретическими заблужденіями преимущественно монофизитскаго свойства, и введеніе въ Россію воспрещенныхъ на соборѣ 1667 г. обрядовыхъ особенностей (двоеперстнаго сложенія, сугубой аллилуіи, посолонья, печатанія просвиръ крестомъ съ Распятіемъ, изображенія имени Іисусъ), и которое, несмотря на очевидные признаки грубѣйшей поддѣлки, долгое время служило опорою нашей полемики съ расколомъ и упоминается, безъ отрицанія его подлинности, даже въ «Исторіи русскаго раскола» преосвящ. Макарія (изд. 1855 г.)» (Современные церковные вопросы», Т. И. Филиппова, стр. 401). Отказаться отъ Мартина Армянина значитъ отказаться отъ собора 1667 года. Этого не можетъ сдѣлать іерархія господствующей церкви, потому что если она вступитъ на

этотъ путь отказа, то придетъ неизбѣжно къ признанію своей весьма тяжкой вины предъ древней Церковью, къ признанію правоты и истинности на сторонѣ старообрядчества. Говоря смѣло, она могла бы и должна бы именно это сдѣлать, ибо это единственно спасительный для нея путь. Но видно еще не «у пріиде часъ» для этого великаго и святаго подвига. Т. И. Филипповъ удивляется, что даже московскій митрополитъ Макарій, извѣстный богословъ и историкъ, жившій въ срединѣ XIX столѣтія, вѣрилъ въ Соборное дѣяніе на Мартина Армянина. Но какъ же ему было не вѣрить въ этотъ подлогъ, когда послѣдній освященъ всей предыдущей дѣятельностью синодальной іерархіи. Достовѣрность Соборнаго дѣянія подтверждаютъ изданныя синодомъ полемическія книги: «Прашица» и «Отвѣты» Никифора архіепископа астраханскаго (стр. 3—4 и 320—321, изд. 5-е, 1854 г.). О немъ авторитетно свидѣтельствуютъ такіе церковные историки, какъ Иннокентій архіепископъ пензенскій (въ его «Начертаніи церковной исторіи», отд. II-е, вѣкъ 12-й, стр. 198, изд. 7-е, 1849 г.), Амвросій епископъ саратовскій (въ его «Исторіи россійской іерархіи», т. I, час. I, гл. 2-я, стр. 496, изд. 1827 г.). и другіе писатели и защитники господствующей церкви. Даже такое высшее учебное заведеніе, какъ петроградская духовная академія, готовила ученыхъ апологетовъ подлога. Въ январѣ 1804 г. на публичномъ академическомъ собраніи было прочитано кандидатомъ богословія Ив. Лавровымъ: «Разсужденіе о Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина». Авторъ «Разсужденія» безъ всякаго стыда пытался доказать подлинность и достовѣрность очевиднѣйшаго и грубѣйшаго подлога. Въ благодарность за его цинизмъ «Разсужденіе» его было «печатано при святѣйшемъ синодѣ» того же 1804 года. Что всего удивительнѣе, даже въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева встрѣчаются

свѣдѣнія о небываломъ Мартинѣ Армянинѣ и небывшемъ соборѣ на него (кн. I, т. III, столб. 729, изд. 3-е, Т-ва «Обществ. Польза»). Соловьевъ неосторожно довѣрился духовнымъ писателямъ господствующей церкви и хотя въ послѣдующемъ изложеніи «Исторіи Россіи» подаетъ мысль, что Соборное дѣяніе на Мартина подложно (кн IV, т. XVI, стол. 253), но допущенную раньше неосторожность оставилъ неисправленной.

Господствующей церкви трудно отказаться отъ Соборнаго дѣянія на еретика Мартина, ибо о немъ она возвѣщаетъ даже въ богослужебныхъ книгахъ, прославляя одного изъ своихъ святыхъ, Димитрія Ростовскаго, за его ревностную борьбу съ никогда несуществовавшимъ Мартиномъ Армяниномъ. Въ службѣ Димитрію поется: «Буря ересей отъ преисподнихъ чрезъ Арія во Греціи возродившаяся, а въ послѣдняя лѣта *происками Мартина Арменина чрезъ брынскихъ скитоначальниковъ возникшая въ нашемъ отечествѣ*, готова была опровегнуть тишину единыя, святыя соборныя и апостольскія церкви: ты же, пастырь добрый, положивый душу твою за овцы, прогнавъ оныхъ душепагубныхъ волковъ, бурю суемудрія укротилъ еси, вѣрныя же научилъ еси Тріипостасному Богу взывати: Аллилуія» (кондакъ 4-й, въ Службѣ Димитрію Ростовскому, изданной синодомъ въ 1801 г., лис. 33). Служба Димитрію Ростовскому съ прославленіемъ этихъ его «подвиговъ» печатается и въ наше время (у насъ имѣется изданіе 1891 года, см. въ немъ лис. 38 об.).

Знаменитые подлоги—Ѳеогностовъ Требникъ и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина имѣютъ весьма цѣнное историческое и церковно-догматическое значеніе. Какъ историческіе документы, они чрезвычайно ярко свидѣтельствуютъ о томъ, на что способна была духовная іерархія петровской эпохи и какими пріемами и средствами боролась она съ старообрядчествомъ.

Какъ церковно-догматическіе акты, эти подлоги раскрываютъ вѣрованія и убѣжденія іерархіи господствующей церкви. Вѣдь это *она* написала проклятія въ подложномъ Ѳеогностовомъ Требникѣ. Вѣдь проклятія и анаѳемы Константинопольскаго и Кіевскихъ соборовъ—ея собственное произведеніе. Это *она* объявила еретичествомъ двоеперстіе, сугубую аллилуію, хожденіе посолонь и другія преданія и обычаи церковные и предавала ихъ жестокимъ анаѳемамъ. Каждая строчка этихъ подлоговъ освящена и закрѣплена какъ истина согласіемъ, одобреніемъ, благословеніемъ и утвержденіемъ всей іерархіи господствующей церкви. Говоримъ *всей*, потому что изъ ея среды не раздалось въ теченіе столѣтій ни одного осуждающаго протеста противъ сфабрикованныхъ ею подлоговъ. Да и не могло быть подобнаго протеста, ибо вся іерархія такъ вѣровала и мыслила, такъ утверждала и опредѣляла, какъ изложено въ ея подлогахъ. Питиримъ свидѣтельствуетъ, что къ Соборному дѣянію на Мартина Армянина не онъ одинъ причастенъ. «Азъ писахъ про оное Соборное дѣяніе не отъ себе,—заявляетъ онъ,—но писахъ о немъ самую истину, понеже оное поручено бысть мнѣ ради списанія преосвященнымъ *Димитріемъ митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ*» («Пращица», лис. 167 об.). «И преосвященный Іоасафъ митрополитъ кіевскій — увѣряетъ Питиримъ, — оную обрѣтенную книгу, Соборное дѣяніе, *соборнѣ свидѣтельствовалъ*» (лис. 170 об. и 172 об.). Особенную заботу о Соборномъ дѣяніи проявилъ патріаршій намѣстникъ, Стефанъ митрополитъ рязанскій и муромскій (лис. 170 об. и 171). Питиримъ рѣшается утверждать, что даже Самъ Богъ помогъ отыскать этотъ кощунственный и дерзкій подлогъ (лис. 176). Столь великой святыней признаетъ іерархія господствующей церкви Соборное дѣяніе на Мартина Армя-

нина. По своему содержанію и авторитету Ѳеогностовъ Требникъ и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ великій московскій соборъ 1667 г. Соборъ—дѣло офиціальное, тутъ по необходимости будешь сдержаннымъ и осторожнымъ. Подлоги же—дѣло интимное, задушевное. Сваливая ихъ на другихъ лицъ, авторы подлоговъ не стѣсняются вкладывать въ это свое творчество подлинную *свою* душу, ничѣмъ не прикрашенную и не прикрытую, излагаютъ въ подлогахъ искренія *свои* помыслы и чувствованія, раскрываютъ въ нихъ подлинную *свою* вѣру и настоящее лицо *свое*. Здѣсь имъ нечего и некого стыдиться, разъ они разыгрываютъ въ подлогахъ другихъ лицъ. И авторы Ѳеогностова Требника и Соборнаго дѣянія дѣйствительно ничего не стѣсняются: они—точно въ купальнѣ или у себя въ спальнѣ, ходятъ здѣсь совсѣмъ распоясанными и даже нагишомъ. По этимъ подлогамъ мы безошибочно знаемъ—кто они по своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, по своимъ дѣламъ и поступкамъ. Замѣчательно, что и преемники творцовъ Ѳеогностова Требника и Соборнаго дѣянія видѣли въ этихъ подлогахъ собственное лицо и свою душу. Иначе они не воспѣли бы Димитрія Ростовскаго, какъ борца съ Мартиномъ Армяниномъ и съ его «бурей ересей». Службой Димитрію синодальная іерархія еще тверже закрѣпила Соборное дѣяніе на Мартина Армянина и изложенныя въ немъ проклятія и анаѳемы. Откровенно говоря, въ этой службѣ какъ и въ подлогахъ, осуждается не кто иной, какъ вся древняя Церковь—и русская и восточная, ибо въ роли Мартина, именно въ его защитѣ старыхъ обрядовъ (двоеперстія, сугубой аллилуіи, посолоннаго хожденія и друг.), выведена она съ своими соборами и святителями. И всѣ многочисленныя анаѳемы, наполняющія подлоги, произнесены именно на нее, древнюю

Церковь, на ея святителей и многочисленнный сонмъ угодниковъ Божіихъ. Не Мартинъ еретикъ,—его вѣдь не было,—училъ двоеперстію и сугубой аллилуіи, а наши древніе святители, московскіе чудотворцы: Петръ, АлексѢй, Іона, Филиппъ; наши благочестивые патріархи: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ. Не Мартинъ ссылался на Ѳеодоритово слово о двоеперстіи и на клятву на некрестящихся двоеперстно, а святой Стоглавый соборъ съ присутствовавшими на немъ святыми русской церкви: Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, Гуріемъ и Варсонофіемъ казанскими чудотворцами, Филиппомъ московскимъ чудотворцемъ и другими святыми мужами и подвижниками. Не Мартинъ Армянинъ училъ посолонному хожденію, а наши древніе служебники, потребники и уставы. Въ лицѢ Мартина новая церковь анаѳемствовалъ всѢ наши древнія книги и иконы съ двоеперстнымъ на нихъ сложеніемъ, всѢхъ ихъ составителей и писателей, всѢхъ служившихъ по этимъ книгамъ, всѢхъ молившихся на эти иконы—весь народъ, всю Церковь. Это—наиболѣе тяжкое преступленіе новой іерархіи. Собственно къ этому преступленію и сводились всѢ ея пресловутыя реформы. Проклятіе на старую вѣру — вотъ сущность новой вѣры. Отсюда ясно, кто въ отношеніи къ древней Церкви состоитъ съ нею въ расколѢ—старообрядцы ли или никоніане.

Ѳеогностовъ Требникъ и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина имѣютъ значеніе и въ томъ еще отношеніи, что свидѣтельствуютъ о глубокой древности проклинаемыхъ новой церковью обрядовъ. Составители подлоговъ, какъ видимъ, были убѣждены, что двоеперстіе, сугубая аллилуія и другіе обычаи,—изъ-за которыхъ поднялись споры въ XVII вѣкѢ, появились на св. Руси не позднѣе, какъ въ XII вѣкѢ и были въ непрерывномъ употребленіи въ русской церкви цѣлыхъ

пять вѣковъ; тогда какъ о новыхъ введенныхъ Никономъ обрядахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, кромѣ, конечно, подлоговъ.

Сфабрикованные подлоги оклеветали даже армянъ, которые знаменаются совсѣмъ не двоеперстіемъ, а триперстіемъ, о чемъ сами они свидѣтельствуютъ въ своихъ вѣроучительныхъ книгахъ. Въ одной изъ нихъ армянскій протоіерей Максимаджіанъ заявляетъ: «Нѣкоторые полагаютъ, что армяне кладутъ на себя крестъ, будто бы, четырьмя пальцами, пригнутыми къ ладони. Мнѣніе это ошибочно. *Крестное знаменіе у армянъ троеперстное* и совершается такимъ образомъ: складываются три первыхъ пальца правой руки — большой, указательный и средній вмѣстѣ; два другихъ пальца— безымянный и мизинецъ прикладываются къ ладони. Правую руку со сложенными пальцами кладутъ сначала на чело, произнося: «во имя Отца», затѣмъ нѣсколько ниже груди и произносятъ: «и Сына», далѣе на лѣвую и на правую стороны груди, съ произнесеніемъ: «и Духа Святаго», въ подтвержденіе же истинности всего этого, кладя на грудь, говорятъ: «аминь». Изъ всего вышесказаннаго, — заключаетъ духовный представитель армянъ, — ясно вытекаетъ догматическій и обрядовый духъ и характеръ армянской церкви». («Краткій очеркъ вѣроисповѣданія армянской церкви». Составилъ прот. С. Максимаджіанъ, по благословенію армянскаго патріарха. Изд. 2-е, 1909 г. въ Ростовѣ н/Д., стр. 40—41). Цѣлыя столѣтія упрекали старообрядцевъ ихъ обвинители въ подражаніи и послѣдованіи армянамъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что сами они, эти обвинители,—подражатели армянъ, и въ пользу триперстія никого не могутъ привести, кромѣ армянъ, да своихъ подлоговъ.

«Пращица» своею доказательностью можетъ произвести на незнакомаго съ дѣломъ читателя сильное впечатлѣніе. Въ защиту введенныхъ Никономъ обрядовъ Питиримъ указываетъ на весьма древнихъ святителей русской церкви и даже на самихъ апостоловъ. При самомъ крещеніи Руси, — утверждаетъ авторъ «Пращицы»,—«князь Владимиръ и вси духовнаго и мірского чина, съ начала вѣры, юже пріяша отъ восточныя церкве, пріяли тогда знаменатися треми первыми персты, а не двѣма: понеже Михаилъ митрополитъ, Ѳеопемптъ, и Константинъ свидѣтельствуютъ и показуютъ, яко тако они пріяли знаменатися отъ восточныхъ патріарховъ; съ нимиже и патріархъ восточный Лука Хризоверхъ тожде утверждаетъ, еже знаменатися треми же первыми персты, со свидѣтельствомъ писанія святаго Софроніа патріарха, такожде творити повелѣвающа» (лис. 62). Этихъ весьма авторитетныхъ свидѣтелей Питиримъ приводитъ довольно часто, иногда прибавляя къ нимъ новыхъ еще болѣе авторитетныхъ. «А яко восточныя церкве древнее преданіе—утверждается отъ множайшихъ свидѣтельствъ, — продолжаетъ увѣрять Питиримъ,—якоже видѣти есть: Въ первыхъ, десная рука святаго апостола Андреа, имѣетъ три первыя персты совокуплены. Второе, святый Софроній патріархъ іерусалимскій повелѣ треми же первыми персты креститися. Третіе, цареградскій патріархъ Лука, пореклу Хризоверхъ, всесоборнѣ треми же первыми персты повелѣша креститися. Четвертое, кіевскіи святіи митрополити: Михаилъ, Ѳеопемптъ, Константинъ треми же первыми персты повелѣша креститися» (лис. 284 об., 293 и об. и друг.). Въ другихъ мѣстахъ своей книги Питиримъ указываетъ еще на руку преподобнаго Комненоса, имѣющую триперстное сложеніе (лис. 149 и об.), на саккосъ митр. Ѳотія и омофоръ «отъ лѣтъ шестого вселенскаго собора», на этихъ ве-

щахъ вышито именословное перстосложеніе (лис 185 и 388 об.); на Корсунскій крестъ, на которомъ также есть именословное перстосложеніе (лис. 185 об.), на богородичную икону, именуемую Іерусалимской, «юже написаша святіи апостоли по вознесеніи Господни на небеса», на ней также изображено именословное перстосложеніе (лис. 185 об.). Кромѣ этихъ чрезвычайно убѣдительныхъ доказательствъ у Питирима было еще много другихъ. Но,—заявляетъ авторъ «Пращицы»,— «прочая же свидѣтельства писати множества ради оставляю» (тамъ же.) И безъ того сочиненіе Питирима разрослось въ огромную книгу. Читателямъ «Пращицы» оставалось вѣрить выставленнымъ въ ней доказательствамъ. Какъ не повѣрить древности триперстія, именословнаго перстосложенія, трегубой аллилуіи и проч. никоновскихъ установленій, когда о нихъ свидѣтельствуютъ древніе наши русскіе святители, восточные патріархи и даже сами апостолы. Но откуда Питиримъ взялъ всѣхъ этихъ весьма авторитетныхъ свидѣтелей? Въ нашу задачу не входитъ—разбирать и критиковать «Пращицу», мы лишь выясняемъ ея качества и характеръ и пріемы автора. Именно съ этою только цѣлію мы кратко отмѣтимъ достоинство приводимыхъ Питиримомъ историческихъ свидѣтельствъ.

Еще совопросники Питирима спрашивали его: гдѣ же это, въ какомъ писаніи, свидѣтельствуютъ о троеперстіи и трегубой аллилуіи кіевскіе митрополиты: Михаилъ, Ѳеопемптъ, Константинъ и восточные патріархи—Лука и Софроній? Питиримъ безъ всякаго стѣсненія отвѣчалъ: «Оныхъ святыхъ митрополитовъ кіевскихъ оная поученія написана въ Соборномъ дѣяніи собора онаго, иже бѣ въ Кіевѣ, во дни святаго митрополита Константина на еретика Мартина Армянина». (лис. 382). Тамъ же находится свидѣтельство и патріарховъ Луки Константинопольскаго и Софронія Іерусалим-

скаго (лис. 58 об., 59 об., 61 и об. и друг.). Въ какомъ-либо другомъ источникѣ Питиримъ не могъ ихъ указать, такъ какъ кромѣ дерзкаго подлога у него ничего другого не имѣлось подъ руками. Но онъ не ограничился только однимъ Соборнымъ дѣяніемъ на Мартина Армянина, да Ѳеогностовымъ Требникомъ. Его опыты въ дѣлѣ подлоговъ шли дальше. Онъ ссылается на Іерусалимскую икону Пресвятой Богородицы, находящуюся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Объ этой иконѣ вотъ что свидѣтельствуютъ знаменитые «Поморскіе отвѣты»: «На Москвѣ въ соборнѣй Успенской церкви, на образѣ Пресвятыя Богородицы, иже именуется Іерусалимскій, у святыхъ по краемъ, греческимъ изображеніемъ писанныхъ, яко у апостоловъ: Петра, Іоанна и Марка благословящія, тако у мучениковъ, Димитрія и Меркурія, молебныя руки, *сложеніе перстъ воображено двѣма перстома*» (отв. на 5 вопросъ, стр. 50, изд. московскаго братства Честн. Креста). Правда, на этой иконѣ есть и именословное перстосложеніе, но оно явилось здѣсь вслѣдствіе того, что «образъ той весь поновленъ зрится и якоже видомъ поновленія, новымъ живописцемъ, а не древнимъ согласуетъ, — тако и рукою благословеніе нынѣшнее, а не древнее являетъ» (тамъ же, стр. 129). Неумѣренные поклонники триперстія и именословнаго перстосложенія дѣйствительно поновляли древнія иконы на новый ладъ. Извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ свидѣтельствуетъ, что въ древнемъ Софійскомъ соборѣ, построенномъ въ Кіевѣ при Ярославѣ Мудромъ (XI в.), были изображены святые съ двоеперстнымъ сложеніемъ, но потомъ, уже въ XIX вѣкѣ, они оказались съ триперстіемъ. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Соборъ поновлялся при Кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ Амфитеатровѣ (съ 1837 по 1857 г.); «иконописецъ Пѣшехоновъ въ одной изъ стѣнописныхъ кар-

тинъ собора вздумалъ *открыть контуры двуперстнаго сложенія и, довѣряяся старинамъ очертаніямъ, прописалъ было ручки по этимъ абрисамъ*. Но, къ счастью(?) для кіевскихъ святынь, Пѣшехоновъ не укрылся этимъ отъ вниманія досужихъ людей, которые довели о томъ до вѣдома митрополита, и дѣло было поправлено: антикварныя вольности (?) Пѣшехонова были отстранены, и *святые отцы древняго собора сложили свои ручки троеперстно*» («Мелочи архіерейской жизни», Н. С. Лѣскова, стр. 77, по изд. Тузова, 1879 г.). Такимъ образомъ переправлены перстосложенія во многихъ древнихъ соборахъ и храмахъ. Питиримъ не находитъ въ этой передѣлкѣ ничего предосудительнаго. «Аще кто, — заявляетъ авторъ «Пращицы», — таковое сложеніе перстовъ переправитъ, въ таковомъ преписаніи нѣсть никоего погрѣшенія» (лис. 192). Не находитъ онъ никакого погрѣшенія и ссылаться на переправленныя иконы, вводя этимъ въ обманъ довѣрчивыхъ читателей.

Ссылается онъ на Корсунскій крестъ. Но о немъ такія свѣдѣнія даются въ «Поморскихъ отвѣтахъ»: «Въ лѣто 6496, егда князь Владиміръ взя Корсунь градъ греческій, и святое крещеніе въ Корсунѣ прія, и взя изъ Корсуня крестъ великій запрестольный, иже нынѣ на Москвѣ въ соборной Успенской церкви. На ономъ крестѣ, на праздницѣ Вознесенія, у Спаса благословящая рука, и на праздницѣхъ Рождества и Благовѣщенія у ангеловъ благословящія руки; на немъ же у святыхъ апостолъ Петра, Варѳоломіа, Матѳея и Марка сложенныя персты, и на праздницѣ Срѣтенія у святыя Анны молебная рука воображены рѣзнымъ и изваяннымъ художествомъ, у всѣхъ сихъ сложены три персты: *палецъ съ двѣма послѣднима, а два перста, указательный и великосредній, совокуплена на знаменованіе*» (стр. 27—28, сн. стр. 131—133, изд. Братства).

Болѣе усердно Питиримъ ссылался на руку апостола Андрея, находящуюся тоже въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ (лис. 132, 146 и об., 149 об., 193 об., 284 об.). Въ книгѣ «Увѣтъ» помѣщенъ даже снимокъ съ этой руки, ясно изображающій никоніанское триперстіе («Увѣтъ», лис. 240 об., изд. 1882 г.). На самомъ же дѣлѣ рука апостола Андрея никакого подобія неимѣетъ съ триперстнымъ сложеніемъ. Издатели «Поморскихъ отвѣтовъ», вышедшихъ заграницей въ 1884 г., свидѣтельствуютъ: «Въ 1872 году мы самолично и со вниманіемъ разсматривали эту святую руку и нашли въ ней только три перста: второй, третій и четвертый, неимѣющіе однакожъ никакого одинъ къ другому сложенія, а двухъ перстовъ: перваго и пятаго совсѣмъ нѣтъ» («Поморскіе Отв.» Мануиловскаго изд., стр. 56, въ примѣч.). Миссіонеры господствующей церкви вынуждены были заявить въ 1887 г., во время пройсходившаго въ Москвѣ перваго миссіонерскаго съѣзда, что рука апостола Андрея дѣйствительно не имѣетъ триперстнаго сложенія: «Въ Увѣтѣ» приведено сказаніе о принесеніи въ Москву руки святаго апостола Андрея, имѣющей явственно троеперстное сложеніе, снимокъ котораго и приложенъ къ книгѣ, а между тѣмъ,—сознаются миссіонеры,—рука сія *въ настоящее время такого перстосложенія не представляетъ*, и это благопріятствуетъ возраженіямъ противъ приведеннаго въ «Увѣтѣ» свидѣтельства, сдѣланнымъ еще въ «Поморскихъ отвѣтахъ» («Съѣздъ противораск. миссіонеровъ въ Москвѣ», стр. 38) По присущему миссіонерамъ лукавству они не сказали правды вполнѣ. Изъ ихъ признанія можно заключить, что только «въ настоящее время» рука апостола Андрея не имѣетъ вида триперстія, а раньше была съ триперстнымъ сложеніемъ. Однако сохранившіеся три перста: указательный, великосредній и безымянный свидѣтельствуютъ,

что апостольская рука никогда не имѣла триперстнаго сложенія. Мы сами лично видѣли эту руку и поэтому смѣло и рѣшительно утверждаемъ, что Питиримъ говорилъ сознательную ложь о рукѣ апостола Андрея.

Такую же ложь онъ говорилъ и о рукѣ Комненоса, при чемъ приводитъ о ней свидѣтельство патріарха Іоакима, такого же достовѣрнаго свидѣтеля, какъ самъ Питиримъ. «Тая святая рука,—повѣствуетъ Питиримъ,—въ та лѣта была съ прочими святыми мощми въ Благовѣщенскомъ соборѣ не запечатана и о той рукѣ во увѣдѣніе всероссійскому народу во оной книжицѣ («Извѣщеніе о чудеси») объявлено, а послѣди того времене въ шестое лѣто, егда и оную святую апостольскую руку, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, разпечатавъ вышеобъявленный ковчежецъ, обрѣте ю, и испытавъ извѣстно, како принесена изъ Царяграда въ царствующій градъ Москву, кѣмъ и который прислалъ патріархъ, и при коемъ всероссійскомъ царѣ, и патріархѣ: и о томъ о всемъ въ прошедшемъ 7191 годѣ въ книгѣ Увѣтѣ напечатано подлинно, на листѣ 247, на оборотѣ. И тако о оныхъ рукахъ, якоже о Комненосовѣ, въ книжицѣ о извѣщеніе чудесе, тако и о апостолской, въ книгѣ Увѣтѣ духовномъ, напечатано *о семъ сущее вѣдѣніе*. И тако о оныхъ святыхъ рукахъ сынове святыя церкве извѣстны, съ вѣрою приходяще во оныя святыя соборныя церкви, любезно цѣлуютъ и покланяются тымъ. Послѣди же оныхъ книгъ о извѣщеніи чудесе и Увѣта въ прочихъ книгахъ о оныхъ святыхъ рукахъ во извѣстіи печатію не повторяютъ, *понеже и оными книгами о нихъ всѣмъ объявлено подлинно*» (лис. 149 и об.). Іоакимъ утверждаетъ, что онъ соборнѣ и всенародно свидѣтельствовалъ руку Комненоса, и всѣ видѣли, что въ ней ясно триперстное сложеніе. «Приложитися можетъ въ обличеніе упорно-противящихся,—говоритъ онъ,—десница преподобнаго

отца Комненоса, архимандрита обители Пресвятыя Богородицы, яже близъ Иконіи, многотрудно гробъ Господень и прочая мѣста святая посѣтившаго, и по преставленіи явльшагося, мощьми же честными въ нетлѣніе пребывающаго, юже десницу принесе въ царствующій градъ Москву, святѣйшій киръ Θеофанъ патріархъ іерусалимскій, въ лѣто 7127. Та же десница и днесь *имать три первыя персты совокуплены*, свидѣтельствующія, како той преподобный отецъ во всемъ житіи крестное знаменіе творяще, и дѣломъ обличающія не покоривыя: чесо ради во прошедшее лѣто 7170 въ недѣлю православія, при блаженныя памяти, благочестивѣйшемъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ: и *при всемъ освященномъ соборѣ, и всемъ пресвѣтломъ царскомъ сиклитѣ, всему міру явѣ народствовася:* да вси видяще очима своима *треперстное сложеніе*, не къ тому прекати дерзаютъ собѣдствомъ спасенія душъ своихъ» («Извѣщеніе чудесе о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ, Іоакима, патр. московскаго». Печатано въ Москвѣ въ 1677 г., іюля 15 дня, лист. 13—14). Кто же посмѣетъ сомнѣваться въ столь достовѣрномъ свидѣтельствѣ и весь освященный соборъ, и весь царскій сиклитъ, и весь міръ—всѣ видѣли, собственными глазами, что рука Комненоса имѣетъ триперстное сложеніе. Развѣ можетъ тутъ закрасться у кого-либо хотя малѣйшее сомнѣніе. Всѣ «сынове» новой церкви искренно довѣрили такимъ безспорнымъ увѣреніемъ своихъ пастырей. Одни только старообрядцы терпѣливо ждали, что изъ этого выйдетъ. И дождались чуда—большого чуда. Чрезъ двѣсти лѣтъ о той же рукѣ Комненоса услышали они такое достовѣрное свидѣтельство со стороны московскаго миссіонерскаго братства имени св. Петра митрополита: «Въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ,—заявляетъ

братство, — хранится въ серебряномъ ковчегѣ часть нетлѣнныхъ мощей, именно, рука св. архимандрита Комненоса, *персты которой представляютъ явственное именословное сложеніе*» («Выписки Озерскаго», ч. 2, стр. 327, изд. 1883 г., по изд. 1896 г. стр. 361). Все было триперстіе у Комненоса, всѣ видѣли именно триперстіе; это удостовѣряетъ соборъ, свидѣтельствуетъ патріархъ Іоакимъ, видѣлъ весь міръ. Но прошло два столѣтія и триперстіе Комненоса превратилось въ именословное перстосложеніе. Не превратится ли оно въ концѣ-концовъ въ двоеперстіе. Поживемъ—увидимъ. Сомнительны и саккосъ и омофоръ, на которые сослался Питиримъ. Они давно заподозрѣны въ поддѣлкѣ. Не оправдывается ссылка Питирима и на грека Константина Панагіота, который будто бы «еже двѣма персты креститися ересію латинскою нарицаетъ» (лис. 97 об.). Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ «Кирилловой» (лис. 236), на которую сослался Питиримъ. Панагіотъ обличалъ латинъ не за двоеперстное сложеніе, а за ихъ собственное, латинское сложеніе, въ которомъ большой палецъ не пригибается къ двумъ послѣднимъ пальцамъ, а стоитъ особнякомъ «въ скрай длани», т.-е. они знаменуются тѣми же тремя перстами, что и никоніане, но только не совокупляютъ ихъ въ кучку, а держатъ прямо. Въ книгѣ же «Кирилловой» ясно повелѣвается слагать персты по-старообрядчески—именно двоеперстно (лис. 178).

Приводитъ Питиримъ проклятіе на латинъ, крестящихся двумя перстами, изложенное въ «старопечатномъ Требникѣ» (лис. 98). Но не указываетъ: гдѣ, въ какомъ году и при какомъ царѣ или патріархѣ изданъ этотъ Требникъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что изданіе его созрѣло въ одной головѣ Питирима и больше нигдѣ нельзя видѣть этотъ Потребникъ. Въ старопечатномъ Потребникѣ патріарха

Филарета имѣется проклятіе за перстосложеніе, но только вотъ какого содержанія: «иже не креститъ двѣма перстами, яко Христосъ, да будетъ проклятъ» (въ чинѣ обращающимся отъ фалисинъ). Такое же проклятіе изложено и въ старописьменномъ сборникѣ, лично принадлежавшемъ московскому патріарху Ермогену, нынѣ канонизованному господствующей церковью. Именно въ «проклятіи латинскимъ ересемъ» провозглашается: «иже кто не креститъ (или,—замѣчаетъ въ скобахъ профессоръ Е. В. Барсовъ,—что то же, не крестится) двумя перстами, яко же Христосъ, да будетъ проклятъ». «Это проклятіе,—свидѣтельствуетъ только что названный профессоръ,—за отступленіе отъ двоеперстія повторяется во множествѣ Кормчихъ XIV, XV и XVI вв. и наконецъ узаконяется Стоглавымъ соборомъ» (журналъ «Свѣтильникъ», 1913 г., № 2, стр. 8).

Свидѣтельство пр. Максима Грека о двоеперстіи и о сугубой аллилуіи Питиримъ упорно опровергаетъ, заявляя, что это не Максимъ написалъ, а какой-либо лжецъ (лис. 140 об. и 297). На самомъ же дѣлѣ, какъ теперь удостовѣрено учеными изслѣдователями, препод. Максимъ Грекъ дѣйствительно писалъ о сугубой аллилуіи, доказывая ея правильность, и о двоеперстіи, свидѣтельствуя, что оно есть «тайное апостольское преданіе». «О подлинной принадлежности слова Максиму не можетъ быть никакого спору»,—рѣшительно заявляетъ профессоръ Е. Голубинскій (книга его: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», стр. 172, въ примѣч., изд. 1905 г.). Между тѣмъ казанская духовная академія, издавая сочиненія пр. Максима Грека, выбросила изъ нихъ два его слова: одно—объ аллилуіи, другое—о двоеперстномъ сложеніи. Очевидно академія пошла по слѣдамъ творца подложныхъ актовъ—Питирима. Доцентъ московской

духовной академіи Н. Лебедевъ свидѣтельствуетъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненій Максима Грека переправлены тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о сугубой аллилуіи и о двоеперстіи «Сочиненія о сугубой аллилуіи и двоеперстіи. находятся, — говоритъ г. Лебедевъ, — и въ другихъ лаврскихъ спискахъ сочиненій Максима (Грека) №№ 200, 201. Въ № 200 слова о сугубой аллилуіи (л. 274) и двуперстіи (л. 281) *подчищены и замѣнены* соотвѣтственно православному обычаю» («Макарій митрополитъ всероссійскій», Н. Лебедева, изд. Москва 1877 года, стр. 111, въ примѣчаніи). Ремесло подлоговъ и поддѣлокъ стало, какъ видно, обычнымъ дѣломъ у защитниковъ никоновскихъ нововведеній. Заниматься ими вынудила ихъ крайняя необходимость, ибо въ защиту своихъ новыхъ обрядовъ они до сихъ поръ не могутъ отыскать ни одного древняго свидѣтельства. Не имѣлъ его и Питиримъ. Вотъ почему «Пращица» его и наполнена одними лишь подлогами и собственными проклятіями.

* * *

Питиримъ всѣми силами старался опорочить и объеретичить древнюю русскую церковь. Онъ утверждалъ, что не только обряды ея еретичны и заимствованы отъ различныхъ еретиковъ, но самыя таинства ея имѣютъ печать еретичности, напр., таинство исповѣди. Въ чинѣ ея совершенія,—заявляетъ Питиримъ,—находится «повелѣніе *сущее отъ латинскаго костела.* Въ старопечатномъ Требникѣ печатано при патріархѣ Іосифѣ, въ лѣто 7159, на листѣ 155, сице: исповѣдаюся азъ многогрѣшный Господу Богу Вседержителю, Пречистой Его Богоматери святѣй Богородицѣ, и святымъ небеснымъ силамъ, и всѣмъ святымъ его. Тако и на листѣ 156 и на листѣ 161, и на листѣ 164, 165, на оборотѣ, и на листѣ 170, на обо-

ротѣ, и на листѣ 174. На всѣхъ убо оныхъ листахъ напечатано тако якоже у римлянъ, *по опредѣленію костелному*, повелѣно кающемуся говорити въ началѣ исповѣданія сице: исповѣдаюся азъ многогрѣшный Господу Богу Вседержителю, и Пречистой Его Матери святѣй Богородицѣ, и святымъ небеснымъ силамъ, и всѣмъ святымъ Его. Но святая восточная церковь и вси святіи восточніи, иже писаху о покаяніи грѣшнаго человѣка, повелѣша каятися точію единому Господу Богу, понеже къ Нему согрѣшихомъ. А еже каятися къ Богородицѣ, и къ небеснымъ силамъ, и ко всѣмъ святымъ, таковаго повелѣнія нѣсть и не обрѣтается въ восточнѣй церкви, и у святыхъ отецъ. И якоже сіе, такожде многое и излишнее вопрошеніе неподобное, церковію святою непріятое, *развѣ точію въ костелѣ у римлянъ обрѣтается*: и того ради святая великороссійская церковь не послѣдуетъ *повелѣнію костела римскаго*» (лис. 263 об). Конечно, Питиримъ безсиленъ былъ доказать хотя какую-либо погрѣшность въ этомъ исповѣданіи. Онъ впрочемъ и не пытался доказывать, а лишь голословно утверждаетъ, что это—«повелѣніе римскаго костела». Въ чинѣ исповѣди, напечатанномъ въ Іосифскомъ Требникѣ, разрѣшаетъ отъ грѣховъ Христосъ, а не Богородица и не святыя небесныя силы. Исповѣдать же грѣхи нигдѣ и никто изъ св. отцовъ Церкви не запрещалъ предъ св. Богородицей. По Потребнику исповѣдающійся кается предъ священникомъ. Питиримъ же, какъ можно заключить изъ его нападокъ на Іосифскій Требникъ, требуетъ каяться только Единому Богу. Однако въ никоновскомъ Требникѣ отводится главная роль въ исповѣди священнику. Именно онъ заявляетъ кающемуся: «Азъ, недостойный іерей, властію мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца,

и Сына, и Святаго Духа, аминь». Современные богословы въ этой формулѣ отпущенія грѣховъ находятъ именно латинство—отзвукъ римскаго костела. Никоновскіе справщики несомнѣнно были подъ сильнымъ вліяніемъ латинства. Оно сказалось и на ихъ книжной исправѣ. Эпоха же Петра I-го, когда дѣйствовалъ Питиримъ, совсѣмъ была во власти западно-латинскихъ вліяній. Странно поэтому слышать отъ Питирима упрекъ древней русской церкви въ латинствѣ.

Онъ указываетъ еще одну латинскую погрѣшность, допущенную въ старопечатныхъ книгахъ. «Выходу патріарха Іова,—говоритъ Питиримъ,—и по патріархѣ Ермогенѣ, между патріаршества, въ Служебникахъ въ крещеніи младенцевъ немощныхъ вмѣсто погруженія напечатано обливать трижды рукою, *и сіе не восточныя церкве обычай, но римскаго костела*» (лис. 53 об.). «Обаче,—замѣчаетъ авторъ «Пращицы»,—сія вся и симъ подобная творяху по невѣдѣнію, а не по противленію» (лис. 83). Обливаніе даже больныхъ младенцевъ Питиримъ признаетъ «погрѣшеніемъ и ересью» (лис. 90 об.). О немъ онъ не разъ говоритъ въ своей книгѣ (см. еще лис. 226 об., 289 и об.). Дѣйствительно обливаніе больныхъ младенцевъ допущено въ Іовскомъ Потребникѣ и въ между патріаршескомъ по неосмотрительности. Это былъ періодъ страшной смуты въ Россіи: наше отечество переходило изъ рукъ въ руки то бояръ, то самозванцевъ, то польскихъ вождей и просто разбойничьихъ шаекъ. При такой тяжкой государственной разрухѣ весьма возможны разнаго рода недосмотры и промахи и въ церковной жизни и дѣятельности. Но они тотчасъ же были исправлены, какъ только водворился въ Россіи порядокъ и во главѣ церковной іерархіи сталъ такой сильный и энергичный спаситель русскаго государства, какъ патріархъ Филаретъ. Состоявшійся

при немъ и подъ его руководствомъ соборъ 1620 г. твердо и безповоротно постановилъ признавать обливаніе ересью и ни въ какомъ случаѣ его не допускать. «Иже не креститъ въ три погруженіи,—изрекается въ Филаретовскомъ Потребникѣ, — во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ» (гл. 79, лис. 72). Что же сдѣлала новая никоновская церковь, которую защищалъ Питиримъ, съ этимъ соборнымъ постановленіемъ древней русской церкви, такъ строго осудившей обливаніе? Она на соборѣ 1667 г. отвергла это постановленіе и признала обливаніе дѣйствительнымъ крещеніемъ («Дѣянія собора 1667 г.», лис. 72 об., 73—74). Не много же позднѣе, именно въ 1724 году, она объявила «негодными свиньями», «ослами», «невѣждами», «глупцами», «безумцами», «тупыми и грубыми сумазбродами», «обманщиками», «атеистами» и «прямыми безбожниками»— всѣхъ тѣхъ, кто рѣшается отвергать обливаніе «аки бы неправильное» («Оправданіе поливательнаго крещенія», Ѳеофана Прокоповича, стр. 5 и об.). Старался Питиримъ облатынить русскую церковь временъ смуты, упрекая ее въ допущеніи обливанія надъ больными младенцами, но самъ попалъ за это, по суду собственной церкви, въ число «свиней», «ословъ» и даже «прямыхъ безбожниковъ». Невольно возникаетъ вопросъ: какъ же нужно признавать новую господствующую церковь на основаніи книги «Пращицы», осуждающей обливаніе, какъ «повелѣніе римскаго костела» и какъ ересь? Очевидно—церковью неправославной, уклонившейся къ римскому костелу и заразившейся его ересью. Питиримъ такимъ образомъ самъ изобличилъ предъ старообрядцами свою церковь въ еретичествѣ.

По книгѣ «Пращица», господствующая церковь повинна еще въ одной погрѣшности. Питиримъ гово-

ритъ, что должно «во время молитвъ на Троицкой вечерни точію колѣна преклоняти, и тако молитися, а не на земли лежати» (лис. 244 об.—245 и 246 об.). Моленіе на колѣнахъ—это латинскій обычай, котораго не знала ни древняя русская, ни древняя восточная церковь. Современный архипастырь господствующей церкви, харьковскій архіепископъ Антоній, въ своихъ распоряженіяхъ прямо называетъ моленіе на колѣнахъ латинскимъ обычаемъ, который необходимо вывести изъ употребленія.

Намъ остается отмѣтить еще одинъ пунктъ вѣрованій и утвержденій «Пращицы», чтобы закончить наше разсмотрѣніе. Между старообрядчествомъ и новообрядчествомъ идетъ споръ объ имени Христа Спасителя. Древняя русская церковь всегда писала и выговаривала имя Христа: *Ісусъ*. Со временъ же Никона это имя подверглось сначала только упраздненію, а потомъ и осужденію, самому позорному и хульному. Питиримъ также отвергаетъ это имя. «У насъ же въ Россіи,—богословствуетъ Питиримъ,—множайшіи неискусніи отъ невѣдѣнія обыкоша глаголати Ісусъ а не Іисусъ: сего ради всячески подобаетъ Спасителево имя писати и глаголати Іисусъ, а не Ісусъ. Аще ли же и сокращенно написано будетъ подъ титломъ І҃с҃, но глаголати Іисусъ, а не Ісусъ, понеже есть въ толкованіи въ таковомъ глаголаніи различіе: Іисусъ бо три слога будетъ, а Ісусъ два слога, зане первый слогъ *І*, вторый же слогъ *И*, третій же слогъ *СУСЪ*, и будетъ тако три слога Іисусъ, а не два Ісусъ». «Намъ подобаетъ такожде писати тресложно сице Іисусъ, а не двоесложно Ісусъ, понеже есть въ томъ веліе различіе по греческому языку. У нихъ бо знаменуетъ *ІСОСЪ*. по нашему то будетъ *равный*; по ихже языку *УСЪ*, то по нашему будетъ *ухо*; и тѣ два реченія егда во

едино сложиши, и *будетъ Ісусъ, еже глаголется равноухій*, но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя. И сего ради лучше есть писати Іисусъ, неже Ісусъ. *Да и глаголемъ въ три слога, знаменающе Христа Спасителя нашего и Исцѣлителя, а не въ два слога, знаменающе равноухаго*» (лис. 231 об.—232). Въ этомъ разсужденіи открываются два новыхъ догмата, о которыхъ не говоритъ ни одинъ изъ отцовъ св. Церкви. Одинъ догматъ заключается въ признаніи особаго символическаго значенія слоговъ имени *Іисусъ*. Имя Христа должно быть трехсложнымъ на всѣхъ языкахъ всего міра: и англичане, и индусы, и французы и китайцы обязаны, если они христіане, не иначе писать и говорить имя Христа, какъ только Іисусъ. Духъ Святый далъ апостоламъ въ день пятьдесятный силу говорить «на иныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ» и на нихъ прославлять имя Божіе (Дѣянія апост., гл. II, стр. 4—11). Новый же догматъ господствующей церкви становится въ противорѣчіе этой силы Св. Духа и требуетъ, чтобы Спаситель именовался у всѣхъ народовъ не иначе, какъ только трехсложнымъ именемъ. Второй догматъ новой церкви заключается въ хуленіи имени Господа «Ісусъ». По толкованію Питирима, оно означаетъ не Христа Спасителя, какъ вѣровала вся русская церковь въ теченіе многихъ столѣтій, а какого-то равноухаго. Этимъ новымъ догматомъ порицается не одно только имя Христа Спасителя, но и вся древняя церковь, всегда именовавшая Господа: «Ісусъ». Осуждается даже современная сербская церковь, которая и до нашихъ дней продолжаетъ въ своихъ книгахъ богослужебныхъ и въ Евангеліи именовать Христа: «Ісусъ» (см. напр. Новый Завѣтъ на сербскомъ яз., изданный въ Бѣлградѣ въ 1905 г.). Если вѣрить «Пращицѣ», то придется признать, что и сама новообрядческая церковь

именуетъ Христа Спасителя равноухимъ, ибо и сербы и наши русскіе единовѣрцы, входящіе въ составъ этой церкви, пишутъ и произносятъ имя Господа: «Ісусъ», а не Іисусъ.

* * *

Мы разсмотрѣли наиболѣе существенныя утвержденія книги «Пращицы». Они сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Русская церковь, начиная съ XII-го вѣка и кончая временемъ патріаршества Никона, была заражена многочисленными погрѣшностями, заблужденіями и ересями.

2. Этими заблужденіями и ересями наполнены не только старописьменныя, но и старопечатныя книги.

3. Въ ересяхъ повинны великіе святители русской церкви: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ—московскіе чудотворцы.

4. Не чужды были ересей и святѣйшіе московскіе патріархи: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ.

5. Особенно же заражены были ересями опредѣленія Стоглаваго собора, на которомъ участвовала вся русская іерархія и въ ея средѣ такіе яркіе свѣтильники, какъ Макарій митр. московскій, Гурій и Варсонофій, казанскіе чудотворцы, св. Филиппъ, игуменъ Соловецкаго монастыря (впослѣдствіи — московскій митрополитъ) и другіе преподобные и праведные отцы Церкви.

6. Символъ вѣры, изложенный въ старопечатныхъ книгахъ, проклятъ вселенскими соборами.

7. Двоеперстное сложеніе по одному своему виду («по вещи») есть аріанство, македоніанство и несторіанство.

8. По своему происхожденію оно—армянство и латинство.

9. Двоеперстіе проклято и трепроклято.

10. Сугубая аллилуія противна церкви, она предана еретиками, заключаетъ въ себѣ македоніанскую ересь, она—богомерзка.

11. Служеніе литургіи на семи просфорахъ есть неразсудство и раздѣленіе церкви.

12. Изображеніе на просфорахъ восьмиконечнаго креста съ копіемъ, тростію и главой Адама—преступно, еретично и проклято.

13. Хожденіе по солнцу вокругъ церкви при ея освященіи и при совершеніи таинствъ св. крещенія и брака есть также послѣдованіе римскому костелу и ересь.

14. Совершеніе исповѣди по старопечатнымъ Потребникамъ есть также послѣдованіе римскому костелу.

15. Всѣ знаменающіеся двумя перстами, говорящіе сугубую аллилуію, совершающіе литургію по старымъ служебникамъ, ходящіе посолонь есть противники церкви и прокляты.

16. Священники, совершающіе литургію на просфорѣ съ изображеніемъ восьмиконечнаго креста и другихъ орудій страданій Господа, низвержены и прокляты, и отъ нихъ не можетъ быть сущее тѣло и кровь Христова.

17. Имя Господа «Ісусъ» совсѣмъ не имя Христа и не знаменуетъ Спасителя и Исцѣлителя, оно значитъ: «равноухій».

18. На всѣхъ языкахъ должно именовать Господа «Іисусъ», это имя символическое по своимъ тремъ слогамъ.

19. Триперстное сложеніе, трегубая аллилуія и другія новыя преданія должны быть неизмѣнными

въ церкви, они, какъ догматы, вѣчны и непреложны.

20. Не знаменающіеся тремя перстами прокляты и препрокляты.

21. Изъ перечисленныхъ пунктовъ само собой вытекаетъ, что современные единовѣрцы, содержащіе всѣ старые обряды до никоновской церкви, есть еретики и раскольники, они прокляты—и сами, и ихъ обряды; служба ихъ богомерзка и таинства ихъ недѣйствительны.

22. Сущность Новозавѣтной Церкви заключается въ допущеніи непрерывныхъ кровавыхъ убійствъ. Въ этомъ именно благодать и истина.

Этими пунктами опредѣляется почти все содержаніе книги «Пращицы». Питиримъ проводитъ ихъ и защищаетъ ихъ съ поразительною твердостью и непреклонностью. Иначе онъ и не могъ сдѣлать, ибо все изложенное имъ въ «ПращицѢ» есть основа и сущность, альфа и омега новой никоновской церкви. Это *ея* вѣра, *ея* догматы. Изъ-за нихъ именно и произошелъ расколъ русской церкви. Какъ показываетъ «Пращица», старообрядцы возстали противъ Никона и его единомышленниковъ не изъ-за мелочи, не изъ-за буквы только и незначительныхъ обрядовъ, а изъ самой души Церкви. Наши многострадальные предки отстаивали ея вѣру, святость и благочестіе. Споръ шолъ изъ-за самой сущности христіанства, изъ-за пониманія Самаго Христа, Его божественнаго полномочія и благодати. Старообрядцы остались при прежней святой Церкви. Они пребыли съ Христомъ — Кроткимъ, Смиреннымъ, принесшими Себя въ жертву за весь міръ. Никонъ и его сторонники создали себѣ новую церковь на презрѣніи къ прежней Церкви, на проклятіяхъ и анаѳемахъ; Христа они проповѣдуютъ какъ законоположника убійствъ, благодать Его понимаютъ

какъ насиліе и кровавую расправу. Вотъ въ чемъ сущность расхожденія старой вѣры съ новой.

* * *

Написавъ книгу отвѣтовъ на вопросы старообрядцевъ, Питиримъ отдалъ ее на судъ своей церкви. «При семъ, — заявляетъ онъ, — аще въ чемъ забвеніемъ и недоразумѣніемъ, или лѣностію или грубостію, или по каковому образу и виду, въ чесомъ погрѣшихъ, у всея святыя церкви прошу прощенія. Азъ же остаюся *во всемъ въ повелѣніихъ и мудрованіихъ ея несомнѣнный послушникъ*. Прошу же погрѣшенная трудолюбнѣ да исправятся и недостаточная *да тщаливнѣ навершатся*, во славу единаго Бога въ Троицѣ славимаго и покланяемаго, и въ душеспасительную многимъ пользу, аминь» (лис. 410 об.) Въ отвѣтъ на эту просьбу высшая церковная іерархія одобрила книгу Питирима и благословила ее къ печатанію. Церковь не нашла въ «Пращицѣ» ни единаго погрѣшенія или недоразумѣнія. Авторъ «Пращицы» предсталъ въ своемъ твореніи дѣйствительно «во всемъ въ повелѣніяхъ и мудрованіяхъ церкви несомнѣннымъ послушникомъ». Сочиненіе его оказалось подлиннымъ голосомъ новой церкви. Питиримъ былъ лишь рупоромъ для этого голоса.

Полемическія книги господствующей церкви, направленныя противъ старообрядцевъ, издавались всегда отъ ея имени и съ одобренія и благословенія высшаго священноначалія. Онѣ являются такимъ образомъ книгами символическими и каноническими, своего рода евангеліемъ новой церкви. Самъ Питиримъ отзывается о полемическихъ книгахъ, напр., «Жезлѣ» и «Увѣтѣ», такъ: «Въ книгѣ *Жезлѣ* и во *Увѣтѣ* и яже во псалтирѣхъ о сложеніи трехъ перстовъ, напечатано по *повелѣнію всея соборныя великороссійскія церкве, купно тожде едино православное мудрованіе восточныя цер-*

кве, понеже въ тѣхъ книгахъ о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ *властію святыя церкве* доволная винословія православнаго мудрованія напечатана» (лис. 175 и 128 об.). Не частныя лица отвѣчаютъ за полемическія книги, а вся «власть церкви» и сама «соборная церковь». По свидѣтельству «Пращицы», въ полемическихъ книгахъ изложено мудрованіе всей греко-россійской церкви. И сама «православно-каѳолическая церковь» увѣряетъ, что полемическія книги противъ старообрядцевъ, въ томъ числѣ и «Пращица», изданы и сочинены именно ею. «Отъ самаго того времени— читаемъ въ «Увѣщаніи», изданномъ синодомъ,—какъ сдѣлался сей печальный развратъ, не преминула *церковь святая разныя сочинять и издавать книги,* а именно: Жезлъ правленія, Увѣтъ духовный, *Пращицу,* Скрижаль, Розыскъ, Обличеніе, и многія другія, которыми всемѣрно тщалася сей раздоръ утишить, и изнемогающыя члены исцѣля, присоединить къ здравому тѣла своего составу. И нельзя жъ сказать, чтобъ Божія благодать сіе спасительное церкви намѣреніе самымъ не обрадовала дѣломъ. Ибо не малое число, какъ-то уже извѣстно, оныя изданныя читая книги, свои погрѣшности усмотрѣли, и съ великою для истины славою къ церкви матери своей обратилися» («Увѣщаніе», стр. 2, изд. 1885 г.). Перечисленныя здѣсь книги признаются не только твореніемъ самой церкви, но и дѣломъ Божіимъ, благодатнымъ и спасительнымъ. Замѣчательно, что даже при учрежденіи единовѣрія самъ создатель его, Платонъ митр. московскій, счелъ нужнымъ заявить, во первыхъ, что полемическія книги издавала именно церковь и, во-вторыхъ, что и теперь она не отказывается отъ нихъ: «При дозволеніи проситилямъ церкви потребно быть судится провозгласить слѣдующее: что несчастливый расколъ отъ чего произошелъ и когда сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ

о томъ книгъ. *Церковь* все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того *изданы многія книги*, въ коихъ явственно и доказательно показано и заблужденіе отторгщихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славянскими древними книгами оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей церкви православной употребляются» «И нынѣ, — провозглашаетъ митр. Платонъ,—не можетъ быть о всемъ томъ иная *церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается*» («Правила учрежденія единовѣрія», см. въ «Трудахъ перваго единовѣрческаго съѣзда въ Москвѣ», стр. 115 — 116). Этимъ заявленіемъ о постоянномъ и неизмѣнномъ вѣрованіи своей церкви относительно древнихъ книгъ и обрядовъ Платонъ‘ митрополитъ московскій, прямодушно и торжественно засвидѣтельствовалъ, что господствующая церковь признаетъ единовѣріе преступнымъ и еретичнымъ. Прошло болѣе ста лѣтъ со времени учрежденія единовѣрія, однако оно до сихъ поръ все еще не стало равноцѣннымъ господствующей церкви, и въ наше время синодальная іерархія смотритъ на него подозрительно и не выпускаетъ его изъ платоновскаго плѣна. Книга «Пращица» и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина, со всѣми заключающимися въ нихъ проклятіями и анаѳемами, какъ и всѣ полемическія книги господствующей церкви, есть тяжкій приговоръ надъ единовѣріемъ и надъ всѣми его отличіями отъ новообрядческой церкви. Этотъ приговоръ никѣмъ не отмѣненъ до нашихъ дней. Господствующая церковь даже не можетъ отказаться отъ него. Это было бы равносильно признанію своихъ погрѣшностей и заблужденій. Конечно, дай Богъ чтобы это соверши-

лось. Это—единственный путь къ ея спасенію. Но когда совершится господствующей церковью признаніе своихъ заблужденій и раскаяніе въ нихъ и совершится ли,—это одному Богу извѣстно. Будемъ просить Господа, чтобы Онъ помогъ совершиться сему великому дѣлу.

* *
*

ОГЛАВЛЕНІЕ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Александръ діаконъ. Біографія его, 20—21 стр. Донесеніе его Петру Великому, 25—28. Казнь надъ нимъ, 28—29.

Аллилуія сугубая. Еретична и зѣло нечестива, 47—49. Имѣется въ никоновскихъ изданіяхъ, 49—50. Возбранена многажды, 51.

Анаѳемы на Мартина Армянина, 88—90.

Андрея апостола рука не имѣетъ триперстія, 109—110.

Армяне знаменаются триперстіемъ, 104.

Двоеперстіе. Преданіе Мартина Армянина, 58. За него прокляты армяне, 72 и латиняне, 58 и 72. Соборне воспрещено, 73—74. Клятвами отречено, 58 и 70. Издревле проклято, 59, 70, 72 и 73. Проклятіе на него: Ѳеогностова Требника, 80—81; Аѳонскихъ монастырей, 75—76; патріарха Макарія и друг. іерарховъ 77; собора 1667 г., 78.

Армянская ересь, 73. Аріанство въ немъ, 58—60. Македоніанство, 61. Несторіанство, 65—66. Латинская ересь, 58—59. Еретично и потому, что особо изображаетъ два Христовыхъ естества, 65—66 и 67. Двоеперстіе Стоглава еретично, 65. Еретично въ старопечатныхъ книгахъ, 66. Не хотяще подтверждаютъ въ немъ ереси, 63 и 68. Оно еретично по самой вещи, 60—61, 63—64, 65 и 68. Одно повелѣніе креститься двумя перстами—весьма неправославно, 73. Противленіе Церкви въ двоеперстіи, 74. Иконы съ двоеперстіемъ переправлялись, 107—108.

Димитрію Ростовскому служба подтверждаетъ небывалаго Мартина Армянина, 100.

Догматъ—убивать людей, 38—40.

Иконы съ двоеперстіемъ переправлялись на триперстіе, 107—108.

Исповѣдь въ старопечатныхъ Требникахъ по Римскому костелу, 114—115.

Іерусалимскій образъ Богородицы съ двоеперстіемъ, 107.

Іисусъ—тресложное имя, 118.

Іисусъ значитъ равноухій, 118—119.

Казнь раскаявшихся старообрядцевъ, 2.

Керженскіе скиты, 4—6.

Колѣна преклонять на Троицкой вечерни, 118.

Комненосова рука съ триперстіемъ, 110—111. Она же съ именословнымъ перстосложеніемъ, 112.

Корсунскій крестъ съ двоеперстіемъ, 108.

Максимъ Грекъ писалъ о двоеперстіи и сугубой аллилуіи, 113. Это ученіе его передѣлывали никоніане на свой ладъ, 114. Ученіе его о двоеперстіи и сугубой аллилуіи имѣетъ еретическое мудрованіе, 46.

Мартинъ Армянинъ. Біографія его, 81—83. Ученіе его, 82—83. Соборное сужденіе о немъ, 86 и слѣд. Анаѳемы на него, 87—90. Дѣяніе на него во всемъ православно, 90—91. Всю Россію заразили его ереси, 91. Старообрядцы слѣдуютъ ему въ обрядахъ, 90—91. Соборное дѣяніе на него подложно, 94—95 Онъ зачатъ на соборѣ 1667 года, 97—98. Подтверждается въ службѣ Димитрію Ростовскому, 100.

Наказанія кнутомъ и рваніемъ ноздрей, 14—15.

Обливаніе—латинскій обычай, 116—117.

Патріархи московскіе благочестивые содержали ереси, 45.

Петръ Великій стоялъ сначала за кроткое обращеніе старообрядцевъ, 8. Но потомъ издалъ указъ выдумывать на старообрядцевъ преступленія, 10—11.

Питиримъ. Біографія его, 6—7. Предлагалъ обманъ и насиліе, 9, 11 и 14.

Подлогъ соборнаго дѣянія на Мартина Армянина, 94—95. Ѳеогностова Требника, 95.

Подлоги „Пращицы“, 105—113.

Полемическія книги издавались церковью, 123—125.

Попы въ огромномъ количествѣ сочувствовали старообрядцамъ, 9, 12 и 13.

Посолонное хожденіе весьма противно, 51—52.

„Пращица“ отдана на судъ церкви, 123. Издавалась церковью, 124.

Проклятіе на незнаменающихся двоеперстно въ древнихъ Кормчіихъ, 113.

Проклятія: Питирима, 18—19; Аѳонскихъ монастырей, 75—76; патріарха Макарія, 76—77; собора 1667 г., 78.

Просфоры нельзя печатать печатью съ восьмиконечнымъ крестомъ, 55—56. Отъ нихъ не можетъ быть сущее Тѣло Христово, 56—57.

Пытки до смерти, 10—17.

Свѣчами (трикиріемъ и дикиріемъ) изображается св. Троица и два Христовыхъ естества, 68—69.

Символъ вѣры въ старопечатныхъ книгахъ проклятъ, 43—44.

Седьмипросфоріе погрѣшительно, 53—54.

Соборное дѣяніе на Мартина Армянина, Соборнѣ подтверждено, 101. Читалось въ храмахъ вмѣсто Пролога, 96. Подтверждаетъ его синодальная іерархія, 98—99. За обличіе его подложности смертью казнили, 96.

Стоглавый соборъ. Повелѣнія его весьма неправославны, 44.

Триперстіе. Прокляты незнаменающіеся имъ, 75. Въ немъ изображаются особо два Христовыхъ естества, 71.

Троица символизируется различными вещами, 62—63.

Церковь древлерусская заражена ересями, 40—43.

Ѳеогностовъ Требникъ, 80. Подложный, 95. Проклятія его, 80—81.

Ѳеодоритово слово писалъ сущій раскольникъ, 46.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Цѣна 50 коп.

Сочиненія Ѳ. Е. Мельникова.

1) **„Блуждающее богословіе“** *Обзоръ вѣроученія господствующей церкви* Цѣна 75 к.

2) **Испытаніе и побѣда Церкви Христовой.** (Къ вопросу о паденіи и возстановленіи епископства). Цѣна 30 к.

3) **Къ вопросу о богословіи Бѣлокриницкаго устава** Цѣна 25 коп.

4) **Участіе іудеевъ и иновѣрцевъ въ дѣлахъ церкви** (Къ вопросу присоединенія митр. Амвросія). Цѣна 25 коп

5) **Въ защиту старообрядческой іерархіи.** Цѣна 10 к.

6) **Конецъ сомнѣніямъ въ законности старообрядческой іерархіи.** Цѣна 30 коп.

7) **„Талантливый изслѣдователь раскола“ (членъ Госуд. Совѣта, прот Буткевичъ)** Цѣна 10 коп.

8) **Возможно ли объединеніе старообрядчества въ одну Церковь** Цѣна 60 коп.

9) **Бесѣда о крещеніи митр. Амвросія и о 500 червонцахъ.** (Изданіе 3-е, исправленное и дополненное). Цѣна 25 коп.

10) **Свидѣтельство Арсенія Суханова о крещеніи грековъ.** Цѣна 10 коп.

11) **Антихристъ и крушеніе безпоповскихъ надеждъ на него** Цѣна 10 коп.

12) **Въ тенетахъ ересей и проклятій.** (Къ современнымъ спорамъ объ именахъ Божіихъ) Цѣна 15 коп

13) **Безотрадное положеніе современнаго бѣглопоповства.** Цѣна 10 коп.

14) **Мои наблюденія и впечатлѣнія отъ поѣздокъ на миссіонерскія бесѣды** Цѣна 15 коп.

15) **О старообрядческомъ священствѣ до митр. Амвросія.** (Какое было на старообрядческихъ священникахъ крещеніе) Цѣна 10 коп

16) **Современные запросы старообрядчеству** Цѣна 30 коп.

17) **Разсмотрѣніе книги „Пращица“ и Соборнаго дѣянія на еретика Мартина Армянина.** Цѣна 50 коп.

---

1) **„Пращица духовная“**, Питирима архіепископа нижегородскаго и **Соборное дѣяніе на Мартина Армянина** (съ критическимъ предисловіемъ Ѳ. Е. Мельникова). Цѣна 5 руб.

2) **Оправданіе поливательнаго крещенія** (Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, точная копія съ синодальнаго изданія), *съ критическимъ предисловіемъ Ѳ. Е. Мельникова.* Цѣна 1 р

Цѣны означеннымъ сочиненіямъ указаны безъ пересылки. При выпискѣ требуется прилагать приблизительно 20 коп. на каждый рубль заказа Выписывающіе наложеннымъ платежомъ доплачиваютъ кромѣ того 10 коп. за налогъ и 10 коп. за заказъ.

ВЫПИСЫВАТЬ ПО АДРЕСУ.

Москва, Большіе Каменщики. Старообрядческому Братству Честнаго Креста Господня.